

Тетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 1 2025]

За нашу Победу!

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Март 2025 г.]

**За
нашу
Победу!**

[Март 2025 г.]

Тетради по консерватизму

[№ 1 2025 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2025

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
5.5 – Политические науки, 5.6 – Исторические науки,
5.7 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадковский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, М.М. Шевченко, А.А. Шириняц, А.В. Щипков.

Тетради по консерватизму: Альманах. – №1. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2025. – 182 с.

Очередной выпуск альманаха «Тетради по консерватизму» посвящен 80-летию юбилею Победы нашей страны в Великой Отечественной войне. Акцент ставится на проблематике защиты исторической правды о Войне, ее зачинателях и победителях, роли СССР в разгроме нацизма. Все эти темы находятся на острие информационной войны Запада против России. День Победы стал сакральным днем в нашей стране, одним из базовых фундаментов единства нашего общества. Когнитивные войны, которые ведет Запад против нашей страны, направлены на разрушение данного единства. Опасность этих войн не до конца понимается в нашем научном сообществе, политической элите, социуме в целом. Данный выпуск акцентирует внимание на этих проблемах.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах «Тетради по консерватизму»», 2025
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2025

Р.В. Михайлов

От редакции

7

Л.В. Поляков

Слово к читателю

9

Раздел первый

Великая Победа – подвиг народа

А.В. Щипков

Победа в парадигме русской сакральности

13

С.Ф. Черняховский

Великая война и гражданская религия России.

Битва мировых проектов

20

Д.О. Тимиряев

Курская битва: историческая правда через призму документального наследия

34

А.К. Беспалов

Феномен самопожертвования советских и японских летчиков в годы Второй мировой войны: сравнительный анализ

45

Раздел второй

Наша Победа и ее фальсификаторы

А.К. Камкин

Европейская политика деформации исторической памяти как путь к реваншизму и социально-политическому регрессу

55

Н.П. Таньшина

Трансформация памяти о роли СССР во Второй мировой войне в современной Франции

67

А.А. Киселев

Память и нарративы о Второй мировой войне в польском общественном мнении (2000–2020)

79

А.Д. Гронский
Борьба с памятью о Великой Отечественной войне
в Прибалтике и Молдавии
89

И.Н. Шумейко
История войны – война историй
100

Раздел третий

Не забыть и не простить

К.В. Шевченко
Чехи на службе Третьего рейха: зигзаги исторической политики
во Второй Чехо-Словацкой республике и в Протекторате Богемия
и Моравия в 1938–1945 годах
117

Н.В. Селюкина
Проблема наказания нацистских преступников и их пособников в контексте
сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.
Подходы, примеры, перспективы
126

О.Г. Казак
Коммеморация бойцов Армии Крайовой в Беларуси в 1990-х годах:
акторы, инструменты, результаты
140

Н.В. Селюкина
Исторический анализ судебного преследования нацистских пособников
из литовских полицейских батальонов: на примере Антанаса Гецевичюса
151

Раздел четвертый

А если подумать?

Ю.С. Павловец
«Пакт Молотова – Риббентропа» и его историческая значимость
для Белоруссии
163

Н.С. Ищенко
Тарас Шевченко в Луганске: места памяти и традиции интерпретации
171

От редакции

Уважаемые читатели!

Победа в Великой Отечественной войне, ставшей главной частью и принципиальным завершением Второй мировой, занимает особое место в нашей истории. День Победы – поистине святой день для всех: православных и мусульман, иудеев и буддистов, верующих и атеистов, индивидуалистов и коллективистов, и т.д. Это единый праздник для абсолютно всех народов нашей страны. Это та священная точка, в которой сходятся красные и белые, консерваторы и либералы, коммунисты и антикоммунисты, власть и оппозиция. Этот день един и неделим для всех, он – один из краеугольных камней ценностной сборки нашей страны. В каком-то смысле 1941–1945-й – это годы окончательного завершения великой гражданской войны в России. Гигантские жертвы и тотальная мобилизация в борьбе с бесчеловечным врагом создали то единство, наследниками которого мы являемся до сих пор. День Победы давно находится вне конкретного исторического времени и государственно-территориального пространства, которые могут меняться, став сакральным праздником нашего общества во всем его противоречивом историческом развитии и во всей его цветущей сложности, выражаясь языком Константина Леонтьева.

Поэтому неудивительно, что именно День Победы, наша Победа в той страшной войне стала объектом жестокой атаки со стороны коллективного Запада. Эта атака реализуется как в информационно-пропагандистской форме в медиа, так и, что более страшно, в рамках долгосрочной стратегии трансформации исторической памяти среди новых поколений стран Запада. Оксюморон, но наша Победа в войне оказалась объектом войны.

Причина очевидна: в рамках когнитивных войн, что ведет Запад против тех стран мира, которые стремятся развиваться на принципах цивилизационного суверенитета, а это далеко не только Россия, важнейшая цель – расколоть общество, лишить его своих ценностей, а лучше – навязать ему чужие мировоззренческие установки, то есть свои – западные. Для реализации этой цели необходимо разбить прочную коллективную идентичность страны и общества на массу мелких групп, меньшинств с их зыбкими «индивидуальностями» и непрочными «уникальностями», которые легко меняются под дуновением постоянно меняющейся повестки. Которая, разумеется, формируется извне. Такая фундаментальная ценность нашего общества, как Победа в Великой Отечественной войне, однозначно противостоит подобному дроблению. Каждый год 9 мая проявляется единство нашей страны в его уже трех и более поколениях. В самой маленькой деревеньке и мегаполисе, в России и бывших республиках Союза, на всех континентах, где проживают наши люди, чтят эту дату и память о войне. В каком-то смысле это тоже часть Русского мира. Разрушить это трансконтинентальное духовное единство и стремится Запад.

Есть и неочевидная причина: пытаюсь размыть нашу Победу, стараясь обесценить ее, приписать себе чрезмерно увеличенный вклад в разгром нацизма,

отдельные страны Запада пытаются забыть свой позор. Речь идет не о горечи поражений в той войне перед гитлеровской военной машиной. Мы сами испытывали эту горечь. Речь идет о позоре непротивления, а порой согласия и даже союзничества и поддержки, которую оказали нацистам все страны континентальной Европы, по крайней мере в лице широкого круга граждан и местных нацистских объединений, коллаборантов. Мы никогда не должны забывать, что не только гитлеровская Германия, а вся объединенная под нацистскими знаменами Европа напала на СССР 22 июня 1941 года и пыталась уничтожить наш народ, изрядно в этом преуспев. От Албании до Испании, от Швеции до Италии – весь европейский континент (за редким исключением какой-нибудь Швейцарии), все государства нынешнего Европейского Союза воевали под знаменами Гитлера против нас.

Таким образом, их атака на нашу Победу – это не только стремление приуменьшить роль СССР в разгроме нацизма, не только война за разрушение нашего единства, нашей идентичности, но и борьба за обеление собственной истории, которая полна коричневых пятен.

Оставим пока за рамками тот тяжелый вопрос, почему наша Победа в той войне и наша Великая Жертва, принесенная абсолютно всему миру, не поставили точку в истории нацизма на этой планете. Почему «коричневая чума» возродилась в XXI веке, причем зачастую, даже напрямую и в полной мере используя тот идейный багаж, вплоть до риторики и лексики, который был разработан их идеологическими предками – нацистами 30-х и 40-х годов XX века, которых и разбил Советский Союз. Эта проблема требует своего отдельного исследования, и в будущем мы обязательно посвятим ей один из выпусков «Тетрадей по консерватизму».

Данный же номер журнала посвящен другой теме – защите нашего исторического наследия. Защите нашей Победы, которой исполняется уже 80 лет. Как представляется, острота данного вопроса и возможные негативные его последствия не до конца понимаются в нашей стране. Чтобы обострить восприятие проблемы, в порядке дискуссии рискну выдвинуть несколько инициатив.

Прежде всего наша Победа требует защиты на законодательном уровне, в том числе и на самом высшем – конституционном. В Конституции Российской Федерации должно быть закреплено положение о роли СССР, наследницей которого является Россия, в освобождении мира от нацизма. Соответственно, Россия охраняет историческую память о той войне, причинах ее возникновения, позиции стран и их роли в Победе во всей ее целостности и совокупности.

Данный статус закрепляет за нашей страной право и обязанность требовать от всех государств и мирового сообщества борьбы с любым проявлением коричневой чумы, какие бы конкретные формы она ни принимала в той или иной стране, в том или ином обществе. А также борьбы с искажением исторической правды, с ложной исторической политикой, вплоть до уголовного преследования.

Непосредственно мониторингом по данному вопросу могла бы заниматься ассоциация общественных организаций и вузов гуманитарного профиля во главе с Национальным центром исторической памяти при Президенте России. А реакция на конкретные проявления нацизма в различных странах мира была бы уместна от органов и структур государственной власти: МИД, Министерство образования, Государственная Дума, Совет Федерации, их профильные комитеты.

Защита Победы стала делом государственной важности. Соответственно оно должно иметь четкую законодательную базу и институциональную основу. Сама Победа имеет мировое значение. А значит ее защита распространяется на территорию всего мира. Даже обсуждение подобных инициатив уже станет вкладом в защиту и нашей Победы, и ценностных оснований нашего общества, исторической памяти нашей страны. А пока наш скромный вклад в это дело – данный выпуск альманаха «Тетради по консерватизму», подготовленный российскими и белорусскими авторами.

Родион Михайлов

Слово к читателю

В этом году мы отмечаем восьмидесятую годовщину нашей Великой Победы. С каждым годом тот исторический день – 9 мая 1945 года – все дальше и дальше от нас. Но вот парадокс: с каждым прибавляющимся годом для всех нас этот день становится все ближе и ближе. Мы как бы ощущаем связь времен, глядя на Вечный огонь у Кремлевской стены, зажженный в ознаменование памяти Неизвестного Солдата.

Первый номер наших «Тетрадей» за 2025 год мы решили посвятить Победе, одержанной советским народом в Великой Отечественной войне. О ней, об этой Победе написано множество научных статей и книг, снято огромное количество документальных и художественных фильмов, написано и сыграно во всех российских театрах немало замечательных пьес. И кому-то может показаться, что всего этого вполне достаточно, что нет особого смысла вновь и вновь погружаться в далекую историю, что лучше бы обратиться к тому, что зовется «злобой дня».

Но в том-то и дело, что сегодняшняя «злоба дня» такова, что буквально взывает к нашей памяти, настоятельно требует серьезного и ответственного разговора о величайшем подвиге нашего народа. Эта «злоба» вполне очевидна: восемьдесят лет назад наши отцы, деды и прадеды сломали хребет нацистскому зверю, водрузив победный флаг в самом его логове – в Берлине. Затем состоялся Нюрнбергский трибунал, на котором нацизм был осужден как преступление против человечества. И тогда показалось, что с этим абсолютным Злом покончено раз и навсегда.

Однако выяснилось, что нет, не покончено. Оно объявилось в новом – бандеровском – обличье. Неонацизм, заботливо взрощенный в годы украинской самостоятельности западными кураторами и местными энтузиастами – наследниками Бандеры и Шухевича, заявил себя в ипостаси лютой русофобии. Фирменным брендом украинских неонацистов стали факельные марши, массовые митинги-радения с кричалками: «Хтой нэ скачэ – той москаль!» и призывами: «Комуняку на гиялку, москаляку – на ножи, на ножи!». И апофеозом этого неонацистского шабаша стал ритуальный хоровод в украинских детсадах и начальных школах с исполнением такой песни: «Батько наш Бандера, Украина – маты, мы за Украину будемо воеваты!»

Вот та новая реальность, та «злоба дня», которая неизбежно возвращает нас на восемьдесят лет назад – к нашей Великой Победе над тогдашним нашим злейшим врагом и врагом всего человечества. Это возвращение еще и потому неизбежно, что сражаться с сегодняшним неонацистским оборотнем нам приходится на землях тогдашней Советской Украины, за освобождение которой положили свои жизни сотни тысяч советских – украинских в том числе – солдат. И освобождая сегодня эти земли от неонацистской нечисти, наши героические воины в составе подразделений СВО, по сути дела, повторяют подвиг своих предков.

Да, можно сказать прямо: Специальная военная операция – это актуализация священной памяти о Великой Победе сорок пятого. Это битва за то, чтобы

навсегда устранить из круга европейского (как минимум) человечества озверелого неонацистского мутанта. Это – эстафета поколений, в которой отцы, деды и прадеды-победители передают свою силу, волю и славу нынешним героям СВО. Но при передаче этой эстафеты необходимо помнить, что сила, воля и слава наших предков сегодня нуждается в бережном охранении и каждодневной защите.

На священную память той Великой Победы посягают те, кто рассчитывает с помощью украинских неонацистов взять реванш за проигрыш в той Великой нашей войне. Нужно учесть, что нынешняя война разворачивается не только на полях Украины, но и в головах и душах в том числе и наших сограждан. Оболваненный «средний европеец» за немногими исключениями поверил в то, что украинские неонацисты – это борцы за «демократию», что они ведут «священную войну» против «тоталитарной России», что наша Великая Победа на самом деле стала новым «порабощением Европы». Задача западных, прозападных и всяких иных заукраинских агитаторов и пропагандистов – навязать этот неонацистский, по сути, нарратив и нашей отечественной аудитории.

В информационном пространстве, социальных сетях, мейнстримных западных медиа с каждым днем по мере приближения к восьмидесятилетнему юбилею Великой Победы уже раскручивается и будет раскручиваться все сильнее спираль дезинформации, лжи и клеветы, нацеленная на дискредитацию подвига советского народа. Этому необходимо противостоять всеми возможными мерами, на всех фронтах идейной, интеллектуальной и – не в последнюю очередь – моральной борьбы. Выпуская в свет этот номер «Тетрадей по консерватизму», мы надеемся внести свой посильный вклад в наше общее дело по сбережению и защите священной памяти о Великой Победе.

Великая Победа – подвиг народа

{ Раздел первый }

*А.В. Щипков
Победа в парадигме русской сакральности*

*С.Ф. Черняховский
Великая война и гражданская религия России.
Битва мировых проектов*

*Д.О. Тимиряев
Курская битва: историческая правда через призму документального
наследия*

*А.К. Беспалов
Феномен самопожертвования советских и японских летчиков
в годы Второй мировой войны: сравнительный анализ*

Победа в парадигме русской сакральности

«И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиной розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей Божественной
Холодеет кусочек цветка, –
Встанет утро Победы торжественной
На века».

Николай Заболоцкий, 1946

День Победы объединяет в себе триумфальное и трагическое, счастье преодоления и горечь поминовения. Говоря сухим научным языком, мы имеем дело с классической многоуровневостью культурного символа. С этим символом в русской культуре связан целый комплекс сакральных смыслов, о которых мы будем говорить в этой статье.

Прежде всего в коллективном сознании русского общества майская Победа 1945 года перекликается с Победой Пасхальной, с Христовой Жертвой, которая есть одновременно и страдание, и победа над смертью во искупление наших грехов. Сразу после Победы в советском обществе, несмотря на влияние госатеизма, сложилось ощущение трансцендентности воинского подвига. Оно не могло не сложиться. Кто горел в танке ради единоверцев и единокровцев, тот шел путем обожения, ибо «нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13).

Настало время четко артикулировать эту уверенность, заявить о ней вслух, предупреждая попытки снизить сакральность даты 9 Мая, чего бы так хотели наши противники.

Сфера сакрального в общественном сознании всегда шире сферы исторической религии. Она также выходит и за рамки гражданской религии, учение о которой вслед за Ж.-Ж. Руссо (трактат «Об общественном договоре») развивалось позитивистской социологией, в том числе Эмилем Дюркгеймом в работе «Элементарные формы религиозной жизни» [1]. У Эмиля Дюркгейма гражданская религия определяется как система ритуалов, легитимирующих общественные институты и формы коммуникации, способствующих общественной мобилизации и достижению в обществе органической солидарности.

Но наша Победа – не только и не столько легитимирующий институт и ритуалистический комплекс, хотя празднование 9 Мая и шествие «Бессмерт-

Щипков Александр Владимирович, доктор политических наук, ректор Российского православного университета св. Иоанна Богослова; советник Председателя Государственной Думы Российской Федерации. E-mail: mail@shchipkov.ru

ного полка» тяготеют, в том числе, и к этому. Это еще и часть практики теозиса, внутреннего преображения человека, готового «положить душу за други своя». Именно благодаря людям, склонным к осуществлению такой формы теозиса или его светского аналога, наша страна вынесла первые месяцы войны в 1941 году, преодолела «версты обгорелые, в пыли», а затем, в 1944–1945-м «прошагала пол-Европы, пол-Земли». Эти события Великой Отечественной наряду с переживанием «плахи» (геноцида русских от Талергофа до Ленинграда, Донца и Суджи) составляют контуры национальной драмы России в XX–XXI веках.

Но сфера сакральных смыслов, возникших в связи с майской Победой 1945 года, включает в себя не только идею самопожертвования. Это и радость исхода из рабства, которое утверждал «коричневый» проект объединенной Европы, встречавшей вермахт цветами.

Следствием Победы стало и преодоление кризиса идентичности, вызванного «красно-белым» противостоянием. Национальный триумф поменял оптику гражданской войны на оптику противостояния западной духовной экспансии. Этот аспект особенно важен в связи с другими случаями кризиса сакральной сферы – такими как церковный Раскол, отказ от концепции «Москва Третий Рим» в пользу «догоняющего развития» и статуса европейской периферии, а также демонтаж советского проекта.

* * *

Национальная идентичность основана на религиозном чувстве. Это отчетливо проявляется в искусстве, когда оно касается военной темы. При первых звуках песни «Священная война» невидимая пружина заставляет каждого из нас встать. По сути, это второй, неофициальный гимн нашего Отечества. В той музыке и в этом тексте помимо обостренного гражданского чувства заложен и прямой религиозный смысл. Мы считываем его в эпитетах «темная сила», «проклятая орда», содержащих инфернальные коннотации. Враг воспринимается автором и слушателем – они в этот момент едины – как воинство бесовское. Священная война, таким образом, открывает свою надмирную, эсхатологическую сущность.

Показательны строки Владимира Высоцкого: «Наши мертвые нас не оставят в беде // Наши павшие, как часовые...». В песне «Он не вернулся из боя» трагически явлен образ боевого братства, который отсылает к русской соборности, существующей как в земном измерении, так и в небесном.

Соборность перед лицом смерти заявлена и в одном из блокадных стихотворений великого русского поэта Николая Заболоцкого: «О великой памяти чести, // Ты сказала, любящая мать: // – Умирать, мой милый, надо вместе, // Если неизбежно умирать». Здесь гражданское понятие «великой чести» включает в себя и более высокую семантику «воскресения», «бессмертия». В тексте Заболоцкого жертвы войны показаны как герои мученичества – мученического жития.

Военная тема часто демонстрирует нам соединение светского и религиозного на уровне исторических отсылок. Например, у Ольги Берггольц: «Ты русская – дыханьем, кровью, думой. // В тебе соединились не вчера // мужицкое терпенье Аввакума // и царская неистовость Петра...» («Август 1942 года»). В момент соединения эпох и сословий врачуются гражданские расколы, срывается поврежденная ткань русской истории: «И женщины с бойцами встанут рядом, // и дети нам патроны поднесут, // и надо всеми нами зацветут // старинные знамена Петрограда» (Ольга Берггольц «Я говорю»).

Житие св. Александра Невского, «Полтава», «Бородино», «Война и мир», «Севастопольские рассказы» – русская литература хранит память

о многовековой европейской войне с Россией, которая никогда не останавливалась и продолжается сегодня. Эта память трансисторична и эсхатологична.

Свои «старые камни» имеют не только храмы, но и цитадели. И они рассказывают о том, что события 1941–1945 годов – лишь один из этапов большой европейской войны против России с участием «дванадцати языков». Ее частью является и оболганная Крымская война, в которой Россия отстояла (а значит, победила) и свои земли, и свои святыни, в первую очередь Херсонес. Это и Первая мировая, и, конечно, Великая Отечественная.

Со стороны Европы военная кампания 1941–1945 годов помимо расового смысла, заявленного пангерманистами, имела смысл экзистенциальный и в итоге религиозный. Россия как исторический субъект воспринималась западноевропейским сознанием как перманентный вызов. Отрефлексированный характер это отношение приобрело еще в эпоху Ренессанса. Список теоретиков русофобии, если бы он был составлен, включал бы такие имена, как Франсуа Рабле, рассуждавший о «московитах, индейцах, персах и троглодитах», Сигизмунд Герберштейн, Астольф де Кюстин, Фридрих Энгельс и Карл Маркс, писавшие о русских как «реакционном народе», Макс Вебер с его темами русской «угрозы мировой культуре» и немецкой «культурно-исторической ответственности», Вернер Зомбарт с темой восточного «жизненного пространства для Германии», Адольф Гитлер и многочисленные гитлеровские расологи, Ханна Арендт, рассуждавшая о панславизме как особой форме тоталитаризма, теоретик несуществующего «открытого общества» Карл Поппер, Збигнев Бжезинский, Френсис Фукуяма и т.п. Внушительность списка говорит о сакральном отношении к проблеме не только с нашей, но и с противоположной стороны, и ее мотивационные истоки легко прочитываются. Существование России не позволяет европейскому сознанию окончательно отречься от христианского мира. Россия и русскость – вечное напоминание Европе о ее отступничестве от веры отцов.

Россия также представляет проблему для западной геокультурной и геополитической мысли, поскольку своим существованием отменяет бинарную модель «Запад – Восток». Вспомним хрестоматийное: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись» (“Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet”) – формулу, выведенную Редьярдом Киплингом в «Балладе о Востоке и Западе». Слом этой модели требует использования как минимум тринарной, а в итоге – мультинарной концептологии.

Россия не является, ни «Западом», ни «Востоком», она является Центром. Центром евразийского, а в какой-то мере и мирового пространства, своего рода «Средиземной сушей», неявно соотносящейся со Средиземным морем в географической системе координат. Именно поэтому совершенно некорректна позиция евразийцев, представляющих Россию соединительным «мостом» (звеном) между Западом и Востоком – в таком контексте Россия полностью лишается как политической, так и сакральной субъектности.

Тринарная геокультурная модель с тенденцией к умножению полюсов дает совершенно другую перспективу. Здесь Россия представляет собой самостоятельный восточно-христианский, поствизантийский полюс на фоне утраты этого статуса большинством других православных субъектов (Фанар, Греция, Болгария, Украина и др.), примкнувших к полюсу протестантского глобализма. Именно поэтому мы видим настойчивые попытки «отмены» Русского мира всеми доступными Западу методами: от культурных до военных.

С точки зрения глобального Запада, Россия – немодернизируемая сущность, тормоз истории. В ней недостаточно людей с конструктивистским типом

мышления, ее социальные институты якобы отстали и несовершенны, слишком тесно связаны с ценностным критерием и религиозным чувством. Между тем современный Запад тоже обладает собственным типом религиозности, выработанной в рамках структур секулярного модерна, и его конфликт с Россией, безусловно, имеет религиозную природу. Об этом свидетельствует западное восприятие русскости как абсолютного «тоталитарного зла».

Если рассмотреть этот конфликт на более глубоком уровне, можно констатировать, что Запад назначил Россию и россиян на роль сакральной жертвы их исторического проекта. Вообще институт жертвы – важнейшая опора предельно материалистичной системы западного модерна. Модерн и протестантская этика предполагают принесение самых разных традиций, наций и культур в жертву собственному технологическому развитию: не случайно наряду с «кровью и почвой» гитлеризм обожествлял «прогресс» – отсюда производственные цеха концлагерей и гитлеровская евгеника (предтеча трансгуманизма). Архаичная религиозность и архаичная этика на фоне власти технологий – вот формула, дающая краткое и емкое описание европейской личности эпохи модерна. При этом весь мир как бы обязан стать гарантом развития западной культуры, все прочие культуры и цивилизации должны быть подвергнуты обезличиванию.

Критик современного модерна философ Рене Жирар утверждал, что функция жертвоприношения всегда ускользает от нашего внимания [2, с. 23]. И действительно, этот неоязыческий институт в современной культуре почти никогда не становится объектом анализа. Но в целом вполне очевидно, что в XX–XXI веках статус жертвы переходит к «врагам демократии» и «закрытым обществам», и, разумеется, Россия занимает в списке таких жертв первое место.

«Как трудно жить на свете, когда с Россией никто не воюет», – заметил в свое время премьер-министр Британии, лорд Пальмерстон. На уровне аксиоматики европеец в самом раннем детстве усваивает, что русские – главное препятствие на пути прогресса, носителем которого является западноевропейский культурно-антропологический тип. Поэтому с русскими рано или поздно предстоит воевать. Так выглядит сакральное ядро европейских нарративов самоопределения. В структуре этой сакральности центральное место занимает сакральная жертва: в социотипическом смысле это чаще всего «тоталитарная личность», «внутренний варвар», «ватник» и проч. Наша миссия заключается в том, чтобы отвергнуть этот культ: мы, люди традиции, отстаиваем право России на собственный исторический путь и собственную парадигму сакральности. Включая сакральность Дня Победы.

В 1945 году война не была окончена, сегодня она продолжается, и чтобы ответить на вопрос, как долго продлится конфликт с Западом, необходимо задать встречный вопрос: как давно идет этот конфликт? Ведь, как известно, романские и германские племена утверждались на значительной части Европы, вырезая там славян. И этот конфликт стал составной частью следующего, связанного с модернистской трансформацией, дехристианизацией, колониализмом и фашизмом. Можно обозначить его как перманентный и постоянно длящийся. Он будет продолжаться, пока существуют сама российская государственность, русская этничность, Русский мир и Русская Православная церковь.

К сожалению, этого не понимали советские вожди, для которых конфликт русских с колониальным Западом укладывался в рамки классовой теории. В конечном счете они пришли к идее «разрядки» на любых условиях, «лишь бы не было войны», затем – к «конвергенции систем», а в итоге к полной капитуляции под флагом «интеграции». Сегодня мы в очередной раз вынуждены принять вызов, брошенный нам в июне 1941 года.

В свое время святой князь Александр Невский выбрал союз с Ордой, а не с Тевтонским орденом: ему важно было устранить главную – религиозную – угрозу. Сегодня мы ставим ту же цель: сохранить свой духовный, религиозный суверенитет. Отдельным вопросом является угроза Церкви, поскольку разрушение сакрального центра народа как ничто иное подавляет его волю к сопротивлению, делает это сопротивление бессмысленным.

В связи с этим важно отметить, что репрессии, обрушившиеся на прихожан и клириков Украинской Православной церкви, фактически стали продолжением религиозной войны, которая велась в Германии при Гитлере (так называемый кирхенкампф). Важным эпизодом здесь стало разграбление Киево-Печерской Лавры, мощи и иконы из которой были вывезены в европейские музеи. Разумеется, эти действия объясняются не просто банальной алчностью, но стремлением символически уничтожить Киев как сакральный центр православного христианства, подвергнув поруганию наши святыни и как бы отказывая русскому православию в праве на сакральность.

Сегодня подобные планы вынашиваются и по отношению к Белоруссии. Поработить Белоруссию Запад сможет лишь при условии раскола и ослабления православия, создания якобы «национальной» церкви и постепенного окатоличивания белорусов. Не случайно Ватикан торпедирует идею канонизации главного духовного покровителя Белоруссии митрополита Иосифа Семашко, вернувшего в начале XIX века из униатского плена два миллиона православных. Все это совершенно закономерно: ведь сборка нашей общей идентичности всегда осуществлялась при участии Церкви, достаточно вспомнить хотя бы годы Смуты. Церковь ответственна за сбережение всех святынь, как религиозных, так и гражданских, ответственна за всю сферу сакрального.

Мы всегда помним о нашей сакральной географии – о Херсонесе, Валааме, Соловках, Полоцке, Почаеве, Жировичах – все эти места дороги сердцу православного человека. Увы, не часто мы задумываемся о нашей сакральной истории. Между тем именно историческая сакральность сводит Божественную волю, деяния подвижников и подвиги героев войны в одну панораму, в единый космос истории. В ряду таких событий – Крещение Руси, освобождение от Ига, объединение русских земель, Победа 1945 года, Русская весна...

Парадигма сакральности соединяет время повседневного с временем историческим и временем надмирным, соотносит героические деяния предков с событиями библейской истории. Религиозен в своей основе и русско-советский научный романтизм с его идеями воскрешения мертвых, воцерковленной космической Эллады и цветущих на Марсе яблонь. Религиозна и русская мечта о «справедливом обществе», о «царстве правды», ведь основа этих понятий в России – вовсе не марксизм, а апостольское справедливое общежитие.

* * *

Политические группы, идейно связанные с периодом 1990-х годов и их внешние кураторы направляют свои усилия на разрушение русской сферы сакрального, расщепления ее структуры. Информационные атаки на День Победы имеют целью вытеснить память о войне из актуального социального контекста. Именно с этой целью был вброшен омерзительный термин «победобесие».

Но не менее серьезной, хотя и не столь очевидной проблемой является нарратив, в котором война с фашизмом описывается в прошедшем времени. Такая оптика ведет к десоверенизации и созданию иллюзии исторической бессубъектности русского общества, она усиливает негативный и ослабляет позитивный аспект русской идентичности. В русском сознании образ войны воспринимается как экзистенциальный конфликт, как война за ценности, за сохранение антропологического типа русского человека. СВО – это продол-

жение Великой Отечественной войны. Обе эти войны – единый кластер исторических событий.

Западные технологи ставят задачу разрушить в русском сознании образ войны как религиозного противостояния, как защиты культурно-исторических оснований русского социума, девальвировать значимость Победы. Превратить Победу в рядовое исторически ситуативное событие, то есть десакрализовать. Борьба за интерпретацию темы Победы – это борьба за символический язык народа. Состояние этого языка определяет тот, кто этим языком владеет, утверждает свой статус как статус носителя значимых дефиниций. Утрата обществом символического языка, утрата контроля над ним ведут к историческому беспамятству и коллективному инфантилизму. Это не что иное как вариант демифологизации культуры, аналогичный «демифологизации религии», которую проповедовали Дитрих Бонхеффер и другие протестантские богословы XX века. Подобные инструменты направлены на создание дискретной, прерывистой, противоречивой модели национальной идентичности, для чего требуется выбить или как минимум расшатать ее сакральный фундамент.

Наша сакральность, сакральность Дня Победы, противопоставлена сакральности наших противников. Ярким примером последней может служить Одесская Хатынь – массовое сожжение русских в Одессе 2 мая 2014 года. Именно в тот день украинский сюжет принял характер религиозной войны.

Если рассматривать роль России как катехона («удерживающего»), как защитницы и хранительницы чистоты православной веры, мы приходим к выводу, что она никогда не проигрывала сражения, всегда побеждала. В этом смысле понятия Россия и Победа – практически синонимы. Россия не может потерпеть поражение пока она существует и выполняет свою миссию. Но нельзя победить фашизм только силой оружия, особенно в эпоху когнитивных войн. Сегодня любая форма борьбы с фашизмом – это в первую очередь борьба за идентичности, ценности, символы и нарративы. Например, привычный тезис о том, что в 1945 году мы «освободили Европу от коричневой чумы», безусловно, некорректен и требует пересмотра, поскольку невозможно освободить Европу от самой себя. В этом мы должны отдавать себе отчет.

В части рефлексии по поводу войны 1941–1945 годов и ее продолжения должен быть поставлен вопрос о денацификации Запада в целом. В первую очередь он должен быть поставлен в самой России, то есть стать официальным нарративом, в противном случае он не будет поставлен нигде и никогда. Такая постановка вопроса представляет собой серьезный исторический прецедент, который рано или поздно поставит Запад перед необходимостью исторического покаяния за фашизм и колониализм.

Сегодня вполне понятно, что корневая система фашизма связана не только с пангерманизмом, но и со всеми идеологиями европейского модерна, включая либеральную. При этом важно фундировать отношение к самому модерну как технократической архаике, существующей на основе языческого института жертвы. Россия стремится следовать своей ценностной традиции и четко артикулирует это положение вещей как в официальных документах, так и в политической риторике.

Этот нарратив сегодня становится ключевым на пути к окончательной Победе. Правильно ставя вопросы и правильно отвечая себе, мы сохраняем осознание сакрального смысла нашей русской Победы. Сохраняем ее глубинную связь с Пасхальной победой над смертью. Мы продолжаем дело Александра Невского, защитников Москвы и блокадного Ленинграда – защиту русской сакральности. Тем самым распространяя Победу мая 1945 года на сегодняшний день.

Литература

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: Тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018. 736 с.
2. Жирар, Рене. Насилие и священное, М.: Новое литературное обозрение, 2000,

Аннотация. В статье рассматривается символизм Дня Победы в контексте парадигмы русской сакральности. Подчеркивается символическая связь Дня Победы с Победой Пасхальной, Христовой Жертвой. Внутреннее преображение человека, готового «положить душу за други своя», автор рассматривает как форму теозиса, а Великую Отечественную войну как экзистенциально-религиозный конфликт с Западом. Современная форма западного модерна определяется как технократическая архаика, сохраняющая в качестве одного из своих оснований языческий институт сакральной жертвы, на роль которой выбрана Россия, поскольку ее существование ведет к сбою воспроизводства европейской идентичности, ориентированной на антихристианскую геокультурную модель. В статье описаны попытки разрушения русской парадигмы сакральности, в частности, информационные атаки на День Победы, борьба за овладение символическим языком народа.

Ключевые слова: День Победы, институт жертвы, гражданская религия, исторический язык, нарративы самоопределения, парадигма сакральности, символический язык, технократическая архаика.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Alexander V. Shchipkov, Doctor in Political Science; Rector, St John the Divine Russian Orthodox University; Councilor to the Russian Federation State Duma Chairman. E-mail: mail@shchipkov.ru

The Great Victory in the Paradigm of Russian Sacredness

Abstract. In the article the author examines the Victory Day symbolism in the context of Russian sacredness paradigm. He emphasizes the symbolic connection of the Victory Day with the Easter Victory and Christ's sacrifice. Inner transfiguration of a person, ready to "lay down his life for his friends", the author views as a form of theosis, and the Great Patriotic War – as an existential and religious conflict with the West. The contemporary form of the Western modern is defined as technocratic archaic that preserves as one of its foundations the pagan institution of sacred sacrifice, for which role Russia has been chosen because its existence leads to the failure of European identity reproduction designed for anti-Christian geo-cultural model. In the article the author describes the attempts to destroy Russian sacredness paradigm, in particular, informational attacks on the Victory Day and the struggle to take over the people's symbolic language.

Keywords: Victory Day, Institution of Sacrifice, Civil Religion, Historic Language, Self-determination Narratives, Paradigm of Sacredness, Symbolic Language, Technocratic Archaic.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Великая война и гражданская религия России. Битва мировых проектов

Гражданская религия России

Тема Великой Отечественной войны, тема Великой Победы при всей своей ритуальности является абсолютно уникальной для истории страны и обладает особой значимостью для самоидентификации нации. С одной стороны, на сегодня это единственное из официально отмечаемых историко-политических событий, в положительной оценке которого сходятся все основные силы страны. Все остальные даты в той или иной степени являются предметом раскола в политическом сознании. Ни призвание Романовых, ни свержение самодержавия, ни Октябрь 1917-го, ни пертурбации 1989–1993 годов при всей своей колоссальной роли в судьбе страны не только не могут претендовать на какое-либо согласие в оценках, но просто разводят различные силы по разные стороны баррикад.

Праздник Победы принимают и коммунисты, и антикоммунисты, и нынешняя власть, и оппозиционные либералы. Можно спорить, насколько искренне это делают последние, можно вполне обоснованно предполагать, что они просто не рискуют ставить под сомнение одну из наиболее почитаемых в народе торжественных дат. Однако это опасение само по себе лишь подтверждает масштабность праздника Победы.

С другой стороны, победа в войне – это единственное из историко-героических событий, которое не только принимается обществом, но и обладает актуальным политическим смыслом. Куликовская битва и Полтава, освобождение Москвы от поляков, Чесма и Рымник, взятие Берлина при Елизавете и война 1812 года – все эти победы признаются славными и героическими, но они слишком отдалены от нас, относятся к другому миру и другой истории, другой цивилизации и потому не могут претендовать на действительное политическое значение и мобилизационный потенциал. В отношении к Великой Отечественной войне сходятся героическая традиция и современность, подвиг перед Отечеством и дело спасения всего гуманистического вектора цивилизации. Трагический ход войны, сверхнапряжение народа, колоссальность нависшей над нами и всем миром угрозы, огромные жертвы и грандиозность Победы: вместе все это определяет не просто историко-героическое и патриотическое, а действительно сакральное значение события, начавшегося 22 июня 1941 года. За этим подвиг спасения мира.

Российское общество сегодня не может идентифицировать себя ни на этнической – славянской, ни на конфессиональной основе. После трагедии 1990-х годов оно лишилось и проектного единства, которым обладало в совет-

Черняховский Сергей Феликсович, доктор политических наук, профессор, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: serfecher@mail.ru

ский период. На вопрос «Кто вы?» ему сегодня просто нечего отвечать. Кроме одного, еще оставшегося: «Мы – народ, спасший мир от нового варварства, от фашизма. Мы – народ, своей кровью и своим подвигом очистивший мир от той мерзости, которую вы породили, которой вы осквернили историю, которой вы испугались и перед которой вы почти капитулировали».

Сейчас верность Победе – единственная смысловая площадка, позволяющая осуществить национальную самоидентификацию, мотивировать новое напряжение и осуществить тот новый прорыв, без которого Россия практически обречена на выпадение из истории. Поэтому обсуждение различных экстравагантных версий, имеющих отношение к Великой Отечественной войне, это сегодня далеко не только вопрос о познании исторической правды. Это вопрос о принятии или непринятии и, соответственно, разрушении последней сакральной даты, последней площадки, от которой можно стартовать уже не для спасения мира, а для спасения самих себя.

Казалось бы, красиво звучит постулат: «патриотизм воспитывается прежде всего правдой об истории». Казалось бы, верно. Но далее следует вывод: «А потому давайте обсудим – не несет ли СССР равную ответственность за развязывание Второй мировой войны? Не готовился ли он сам напасть на Германию, следовательно, не была ли гитлеровская агрессия всего лишь вынужденным превентивным ударом (впервые эту версию после войны высказала вдова Риббентропа)? Не были ли власовцы вовсе не предателями, а идейными борцами против «сталинского тоталитаризма»? Не являются ли коммунизм и нацизм двумя вариантами одного и того же зла, а советские гвардейцы, бравшие Берлин и Кенигсберг, освобождавшие Варшаву и спасавшие Краков и Прагу, такими же, завоевателями, как их менее удачливые «собратья» из СС? А победил ли вообще СССР? Может быть, на самом деле победили западные союзники? А если победил, то какой ценой? Может быть, просто завалив пушечным мясом гитлеровские окопы? И вообще – нужна ли победа такой ценой? Вот сдали французы Париж – и спасли и город, и тысячи жизней, сдали бы мы Ленинград – сколько людей уцелело бы? Сдали бы Сталинград – город бы уцелел. Может быть, вообще, сдались бы сразу в 1941 году – и жили бы сейчас не хуже, чем немцы, пили бы их пиво...».

И, казалось бы, нужно отвечать на эти вопросы, даже если известно, что это ложь. А это известно, и на все эти вопросы ответы давно даны. Но те, кто их ставит, вовсе не настолько безграмотны, чтобы не знать, что это ложь. Их цель не в том, чтобы выяснить правду. Правду на самом деле они отлично знают. Более циничные просто пытаются нажать на эпатажности публичный капитал, как нажил его некогда Юрий Афанасьев, одним шаблонным приемом заставивший говорить о себе как о «известном историке». Прием заключался в том, чтобы по поводу любого общепринятого суждения заявлять: «Скажем прямо, все кругом ... (сталинизм, тоталитаризм, мракобесие, диктатура – в общем что-нибудь гадкое)». И экзальтированная публика заходила в умиление: «Какой смелый! Прораб перестройки!». При этом только посвященные знали, что на все свои смелости он получал санкцию от небызывестного Александра Яковлева, равно как и гарантию безопасности своего выступления...

Правда, те, кому не дают покоя его лавры, не отдают себе отчет в том, что время этой эпатажности ушло. Что общество сегодня другое, и общественные настроения не будут принимать их спекуляции, и эти спекуляции запишут их в черный список «нерукопожатных» в самом профессиональном сообществе. Да и власть, в отличие от 1987–1990 годов при некоторых своих недостатках, сделав ставку на патриотический пиар, вовсе не расположена поощрять таких «первооткрывателей».

Более искушенные ставят более продуманные цели. Да, они знают, что все их «черные версии» не выдерживают никакой критики в среде профессионалов. Собственно, все они давно негласно занесены в разряд «теорий вечного двигателя» – среди профессионалов «черные гипотезы» просто давно не принято обсуждать как опровергнутые и ничем реальным не подтвержденные. Но ведь есть еще непрофессиональная публика. И хотя значительной части ее эти гипотезы давно надоели, есть некоторая часть, которая может включиться, начать обсуждать, а иногда в силу незнания фактов и всерьез ужаснуться этому бреду.

И вот эти обсуждения сами по себе являются целью истинных авторов «черных гипотез». Потому что они позволяют разрушать сакральность и мобилирующий потенциал мифа. Задача не в том, чтобы доказать ложь. Это в конечном счете невозможно, рано или поздно она будет опровергнута. Задача в том, чтобы, навязав публичное обсуждение оскорбительной темы, разрушить ее сакральность.

Если святотатцу позволить измываться над символом сакральности, сакральность исчезает, потому, что одно из ее качеств – неприкосновенность. Если «черные гипотезы» о Победе публично обсуждаются, значит, не такая она Великая. И вообще – то ли победа, то ли не победа, кто их разберет, вот историки сами не знают. Нет сакральности, нет мифа. И нет базы для идентификации. И нет площадки для старта прорыва.

Конечно, отчасти, в этих «черных гипотезах», а все они родились на Западе, есть определенная психологическая травма западных стран. Их жители помнят, как они капитулировали перед нацизмом. Они не заваливали трупам вермахт – они просто от него бегали. Вспомним, например, Арденны. И они, с одной стороны, не хотят это признавать даже перед самими собой. А с другой – просто хотят избежать уплаты по долгам за собственное спасение.

Но что более важно, многим из тех, кто обладает правом выстраивать свою стратегию (хотя, надо признать, не всем), довольно часто просто не нужно, чтобы на территории бывшего СССР был осуществлен новый прорыв. И не в силу приписываемого им горе-патриотами русофобства. А просто потому, что не нужен лишний конкурент. И поэтому они вполне осознанно и, со своей точки зрения, вполне оправданно наносят точно рассчитанный удар по тому последнему, что еще может служить духовной основой социального прорыва.

Кто победил и что победили...

Сегодня, спустя 80 лет после Победы в величайшей из войн истории человечества, мы по-прежнему либо не отвечаем, либо слишком мало задаемся вопросом как о субъекте, так и об объекте победы. Мы по-прежнему не отвечаем, кто, собственно, победил как в Великой Отечественной, так и во Второй мировой войне.

Известные политические силы, вполне естественно, микшируют этот вопрос, трактуя его то ли как победу России над Германией, то ли, что отчасти ближе, а отчасти дальше от действительности – как победу стран антигитлеровской коалиции. Ближе, поскольку затрагивает вопрос о мировой политической конфигурации противоборствующих даже не стран и мировых интересов, а проектов. Дальше, потому что игнорирует вопрос о том, чей вклад в победу оказался решающим, уравнивает заслугу и честь между началами, внесшими абсолютно несопоставимый вклад в победу над общим противником.

Все разговоры о том, что тогда победил православный дух и исконная готовность русского человека к войне и жертве, не объясняет многие исторические факты. И тем более странны заявления иных быстро говорящих по-

пулярных комментаторов, утверждающих: дело в том, что на стороне России был Бог. Только непонятно, в Первой мировой войне Он, стало быть, был против России, раз война закончилась так, как закончилась... То есть Бог в войне 1914 года был не на стороне России, а на стороне тех, кто выступал против войны... Подобные утверждения вызывают смех и приводят к абсурдности.

Представляется, что прав Сергей Кургинян, когда предлагает для ответа на этот вопрос вспомнить итоги Первой мировой войны. Действительно, тогда еще не обрушившаяся Российская Империя, во главе с, казалось бы, почитаемым самодержцем под малиновый звон колоколов вступила в схватку с полупарламентской, раздираемой борьбой политических фракций кайзеровской Германией.

Россия имела тогда на своей стороне все преимущества традиционалистского устройства. Единую, казалось бы, веру. Блестящее и мужественное офицерство, действительно ходившее в полный рост в штыковые атаки на немецкие батареи. Ходившее, не сгибаясь, не вынимая сигар изо рта, и без единого выстрела бравшее подчас эти батареи. С началом войны страну охватил массовый патриотический подъем. Социальные конфликты, на какой-то момент ушли в тень.

Германия, вялая и неотмоблизованная, воевала на два фронта, причем русский фронт был, при всей своей важности, второстепенным. Основные события и основная напряженность боев были все же на Западе.

На стороне России с самого начала сражались ведущие страны мира. И Россия уже к 1916 году явно проигрывала войну. И бесславно проиграла: уже к зиме 1916–1917 годов количество дезертиров и уклонистов в армии оценивалось современниками в миллионы человек. Чаще всего звучали оценки 2–2,5 млн, реже более сдержанные (по оценке председателя Государственной думы М.В. Родзянко – около 1,5 млн) [1]. Офицерам было опасно заходить в солдатские окопы. Приказы не исполнялись. Эти факты – из документов того времени.

Списывать это на то, что войска были распропагандированы небольшой, в 25 тысяч человек, партией большевиков – единственной последовательно выступавшей за поражение своего правительства – потрясающая наивность и непонимание сути происходивших процессов. Хотя бы потому, что большевики, имея активную поддержку среди рабочих, практически, до 1917 года, не имели поддержки в среде крестьянства, составлявшего подавляющее большинство армии. Может кто-нибудь представить себе, чтобы власовцам удалось распропагандировать в 1940-х годах Красную Армию и увлечь ее идеей повернуть штыки против Сталина? Попробовал бы кто заняться такой агитацией – не довели бы до Особого отдела...

Проходит двадцать лет. Царь расстрелян. Колокола разбиты. Православные церкви в массе своей закрыты и снесены. Священники сосланы. Белое офицерство порублено красными шашками. Красное – в значительной степени расстреляно своими же. Страна не готова к войне, несмотря на все предыдущие усилия. Промышленности как воздух необходимо от полугода до двух лет перестройки.

И тем не менее Советский Союз один держит огромный фронт против совсем другой Германии. Германии, которая накалена нацистской идеологией. Отмобилизовала народ. Сконцентрировала в своих руках промышленные ресурсы всей Европы. Гонит на фронт испанцев и румын, итальянцев и венгров. Немцы боготворят фюрера. К концу войны на стороне Гитлера почти миллионная [3] власовская армия – это численность Квантунской армии Японии. Ни один из будущих западных союзников не оказал Германии достойного сопротивления. Армии Запада бесславно рассеяны железным натиском вермахта.

И с первых дней Великой Отечественной войны вермахт терпит неудачи. В привычку вошло говорить о неудачах Красной Армии в 1941 году. Казалось бы – верно. Страшные потери. Сожжена основная часть авиации и большая часть бронетехники. Потери промышленности и населения неописуемы. Враг доходит до Москвы, а в 1942-м и до Сталинграда. Пал Киев и блокирован Ленинград.

Но не под Москвой и Сталинградом решена судьба войны. Ее в первые две недели боев решила истекающая кровью Красная Армия. Без танков и авиации, с потерянной артиллерией, с одними устаревшими трехлинейками и гранатами она в эти две недели день за днем выбивает у Германии потенциал возможной победы. Каждый день вермахт теряет больше техники и живой силы, чем он мог себе позволить, каждый день он теряет темп наступления, продвигается на меньшее число километров, нежели ему было предписано планами наступления. На принципиальном уровне война была проиграна Германией в первые две недели. Затем, а особенно на исходе лета победа СССР стала делом техники.

Вторая мировая война не была войной наций и держав. Она была борьбой мировых проектов. Четыре основные мировые идеологии: коммунизм (СССР), либерализм (США), консерватизм (Великобритания) и накаленный национализм (Германия) вступили в схватку по вопросу о проектном видении будущего мира.

Великая Отечественная война советского народа была не просто основным военным событием Мировой войны – она была ее принципиально качественной составляющей, включением коммунистического проекта в это соперничество. Именно она определила общую проектную составляющую противоборства.

Вторая мировая война шла в конфигурации союза либерализма, коммунизма и примкнувшего к ним консерватизма против общей проектной угрозы в лице германского нацизма. Сами по себе либерализм и консерватизм были не в силах выиграть эту борьбу, что и показали события 1939–1941 годов. Дело в том, что они олицетворяли статус-кво, олицетворяли привычный и комфортный для них мир, были мало способны к мобилизации. Германия противопоставила им накаленное видение будущего, свое видение модернизации в виде накаленного контрмодерна.

Из сил, выступивших против него на защиту мира модерна, прогресса и всего вектора Возрождения и Просвещения, лишь коммунизм обладал своим, альтернативным нацизму видением фронта, будущего мира, в котором было место не только привычному комфорту, но и подвигу, миру человека, у которого есть ценности бóльшие, чем биологическая жизнь отдельного индивидуума. Националистический проект контрмодерна проиграл коммунистическому проекту сверхмодерна. Проиграл не только в военном, техническом и экономическом плане, но в первую очередь в проектном и мотивационном плане. Проиграл в конечном счете на функциональном уровне.

Гитлеризм дал своим сторонникам накаленную идею. Сильную идею. Он говорил: «Германия превыше всего! Миру предназначено служить Германии. Она установит новый порядок и только она достойна возглавить мир. Место остальных – служить Германии, быть ее рабами». Поэтому, даже побеждая, он множил число своих противников. Даже те его сторонники в других странах, которые в принципе с симпатией относились к фашизму, на определенном этапе сталкивались с тем, что их место в этом порядке – в лучшем случае место капо при победителях.

Коммунизм дал своим сторонникам иную идею. Он сказал: «Мы предлагаем всем свободу и справедливость! Свобода мира и справедливость для всех – превыше всего. Советский Союз – не новый господин, а освободитель.

Не мир для него, а он – для мира. Место остальных – быть хозяевами своей судьбы, а место СССР – служить человечеству».

Можно, конечно, говорить о том, что Советский Союз намеревался и предложить миру этот новый порядок свободы и справедливости, и вполне искренне собирался научить мир правильно пользоваться этой свободой, установив справедливость в соответствии со своим пониманием. Но Германия предлагала человечеству закрытую систему, СССР – открытую. Поэтому Германия множила своими победами своих же противников, ее проект двигался с отрицательной экспонентой, а СССР даже своими поражениями множил число сторонников, его проект двигался в параметрах положительной экспоненты.

Гитлеризм говорил своим солдатам: «Идите и убивайте! Вы будете господами. Вы получите ферму на Украине, и славянские недочеловеки будут работать на вас и служить вам». Функционально – это сильная идея. Она обещала тем, кто принимал ее, славу, процветание и счастье. Но в ней была очень серьезная функциональная слабость. Она обещала только то, что можно использовать при жизни. За нее можно убивать, но за нее нельзя умирать, а то ферма кому-то другому достанется.

Коммунизм говорил своим солдатам: «Идите и защищайте! Вы будете спасителями своей страны и всего мира. За вами – первая в истории победившая революция рабочих и крестьян, за вами – первое в мире государство трудящихся, за вами – верность делу ваших отцов, впервые в истории свергнувших гнет эксплуататоров и давших шанс на создание царства справедливости. Очень может быть, что в этой борьбе вы умрете, но умрете спасителями мира». Какие бы споры сегодня ни велись о степени утопичности и обоснованности этой идеи, – функционально она была сильнее. Она обещала своим сторонникам то, что было больше жизни. За нее можно было умирать. По сути, коммунизм нес в себе один из древнейших постулатов героического гуманизма: «Смертью смерть поправ!».

Он нес то, чего не было в германском накаленном национализме, а тем более в уже лишенных героики и мобилизации либерализме и консерватизме. Поэтому, по сути, итогом Второй мировой войны стало утверждение миропорядка, который на какое-то время сошелся в признании прогрессистских ценностей: веры в Человека, веры в его Разум, признание антропологического оптимизма, ценности Истории и веры в Прогресс. Даже холодная война, по сути, велась не за или против этих ценностей, а по вопросу о том, как их понимать и реализовывать.

Вторая мировая война стала столкновением, с одной стороны, мировых идеологий, а в более широком плане – цивилизационных проектов, когда остывание и умирание проекта Модерна, утверждавшегося со времен Возрождения и обретшего базовые черты в эпоху Просвещения, вызвало реакцию регрессивных групп общества, объединившихся вокруг тех или иных проектов Контрмодерна как очевидно противостоящих деградационным провозглашениям в рамках остывающего Модерна ценностей комфортной жизни и физиологического благополучия как высших ценностей человечества. Остывающий Модерн, поставивший ценность физиологической жизни выше человеческого подвига и смыслов жизни, не смог противостоять накаленной энергии Контрмодерна. Мир и Цивилизация были спасены благодаря созданию и реализации в СССР нового цивилизационного Проекта Сверхмодерна, продолжающего и развивающего ценности прежнего, героического Модерна.

День Подвига

22 июня – день безусловной трагедии. Открыто оспорить трагичность этого дня не смеет никто. Хотя есть те, кто хотел бы этот день превратить в день обвинения. И не потому, что они хотели бы определить виновных,

а потому что слишком не любят как страну, которую должны были бы считать своей родиной, так и тот строй, который существовал в ней во времена Великой Отечественной войны.

В их вопросах о том, почему эта война началась с поражений, – не боль за погибших и не возмущение национального достоинства. В них отчаяние несбывшейся надежды и досады на то, что первые поражения страны и строя в итоге обернулись его колоссальной Победой. Что этот день стал не днем начала крушения СССР, а днем начала Великого Подвига и восхождения к вершинам могущества, которых Россия никогда ранее не достигала.

Они постоянно поднимают вопрос о причинах первых неудач. О том, почему война началась неожиданно. О том, почему страна оказалась ни в психологическом, ни в военном отношении к войне не готова. О числе потерь и «цене Победы». Но все это нужно им лишь для того, чтобы увидеть то, в чем страна оказалась слаба, и не дать людям вспоминать о том, в чем она была сильна.

Ведь даже вопрос о том, почему за Победу пришлось платить ту огромную цену, им нужен ради того, чтобы не дать задуматься о том, почему страна, понесшая подобные потери и в целом потерявшая больше, чем ее противник, оказалась победителем. И вышла из войны чуть ли не более сильной, чем вступила в нее. Потому что именно этот вопрос и этот ответ для них страшны: им страшно напоминание о том, что смыслы, которыми живет народ, могут оказаться сильнее самой по себе стали, танков, авиации. «Насилье точит сталь, но сталь его не вечна, а ты душою крепче стали стань! Когда чиста душа, а цели человечны, рука крошит отточенную сталь» [4].

Они задают свои вопросы, для того чтобы народ не задумался о других: почему, оказавшись не готовой к войне, страна ответила на первый удар таким ударом, что в дневнике начальника штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта Ф. Гальднера появились записи:

22 июня: «Наступление германских войск застало противника врасплох... После первоначального “столбняка”, вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям...»

23 июня: «На юге русские атаковали в Румынии наши плацдармы на реке Прут и произвели ряд разведывательных поисков из района Черновиц против румынской кавалерии».

24 июня: «В общем, теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам. <...> наличие многочисленных запасов в пограничной полосе указывает на то, что русские с самого начала планировали ведение упорной обороны пограничной зоны и для этого создали здесь базы снабжения».

25 июня: «Оценка обстановки на утро в общем подтверждает вывод о том, что русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших наступающих войск».

26 июня: «Группа армий “Юг” медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий “Юг”, отмечается твердое и энергичное руководство...».

29 июня: «На фронте группы армий “Юг” все еще продолжаются сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение... Это вклинение противника, очевидно, вызвало большой беспорядок в нашем тылу в районе между Бродами и Дубно... В тылу 1-й танковой группы также действуют отдельные группы противника с танками, которые даже продвигаются на значительные расстояния... Обстановка в районе Дубно весьма напряженная...»

В центре полосы группы армий “Центр” наши совершенно перемешавшиеся дивизии прилагают все усилия, чтобы не выпустить из внутреннего кольца окружения противника, отчаянно пробивающегося на всех направлениях...».

30 июня: «...на фронте группы армий “Центр” часть <...> группировки противника прорвалась между Минском и Слонимом через фронт танковой группы Гудериана... На фронте группы армий “Север” противник перешел в контратаку в районе Риги и вклинился в наше расположение... Отмечено усиление активности авиации противника перед фронтом группы армий “Юг” и перед румынским фронтом...» [5].

Почему, при внезапном нападении и при распушенной в отпуск значительной части офицерского корпуса Красная Армия чуть ли не с первого дня войны перешла к постоянным атакам на противника, выбивая тот его потенциал, который по планам должен был привести его к победе в блицкриге. А контратаки шли постоянно – на удар действительно ответили ударом, заставившим содрогнуться вермахт.

Да, к войне оказались не готовы. А кто был готов? Польша, проведшая мобилизацию за несколько месяцев до немецкого удара? Франция, армия которой полгода в ходе «странной войны» простояла на позициях, играя в волейбол? Англия с ее бесславной эвакуацией в Дюнкерке? Или США были готовы к удару в Пирл-Харборе? Вообще в большинстве случаев война начинается неожиданно для одной из сторон, даже если та к ней долго готовится. Если на то пошло, Россия не была готова ни к Северной войне, ни к войне 1812 года, ни к войне 1914-го. Вопрос вообще не в том, готов ли ты к началу войны. Вопрос в том, готов ли ты в ней победить. Равно как и вопрос не в том, чем война начинается, вопрос в том, чем она заканчивается.

Страна знала, что война будет. Страна к ней готовилась. Вооруженные силы за два с половиной года увеличились с 800 тысяч человек до 6 миллионов. Но в основном в июне 1941 года это были не только не имевшие боевого опыта солдаты, но и в значительной степени необученные или недоученные. Или обученные на той технике, которую как раз в 1941 году начали активно заменять на новую. Ведь дело было даже не в том, сколько танков успели, а сколько не успели поставить в войска – дело было в том, сколько механиков успели переучиться на новых танках.

Врага, имеющего двухлетний боевой опыт, встретила в массе своей необученная армия. И вопрос не столько в том, почему она оказалась недоученной и не переученной, а в том, как эта необученная армия смогла сначала ответить мощным контрударом, а потом в считанные недели выбить рассчитанный на будущее потенциал противника. Немецким танкам противостояли люди, значительная часть которых в жизни не видела трактора. И вопрос не в том, почему многие из них бежали при виде этих танков, вопрос в том, как им удавалось эти танки уничтожать.

23 июня – контрнаступление Красной Армии под Луцком, Шауляем, Гродно.

24 июня – 2-й день контрударов Красной Армии на шауляйском и гродненском направлениях, 2-й день танкового сражения в районе Луцк – Броды – Ровно.

25 июня – 3-й день контрударов Красной Армии на шауляйском и гродненском направлениях. 3-й день танкового сражения в районе Луцк – Броды – Ровно.

Военно-воздушные силы Северного фронта и авиационные части Северного и Краснознаменного Балтийского флотов одновременно атаковали 19 аэродромов Финляндии, на которых сосредоточивались для действий по нашим объектам соединения немецко-фашистской и финской авиации. Произведено 250 вылетов.

26 июня – 4-й день танкового сражения в районе Луцк – Броды – Ровно. Авиация дальнего действия ВВС РККА нанесла бомбовые удары по Бухаресту, Плоешти и Констанце.

27 июня – 5-й день танкового сражения в районе Луцк – Броды – Ровно.

28 июня – 6-й день танкового сражения в районе Луцк – Броды – Ровно. 4 тысячи танков сошлось.

29 июня – 7-й день танкового сражения в районе Луцк – Броды – Ровно. Сорвано движение вермахта на Киев и Смоленск, сорваны планы занять их в первую неделю войны.

Говорят, что в Австралии потомки имеющих боевые награды имеют право носить их после смерти родителей. Чтобы помнили, что они наследники подвигов, и имеют право ими гордиться. И это правильно. Может быть, нужно, пусть и с запозданием на десятилетия, ввести такой порядок и у нас. Чтобы люди помнили – это их подвиг. Не только их страны и их народа, но и их семьи. И на вкрадчивый вопрос иного провокатора: «А давайте задумаемся, нужна ли нам была такая победа, да и победа ли это?» – отвечали не растерянным недоумением: «То есть как?» – а так, как надо отвечать на такие вопросы – ударом в зубы.

Потому что не только 9 Мая, но и 22 июня – это день Подвига, а не день поражения. День, когда страна приняла удар, сдержала и начала свой путь к Берлину. 9 Мая не существует без 22 июня. И умение держать удар не менее важно, чем умение побеждать. Одно начинается с другого. И одно недостаточно без другого. Потому что немцы тогда тоже умели побеждать. Но, как оказалось, не умели держать удар. А мы умели. И, кстати, держим его и сегодня – уже в новой войне.

На вопрос, мог бы Советский Союз одержать победу в этой войне без помощи союзников, большинство отвечает утвердительно — 66%, обратное мнение разделяет четверть россиян — 25%. Начиная с 2009 года показатели не претерпевали значительных изменений, но в 2001 году в возможность победы без участия союзников верили больше — 76%. [6].

22 июня – это конечно День Памяти и Скорби. Но это не День Поражения и Тоски. Это день, когда страна сдержала страшный удар. И встала, чтобы ответить на него. Это – День Подвига.

Рубеж Восхождения

Почти сто двадцать лет назад, в 1908 году, был издан роман-антиутопия Джека Лондона «Железная пята». В нем описывалось будущее – времена спустя несколько столетий после XX века. Роман повествует о находке древней рукописи времен одного из первых восстаний против мировой олигархической диктатуры – восстания, потерпевшего поражение, но ставшего одним из ударов, в итоге освободивших мир от этой «Железной пяты».

По сюжету, в первые десятилетия XX века, когда социалисты всего мира чувствовали надвигающееся крушение капитализма и предвкушали близкую победу социалистических революций, история изменила свой ход. Социалистические движения, оказавшиеся слишком идеалистичными, миролюбивыми и ненасильственными, были раздавлены союзом мировой олигархии, отказавшейся от любых намеков на свободу и демократию и погрузившей мир в новое Средневековье. И понадобилось несколько столетий борьбы и несколько сменявших друг друга неудачных восстаний, чтобы «Пята» пала.

Это был тот путь и тот сценарий, к которому шла человеческая цивилизация в начале XX века, потому что единственным вариантом сохранить от взрыва катастрофы старый мир, основанный на прежней экономической

системе, была олигархическая диктатура. Такого сценария человечество тогда избежало. Потому что когда появилась сила, способная покорить мир и установить диктатуру подобного рода, и выяснилось, что старый мир не способен ей противостоять, а скорее готов капитулировать, чем драться за свои города и свободы, оказалось, что есть другие Сила и Образ мира, эту Силу вдохновляющий. Силу, которая может встать на пути железных колонн «Железной пяты» и уничтожать их.

Без 7 ноября 1917 года не было бы готовности стоять насмерть 22 июня 1941 года и не было бы 9 мая 1945 года. Без людей, несших в себе идею Нового Мира, Проект Сверхмодерна, Людей Восхождения, способных жить не для потребления, а для созидания, не было бы тех, кто остановил бы эти железные колонны нашествия, создал и противопоставил им свои, более совершенные и многочисленные.

То, что охвачено датами 22 июня 1941-го и 9 мая 1945-го, было спасением человечества от нового Средневековья, от столетий описанной Лондоном «Железной пяты». Но было и рубежом Прорыва и Восхождения, когда рожденный в 1917 году Мир Восхождения остановил Мир Падения и показал, что цивилизацию могут спасти только те, кто идет вверх, к человеческому в человеке, а не опускается вниз, к животному в нем.

Только и 7 ноября, и 9 мая в своей целостности неполны еще без одной даты Восхождения – 12 апреля 1961 года. Потому что полет Гагарина был не только научно-технической победой СССР в военном соревновании с США. И не просто научно-технической победой вообще. Это был новый взятый рубеж именно Восхождения. Восхождения человека в освоении мира. В неуклонном «движении вверх». 7 ноября открыло дорогу Победе над угрозой новой олигархии и нового Средневековья. 9 мая открыло дорогу Восхождения к новым мирам.

Почему этот мир не утвердился и не состоялся – вопрос большой и отдельный. Во всяком случае, его упадок начался именно тогда, когда высшее руководство страны на рубеже 1970-х отказалось от программ освоения солнечной системы. И достиг критического рубежа, когда было объявлено, что колбаса и туалетная бумага важнее, чем космос и межпланетные перелеты. И когда лидеры страны обменяли космолет «Буран» на кооперативы и частные предприятия.

Хотя дети, рожденные даже еще в 1987 году, до середины 1990-х верили, что страна уже запускает корабли на Венеру. А страна вместо этого опу­скалась в желудочное болото трясины колбасно-витринного изобилия. При котором на витрине колбасы стало много, а деньги на нее из кошельков тех, кто работал на космос, – врачей, ученых, учителей – куда-то исчезали и оказывались на счетах «бизнесменов».

Мы празднуем Великую Победу над фашизмом и мы имеем право и должны ее праздновать. Но мы вынуждены праздновать ее на фоне многих поражений, расплачиваясь за многолетнее надругательство над врачами, учеными и инженерами в своем постсоветском прошлом. Победа над фашизмом действительно стала сакральным событием, значимо принимаемым подавляющим большинством социума. Кроме его известной периферии, не принимающей ни ценности национального суверенитета, ни минимального признания каких-либо достижений советского периода истории и социалистического общества. Впрочем, это примерно те же самые группы, которые не приемлют ни воссоединения с Россией Крыма, ни поддержки антифашистов Донбасса, ни признания национальной самоидентификации и национального достоинства нашей страны в любых ее облициях.

То есть те группы, которые в годы той же Великой Отечественной войны, скорее всего, либо пошли бы служить в полиции оккупированных территорий,

либо прямо ушли в армию Власова, либо всеми силами добивались фальшивых справок о негодном для несения службы состоянии здоровья, прятались от военкоматов и осторожно готовили списки окрестных коммунистов для передачи их новой власти носителей расового превосходства. И убеждали бы окружающих, что Гитлер – это хорошо, а немцы – «культурная нация», которая освободит Россию от «диктатуры большевиков».

Они – такие. Такими были, такими и остались. И они такими останутся, если социум будет продолжать терпеть их присутствие в стране. Хотя есть обоснованное мнение, что они нужны: чтобы каждый видел, что они собой представляют и чтобы они сами были своего рода вакциной против появления в обществе подобных им персонажей.

Но для общества эта консенсусная оценка утвердилась. И значима для всех, кто нравственно ощущает себя гражданами страны. Люди отмечают и празднуют День Победы, внутренне чувствуя, что это не просто военная победа, а что-то значительно большее. Да, играет роль огромность цены, заплаченной за победу: Японию разгромили быстрее, эффективнее и с меньшими потерями. И эту победу тоже помнят, но не так, как драму дошедших до Берлина, разгромивших нацизм и Рейх.

Имя Победы

Строго говоря, Великая Отечественная война 1941–1945 годов имеет точное полное имя: *«Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков»*. И 9 Мая – это *«День Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками»*. И победил тогда Советский народ во главе со своими маршалами, своим Верховным главнокомандующим.

«Бессмертный полк» – это великое действие. Доказывающее, что Победа стала некой гражданской религией. Это нечто вроде причастности к памяти подвига, которого нужно быть достойным и стремиться быть готовым повторить его. Цивилизованное общество потому и является цивилизованным, и обществом, что имеет систему неких табу, охраняет свои ценности и установки и обеспечивает исполнение так называемой функции воспроизводства латентного образца. Те или иные исторические факты в их определенной оценке обозначают систему общественных ценностей, общественной самоидентификации и ее сохранения. Утрата этих ценностей ведет подчас не просто к замене их на другие, что может оказаться довольно болезненным для общества, но и создает ситуацию распада общественного сознания, погружает социум в некое «темное состояние», когда стерты границы между добром и злом, уничтожены образцы желаемого поведения. В результате и народ, и страна оказываются беззащитными как перед внешними притязаниями потенциальных цивилизационных конкурентов, так и перед угрозой внутреннего разложения.

Есть даты и оценки событий, которые создают идентификацию народов, удовлетворяют их естественную потребность в получении ответа на вопрос «Кто я?», и этот ответ в последующем может вести как к осознанию своего достоинства, так и к ущербу и национальной униженности.

Поэтому речь при постановке вопроса о запрещении умаления роли СССР в Великой Отечественной войне или запрете приравнивания СССР тех лет к фашистской Германии должна идти не только о самом признании или непризнании факта Победы или дословном отождествлении СССР и Рейха. Речь должна идти именно об умалении роли Советского Союза, о дискредитации военных усилий страны и народа, и ее руководства, и существовавшей в тот момент общественно-политической системы.

Память о подвиге своего народа должна защитить сама Россия – и морально, и юридически. И должна потребовать уважения к нему от остальных. А к действиям тех, кто не хочет уважать и, более того, собирается реабилитировать гитлеровских палачей, она должна относиться как к попыткам реставрации осужденной в Нюрнберге диктатуры. По всем послевоенным соглашениям союзников, Россия как преемница Советского Союза имеет право и обязанность пресекать и карать все попытки ренацификации, не принимая во внимание заявления неогитлеровских режимов об их «суверенитете».

Все европейские государства существуют как национально независимые, потому что мы отстаивали их независимость. Все пресловутое «европейское понимание прав человека» может существовать только потому, что, платя за это собственным правом на жизнь, советские солдаты остановили и разгромили вермахт, которому никто больше в Европе не был в состоянии оказать хотя бы относительно достойное сопротивление и который до весны 1945 года просто разгонял англо-американские войска, если мог отвлечь на это хотя бы минимально необходимые соединения с советского фронта.

Европейская демократия, Европарламент, Евросоюз, евроинтеграция – все это существует только потому, что мы им позволили быть. Они были ничем, блюдом на столе людоеда, когда мы, заплатив за это великой кровью, взяли этого людоеда за шиворот и оторвали ему голову. Если бы этот людоед не просчитался и не отвлекся от их поедания и переваривания на схватку с нами, их бы вообще не существовало. Даже, возможно, как «генетического материала», потому что, с его точки зрения, никакой ценности именно как «генетический материал» они не представляли. Лучшее, на что они могли рассчитывать, на выборы капо в лагерном бараке.

Всем своим существованием, всем своим благоденствием, всей своей сытостью они обязаны нам – СССР. По-хорошему, они должны, каждый в своей стране, отмечать 9 Мая как День России. И выплачивать пенсию каждому гражданину СССР в двенадцати поколениях, причем на уровне средней зарплаты в странах Евросоюза.

Ритуал Подвига

Парад, «Бессмертный полк», пилотка красноармейца, которую надевают в День Победы, – часть складывающегося ритуала Подвига и ритуала Победы, которые прочно укоренились в нашем обществе. Ритуал потому и нужен, и устанавливается – в значительной степени и стихийно, – что некое общее символическое действие создает некое ощущаемое, хотя и нематериальное единство, незримой тканью соединяющее людей. Точно так же, как это происходит при причащении у христиан или схожих обрядах в других конфессиях. Собственно, это и есть причащение – рождение сопричастия чему-то значимому: Победе, памяти тех, кто ее завоевал, единству с теми, кто ощущает это так же, как ты.

Война с Победой и памятью о ней ведется давно – и прямыми наследниками тех, кто был побежден, и геополитическими противниками СССР/России, и представителями той, вечно стонущей и ненавидящей страну субкультуры, которая всегда недовольна всем и больше всего тем, что страна хочет себя уважать, побеждать и сохранять суверенитет: и экономический, и политический, и культурный.

Сначала они уверяли всех, что никакой Победы не было и праздновать нечего. Потом – что цена Победы была непомерной («завалили трупами»). Потом уверяли, что вообще лучше бы победил Гитлер. Но были отторгнуты обществом. Тогда они попытались размыть торжественное величие фотографий

фронтовиков фотографиями гулаговцев. Которые, кстати, тоже уходили на фронт, – только тогда и нести их фотографии нужно в рядах сражавшихся на фронте.

Когда оказалось, что на них в самом лучшем случае смотрят с недоумением, отступили, мимикрировав под почитающих Победу, но, устроившись среди них, стали демонтировать ее содержание и твердить, что отмечается День Победы неправильно: слишком много радости, слишком много сопричастия, слишком много торжества и победного духа.

И теперь они требуют все поменять: считать это не праздником народа, а праздником ветеранов, из дня гордости и величия превратить в день скорби и чувствовать себя не частью народа победившего, а частью народа пострадавшего. И день посвятить не празднованию, а сочувствию ветеранам и скорби по погибшим.

И даже все может показаться резонным и достойным – есть и уважение, есть и почитание, есть и память о подвигах – только уже отделенных от себя, а потому чужих. Достойных признания, но к человеку другого поколения отношения не имеющих.

Это не стилистическое различие и не недопонимание между памятью о горе и памятью о подвиге. Это сознательный демонтаж героического с заменой его на страдальческое. И вполне проработанная технология разрушения сознания. Они хотят превратить это в день боли и сомнения и убедить людей в том, что война настолько страшна, что победа бессмысленна. А стало быть сломить волю к действию, к сопротивлению злу и стремлению к Победе.

Это просто сознательно используемая технология разрушения сознания и воли, когда разрушается мобилизационный потенциал Памяти Победы, который, охватывая ощущающих ему причастие людей, утверждает их в моральной готовности и мотивирует на то, чтобы при необходимости подвиг 1940-х повторить. И заменяется на вечное мазохистское переживание страдания, лишаящего способности сопротивляться и преодолевать препятствия, с другой стороны – изначально утверждающего недопустимость каких-либо жертв и тягот, которые могут стать ценой за победу. Всегда страдать, плакать и сдаваться.

Те, кто пытаются утвердить эту интенцию, частью сами таковы, потому что в принципе никогда не желают напряжения и никогда не готовы на реальную борьбу. Но частью очень хорошо понимают, что делают, когда внешне вполне достойные слова используют для разложения сознания страны.

Нужно понять, что подобные кампании против ритуалов памяти – это тоже война. Это называется «технология разложения войск противника». И это делается сознательно и целенаправленно – для того чтобы лишить страну воли и отказаться от своего права на существование, интересы и независимость.

И те, кто это делают, сколько бы они ни говорили о «заботе о ветеранах», «памяти о жертвах» и «ужасах войны», не наивны: их вдохновляют воспоминания о том, как однажды уже была разрушена великая страна – не оружием и агрессией, не высокими технологиями и большей мужественностью, а внедрением примерно таких же разлагающих сознание представлений.

Причем особо забавно, что, делая это, они постоянно твердят, о том, что наносят свои удары исключительно из стремления сохранить память о войне и не допустить ее повторения, что не нужно в них видеть врагов, потому что главная угроза для страны – это ее внутренний раскол на своих и чужих. И хотят убедить всех, что они – не враги и не чужие, они такие же, как все, просто у них своя точка зрения и они всем хотят добра и не хотят раскола. Обществу нужно понять, что перед ним не чудаковатые «гуманисты», а хищные, озлобившиеся и готовящиеся к нападению звери. Задача же нашего общества – беречь и сохранять нашу Победу как великую часть нашей великой истории.

Литература

1. Как откосить от армии: дезертиры Первой Мировой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://diletant.media/articles/45286166/>
2. Смирнов В. Брестский мир на деле был национальным спасением [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://hystory.mediasole.ru/brestskiy_mir_na_dele_byl_nacionalnym_spaseniem
3. Цыганок А. Русский коллаборационизм в ВОВ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tsiganok.ru/publications/esmi/doc/478/>
4. Дидуров А. «Насилье точит сталь...»: песня из к/ф «Не бойся, я с тобой». 1981.
5. Гальднер Ф. Военный дневник. 1941–1942. М.: АСТ, 2013.
6. Большинство россиян считают, что СССР победил бы в войне и без союзников [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. День Победы 04.05.2023. Режим доступа: <https://ria.ru/20230504/vtsiom-1869542939.html>

Аннотация. Память о Победе – гражданская религия России. То, что в мировой традиции принято называть национальным праздником. Оскорбление национального праздника, как и национальных святынь, есть разжигание межнациональной розни. Разные интерпретации причин Второй мировой войны, попытки переписать ее итоги в угоду интересам западной коалиции – это проявление столкновения цивилизационных проектов, кризиса современного западного варианта Модерна, запустившего в мире механизмы исторического и социального регресса. Но та Победа была не победой страны или нации – это была Победа Вектора Восхождения над Вектором Нисхождения человека и человеческой цивилизации. Мы должны и будем помнить и праздновать День Подвига и Годы Подвига, когда наша страна спасла мир. Победа над фашизмом действительно стала сакральным событием, значимо принимаемым подавляющим большинством социума.

Ключевые слова: Мировые проекты, Великая война, Великая Победа, Цивилизация, гражданская религия, память, подвиг, Восхождение.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Sergey F. Chernyakhovsky, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor, Lomonosov Moscow State University serfecher@mail.ru

The Great War and the Civil Religion in Russia. The Battle of World Projects

Abstract. Memory of the Victory in the War may be viewed as civil religion in Russia and what the world tradition usually terms the “national holiday”. Insulting national holiday, as well as national relics means stirring up international strife. Various interpretations of the World War II causes an attempts to rewrite its results to please the Western coalition is the manifestation of civilization projects collision, the crisis of contemporary Modern variant that has started the mechanisms of historical and social regress in the world. But the Great Victory was not just victory of a country or a nation, – it was the victory of the Ascent Vector over the Degression Vector of human beings and human civilization. We must and will remember and celebrate the Day and the Years of the heroic deeds when our country saved the world. Victory over fascism became a sacred event that is significantly accepted by the overwhelming majority of the society.

Keywords: World Projects, Great War, Great Victory, Civilization, Civil Religion, Memory, Heroic Deed, Ascent.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Курская битва: историческая правда через призму документального наследия

«Гибель народа начинается тогда, когда он теряет способность смотреть в лицо действительности, когда он факты действительной жизни начинает подменять фантазией, начинает мечтать и засыпать», – совершенно справедливо отметил в далеком от нас 1907 году мало кому известный тогда капитан Генерального штаба А.А. Свечин (1878–1938), в будущем известный военный историк и ученый [1, с. 89]. Единственное средство против этого «сна» – историческая правда о любом событии отечественной истории.

В год празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне обращение к исторической правде о ней представляется актуальным. На наш взгляд, ни одно событие военной истории России в послевоенном СССР не подавалось в столь идеологизированном виде, как Великая Отечественная война. Победа в войне использовалась коммунистической партией как главный аргумент торжества «передового» общественного строя над вечно «гниющим» Западом. В этой связи любая информация, способная как-то бросить тень на Победу, раскрыть подлинную правду о причинах неудач, поражений и катастроф Красной Армии или даже проблемах, с которыми она сталкивалась при ведении боевых действий, признавалась ненужной. Все документы, касающиеся боевых действий, были засекречены на 50 лет. А некоторые, самые скандальные, такие как материалы комиссий Маленкова, лежат под грифом «секретно» до сих пор. Даже справочники по боевому и командному составу Красной Армии в годы войны были засекречены [2, 3]. Требовалось сформировать «правильную» историческую память в голове советского человека.

Откуда рядовой советский гражданин, родившийся после войны, черпал информацию о Великой Отечественной войне? Разумеется, рассказы участников войны, беседы с ветеранами формировали первое знакомство. Но подавляющее большинство участников войны были рядовыми и сержантами, младшими офицерами. Они видели только очень маленький кусочек мозаики под названием «Вторая мировая война». Для более глубокого погружения уже приходила на помощь литература. Как в виде воспоминаний, мемуаров генералов и маршалов, так и написанных историками, преимущественно в погонах, научно-популярных книг. Завершал конструкцию подачи правильной информации о войне кинематограф. Разумеется, вся информация подавалась выхолощенной от неудобных моментов.

Но все же нужно было как-то объяснить общественности причину поражений Красной Армии в первый период войны. Причины были найдены: внезапное нападение Германии на СССР и личные просчеты советского лидера –

Тимиряев Денис Олегович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: DenisOlegovichTimiryayev@yandex.ru

И.В. Сталина. Что же касается периода «коренного перелома» в Великой Отечественной войне и следующего за ним – завершающего, то негативные моменты в боевых действиях со стороны Красной Армии замалчивались либо указывались очень поверхностно. Причем это касалось и литературы, изданной для служебного пользования. В качестве примера рассмотрим Курскую битву (05.07 – 23.08.1943).

Курская битва считается кульминацией коренного перелома в войне. После нее фронт уже неудержимо двигался на запад, в сторону инициатора войны – Германии. Было ли все идеально и безупречно в Красной Армии в этой битве? Логично предположить, что нет, поскольку оборонительный, что наступательный этапы битвы протекали очень непросто. Об этом свидетельствуют высокие потери среди наших военнослужащих, большое количество утраченной техники, медленное отступление противника. Но мог ли об этих проблемах и недостатках Красной Армии узнать рядовой советский и постсоветский читатель? Нет, не мог. И это обстоятельство, на наш взгляд, лишь затемняет подвиг военнослужащих-красноармейцев.

О Курской битве упоминали в своих мемуарах множество участвовавших в ней советских военачальников в разных званиях и на разных должностях. Можно привести мемуары первых лиц военного руководства А.М. Василевского (начальник Генерального штаба Красной Армии), Г.К. Жукова (представитель Ставки Верховного Главнокомандования) [4, 5]; командующих фронтами К.К. Рокоссовского (командующий Центральным фронтом), И.С. Конева (командующий Степным фронтом) и будущего первого лица СССР Н.С. Хрущева (член военного совета Воронежского фронта) [6–8]; командующих армиями: М.Н. Катукова (командующий 1-й танковой армией в составе Воронежского и Степного фронтов), П.А. Ротмистрова – главного автора мифа о встречном танковом сражении под Прохоровкой 12 июля 1943 года¹ (командующий 5-й гвардейской танковой армией), П.И. Батова (командующий 65-й армией Центрального фронта) и еще ряд других мемуаров и воспоминаний [9–11].

Кроме воспоминаний у советского читателя был в распоряжении ряд собственно исторических работ, посвященных Курской битве [12–14]. Кроме изданий для широкого круга читателей существовали еще работы для служебного пользования, то есть написанные для подготовки слушателей различных высших военно-учебных заведений [15–17]. Но даже они и тем более доступные для читателей книги содержали лакированную версию событий и лишь иногда вскользь упоминали о проблемах Красной Армии, возникших в боях на Курской дуге. К сожалению, постсоветские работы, изданные Министерством обороны Российской Федерации, принципиально не отличаются от публикаций Министерства обороны СССР [18, 19].

Только снятие в 1990-х годах грифов «секретно» и «совершенно секретно» с документов Великой Отечественной войны позволяет понять и осознать всю глубину подвига советских солдат и офицеров. Руководствуясь словами А.А. Свечина: «Если мы не будем отворачиваться от тех печальных условий, в которых пришлось действовать нашим войскам, то мы поразимся подвигами, действительно ими свершенными; мы преклонимся перед испытаниями, которые преодолел наш солдат. Лжи для этого не надо – надо только трезво смотреть на события во всей их полноте» [1, с. 89], – посмотрим на проблемы Красной Армии в ходе Курской битвы.

¹ Во-первых, это было сражение с участием всех родов сухопутных войск, а также ВВС, а не только танковых. Во-вторых, атаковали только наши танкисты. Противник же встретил нашу атаку преимущественно огнем артиллерии и танков с места.

Уже на этапе планирования оборонительной операции Воронежского фронта, а период оперативной паузы был с конца марта до начала июля, возникли проблемы с согласованием планов, разработанных штабами армий, входящих в состав фронта, со штабом собственно фронта. По крайней мере в одной армии – 69-й общевойсковой, стоящей во втором эшелоне фронта, подобный факт был зафиксирован и отмечен в отчете армии. Авторы отчета обвиняли вышестоящий штаб в неумении прогнозировать ход боевых действий и в нежелании прислушаться к мнению армии, которое в итоге и оказалось более точным, естественно, по мнению офицеров штаба 69-й армии. В документе об этом сказано так: «Боевая действительность подтвердила предусмотренные варианты в плане операции. Однако этот план не был утвержден Командованием фронта, и на запрос об утверждении плана Штаб фронта умышленно не отвечал, так как имел свой план использования 69 Армии» [20, л. 1].

В задачи статьи не входит выяснение того, какой штаб был прав в действительности, а какой нет, но сам факт подобного разногласия свидетельствует о крайне непростых отношениях между разными уровнями руководства войсками Воронежского фронта. Примечательно, что 69-я общевойсковая армия, как и 7-я гвардейская общевойсковая, уже после завершения оборонительной операции Воронежского фронта была передана в состав Степного фронта. Тем самым появилась возможность критиковать прежнее руководство, чем штаб 69-й армии и воспользовался. Их отчет был направлен и в штаб Воронежского фронта. Какова была реакция командующего фронта – генерала армии Н.Ф. Ватутина и начальника штаба – генерал-лейтенанта С.П. Иванова, нам неизвестно, и следов в документальном наследии фронта пока не попало. А вот в отчете штаба 7-й гвардейской общевойсковой армии обвинений в адрес штаба фронта нет. В принципе, это понятно: дела у гвардейцев, против которых действовала только армейская группа противника «Кемпф», шли получше, чем у 69-й армии. Последняя хотя и была во втором эшелоне фронта, но после первых дней боев, когда противник смог преодолеть полосы обороны фронта, занятые армиями первого эшелона фронта, ей пришлось иметь дело как со II танковым корпусом СС из состава 4-й танковой армии Вермахта, так и с армейской группой «Кемпф». Надо учесть, что 69-я армия была сформирована только весной 1943 года, и для нее как оперативного объединения оборонительная операция была испытанием на зрелость. Армия нуждалась в опеке штаба фронта, особенно при стремительно ухудшавшейся для фронта к 12 июля обстановке. Не удивительно, что штаб армии припомнил штабу фронта разногласия при планировании оборонительной операции в своем отчете.

Проблемы взаимодействия со штабом Воронежского фронта отмечало не только руководство 69-й армии. 1-я танковая армия принимала участие в двух фазах Курской битвы: оборонительной и наступательной. Причем в ход Белгородско-Харьковской наступательной стратегической операции (03.08–23.08.1943) армия периодически передавалась из состава одного фронта (Воронежский) в другой (Степной) и наоборот. Бои были очень напряженные и сопровождались большими потерями.

За неделю танковая армия (свыше 800 танков и САУ) могла лишиться боеспособности. Танкисты отмечали: «За время и оборонительных, и наступательных боев не раз подтверждалась правильность требований уставов и приказа о необходимости выхода танковых соединений через 5–7 дней боя хотя бы на короткий срок для ремонта и восстановления материальной части» [21, л. 31]. Но для фронта танковая армия всегда была временным гостем, ибо фронтов было много, а танковых армий в 1943 году всего пять. Сегодня Ставка передала в состав фронта танковую армию, завтра заберет. Команду-

ющие фронтами берегли «свои» армии, а переданные временно от Ставки не жалели. Танкисты от этого «криком кричали»: «Это уставное положение пока никем и ни при каких условиях не соблюдается. Фронты не считают танковую армией своим кровным соединением и выжимают из нее все, не считаясь ни с чем, имея в виду, что Ставка снова восстановит. Такому антигосударственному отношению необходимо положить конец» [21, л. 31]. Итог подобного отношения был очевиден: «При отсутствии передышек для ремонта количество танков в строю начинает катастрофически уменьшаться, ибо задачи, как правило, остаются прежними (ширина фронта, глубина удара и пр.) или еще хуже, обескровленные танковые соединения начинают раздергиваться и действовать, как танки НПП [непосредственной поддержки пехоты – Д.Т.], уничтожаются самым варварским способом, теряя не только остатки материальной части, но сами ценное – кадры» [выделено нами – Д.Т.] [21, л. 31].

Примечательно, что другая танковая армия – тоже непрменный участник двух фаз Курской битвы на южном фланге Курской дуги – 5-я гвардейская танковая – в своих отчетах вообще не упоминает о каких-либо проблемах взаимодействия с вышестоящим начальством. Хотя известно, что ее командующий П.А. Ротмистров периодически получал выволочки от командующих фронтами Ватутина и Конева за неправильное, по их мнению, руководство армией. Вообще отчеты 5-й гвардейской танковой армии в плане аналитики очень бедны. Если отчеты 1-й танковой содержат просто кладезь информации о реальном состоянии Красной Армии в 1943 году, то у 5-й гвардейской отчеты – это «героический эпос». По итогам оборонительной операции немного покритиковали артиллеристов: «В организации взаимодействия родов войск к недостаткам надо отнести недостаточную полную увязанность действий танков и артиллерии по рубежам. Артиллерия, как правило, отстает и запаздывает с занятием новых огневых позиций, особенно зенитная» [22, л. 33]. А также поругали авиацию: «Не все вопросы полно увязываются с авиацией, в силу чего было несколько случаев бомбежки своих войск (район Прохоровка, Яковлево)» [22, л. 33]. А в целом все хорошо. Отчет по итогам наступательной операции вообще не содержит аналитического раздела.

Проблемы у штабов армий были не только с вышестоящим руководством, но и с подчиненными армией соединениями. Армия как оперативное объединение состояла из корпусов и частей армейского подчинения. Стрелковые корпуса в Красной Армии были расформированы в начале войны, а восстановлены только весной 1943 года. Для управлений стрелковых корпусов общевойсковых армий оборонительный этап Курской битвы тоже был испытанием. Неудивительно, что штабы некоторых корпусов не всегда справлялись с управлением подчиненными им дивизиями. Так, офицеры 69-й армии отмечали: «Штабы корпусов полностью не являлись органом боевого управления командира. Штаб 48 СК [стрелковый корпус – Д.Т.] терял связь со ШТАРМОМ [штаб армии – Д.Т.] и своими подчиненными частями и соединениями, в течение нескольких часов не мог установить ее» [20, л. 15]. Штабу армии приходилось вместо управления армией заниматься наведением порядка в управлении корпусом: «КП [командный пункт – Д.Т.] сменялись без разрешения командования, вмешательство в управление 48 СК Командарма привело к желаемому результату и дало свои плоды в управлении Штакором [штаб корпуса – Д.Т.]» [20, л. 15].

Проблемы подобного рода были настолько распространены, что получили свое отражение в отчете о действиях Воронежского фронта в оборонительной операции, подготовленном старшим офицером Генерального штаба Красной Армии при штабе Воронежского фронта полковником Костиным. Институт офицеров Генерального штаба был «глазами и ушами» Генерального

штаба на уровне штабов фронтов и армий. Их существование тоже говорит об определенном уровне недоверия со стороны руководства Красной Армии к командующим фронтами и армиями. Полковник Костин отмечал: «Недостаточно хорошо была налажена информация вышестоящими штабами нижестоящих штабов, благодаря чему штабы не всегда знали обстановку соседей и иногда принимались неправильные решения» [23, л. 47]. Да и как можно было принять правильное решение, если не было информации о том, сколько народу еще «на довольствии стояло»: «Учет потерь в личном составе, вооружении и боевой технике был налажен неудовлетворительно, в течении двух-трех суток штабы не могли получить данных от дивизий и корпусов о боевом и численном составе своих войск, что затрудняло принятие решения на использование и постановку задачи тому или другому соединению» [23, л. 47].

Вопросы, к сожалению, были и в плане тактической подготовки командиров подразделений, частей и соединений. Офицеры штаба 69-й общевойсковой армии фиксировали на бумаге итоги наблюдений: «В ходе наступательных боев и в предпринимаемых контратаках выявлялись недостатки в динамике боя и тактике действия войск: не полностью использовались силы корпусов, артиллерия в динамике боя отставала от пехоты и танков; отмечалось много лобовых атак, и слишком мало применялся маневр на окружение противника; плохо закреплялись занимаемые рубежи» [20, л. 15]. Отмечено было также неумение командиров полков правильно распорядиться противотанковыми средствами борьбы: «Роты ПТР [противотанковых ружей – Д. Т.], придаваемые стрелковым полкам во время проведения операции, тактически использовались неправильно; разбрасывались по всему фронту, вместо того чтобы группироваться на ответственных направлениях движения танков противника» [20, л. 15].

Тактическая подготовка оказалась не на высоте и в 5-й гвардейской общевойсковой армии во время Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции. Офицер Генерального штаба при штабе Воронежского фронта подполковник В.А. Сухов констатировал простое выталкивание войск противника: «Требовалась высокая маневренность, начиная от взвода, кончая дивизией. Однако маневрирование огнем и пехотой – обход и выход в тыл и на пути отхода противника, дерзость, на поле боя, редко практиковались» [24, л. 60]. Командиры не могли выполнить очевидные даже человеку без военного образования вещи, тем более прописанные в учебниках тактики и боевых уставах: «Отсутствие маневра мелкими подразделениями объяснялось главным образом тем, что на поле боя была недостаточная командирская разведка, разведка вообще, наблюдение и связь по фронту – как внутри батальонов, полков и дивизии, так и с соседними частями» [24, л. 60].

Все это препятствовало уничтожению противника: «Отсутствие разведки приводило к тому, что командиры частей и офицерский состав делали неправильный вывод о противнике, переоценивали его силы. В результате слабой войсковой разведки части действовали иногда вслепую, робко, медленно, а иногда топтались на месте, вызывали арт. и мин. огонь по незначительным силам противника, пренебрегая силой пехотного оружия. Командиры полков и дивизий, не имея данных о противнике, не принимали быстрого решения на маневр силами и средствами» [24, л. 60]. Противник неоднократно пользовался «слепотой» советских командиров: «Ввиду большого напряжения наступающих частей, давая отдых бойцам, командиры батальонов, рот, а иногда и полков недостаточно организовывали охранение, разведку и действие передовых отрядов ночью, это в значительной степени облегчило противнику прорваться из окружения, застав врасплох даже штабы» [24, л. 60].

Отсутствие эффективной разведки было отмечено и старшим офицером Генерального штаба полковником Костиным: «Недостаточно хорошо были организованы разведки, в особенности в танковых и стрелковых корпусах. Не всегда имелось взаимодействие всех родов разведки для достижения единой цели» [23, л. 47].

Случалось и так, что о расположении своих частей не были проинформированы следующие за ними части, что приводило к «дружественному огню» и, соответственно, лишним потерям. Авторы отчета 69-й общевойсковой армии не стали скрывать неприятный инцидент: «Недостаточно уделялось внимание организации взаимодействия родов войск и с соседями, так например, в районе Александровка произошел бой между нашими войсками, потому что, отсутствовал вопрос взаимодействия с впереди находившимися частями» [20, л. 15]. Танкисты из 1-й танковой отметили проблемы взаимодействия соседних частей, правда, без указания на виновных: «На поле боя встретились факты, что две таких части, дерущихся рядом, иногда не знают обстановки у своего соседа, ограничиваясь жалобами в вышестоящий штаб, что он своего соседа не видит» [25, л. 31].

Особая боль в отчетах – это взаимодействие различных родов сухопутных войск. Опять-таки проблема здесь крылась в неумении общевойсковых командиров правильно управлять различными родами войск. Особенно это касалось танковых войск. Офицеры 69-й общевойсковой армии не стали скрывать, что: «Общевойсковые командиры ставили задачу для проведения боевой операции танкам поспешно и недостаточно уделяли внимания пехотным прикрытиям танков» [20, л. 13]. Всевидящее око Генерального штаба в лице полковника Костина отмечало факты очередного «дружественного огня»: «Недостаточно также в некоторых соединениях было организовано взаимодействие наших танковых соединений с пехотой, в результате чего имели место обстрел из танков нашей же пехоты на участке 69 А (183 СД) и подрыв наших танков на наших же минных полях» [23, л. 46].

Очень показателен в плане фиксации всех проблем в применении танковых войск доклад полковника Костина о проведении Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции. Например, он отмечал низкую тактическую грамотность командиров бронетанковых войск: «Танковые и механизированные корпуса со стороны командиров не всегда использовались как эшелоны развития успеха на главных направлениях для разгрома и уничтожения живой силы противника. Корпуса вместо обхода и маневра вступали в бой с танками противника, подменяя артиллерию, при этом неся большие потери в танках» [26, л. 88]. По уставам и приказам, отданным Ставкой Верховного Главнокомандования, танковыми атаками противника должна была заниматься исключительно противотанковая артиллерия. Для этого были созданы особые артиллерийские полки. Но жизнь, как отмечал полковник Костин, демонстрировала другое: «Существовала практика отражения танковых атак танками» [26, л. 88–89]. К сожалению, при организации танковых атак уже нашими частями с использованием артиллерии возникали также проблемы: «Артиллерия при организации танковой атаки слабо использовалась, во время боя огнем танки не поддерживала» [26, л. 89].

Проблема взаимодействия танковых войск со стрелковыми и артиллерийскими частями и соединениями ярко проявилась уже с начала войны и, к сожалению, не была изжита даже во время перехода инициативы к Красной Армии. Танковые корпуса были созданы еще в начале 1942 года и, казалось бы, должны были уже стать отработанной штатной структурой танковых войск, но проблемы все равно существовали: «Опыт наступательных боев показал, что вопросы организации взаимодействия со стрелковыми соединениями,

с приданными и поддерживающими танковый корпус техническими и огневыми средствами борьбы с противником, а также взаимодействие внутри корпусов и соседями – отработаны слабо, в ходе боя взаимодействие нарушается» [26, л. 89]. И вновь, как и пехотные командиры из 5-й гвардейской общевойсковой, командиры-танкисты уделяли мало внимания вопросам разведки: «Большим недостатком в наступательных боях было недостаточное количество времени для танковых корпусов на изучение и разведку местности, изучение и разведку противника перед фронтом своего соединения, в результате получаемые данные были не полны и мало достоверны, а разведка противника в ходе боя отсутствовала» [26, л. 89].

Впрочем, как показала практика, командование не вполне понимало разницу между танковыми корпусами и отдельными танковыми бригадами, полками и батальонами: «Командующие общевойсковых армий очень часто не применяют танковые корпуса в целом, как средство усиления частей армии для развития успеха наступления, а допускают дробление корпуса на части и подразделения, используя их для выполнения второстепенных задач, действуя отдельными ротами, взводами и даже отдельными танками» [26, л. 89]. Низкий уровень профессионализма демонстрировали и сами командиры из танковых войск: «Главным недостатком отдельных танковых корпусов и бригад в наступательной операции являлось то, что управление танками в ходе боя организовывалось плохо, командиры и начальники штабов без особой надобности уезжали с КП, оставляя на месте второстепенных людей, в результате чего управление корпусом в бою и связь с его частями терялась, а связь с соседом справа и слева танковые командиры вообще пренебрегают» [26, л. 90].

Большие проблемы возникали при использовании инженерных войск. С одной стороны, это была вина общевойсковых командиров, и авторы отчета 69-й общевойсковой армии не стали этого скрывать: «Одним из недостатков использования саперных частей, является то, что общевойсковые командиры не всегда дают указания и исчерпывающих ответов передовым постам минеров по закрытию проходов или подрыву мостов, были случаи, когда взрывались мосты в момент, когда наши части в полном составе не преодолевали водный рубеж. В таких случаях саперные войска самостоятельно вели разведку и взрывали мосты» [20, л. 13]. С другой стороны, как считали в 69-й армии, вопросы были к командирам подразделений и частей инженерных войск: «Во время отхода наших частей не во всех случаях минировались дороги и танкоопасные направления. Имелись случаи, когда передовые отряды инженерных частей закрывали проходы в минных полях в момент не полного выхода наших частей с этого участка» [20, л. 14]. Их коллеги из 5-й гвардейской общевойсковой армии тоже не были довольны деятельностью инженерных войск: «Инженерные войска не обеспечивали разминирование дорог танков в период отхода противника на новый оборонительный рубеж. Разминирование дорог производилось тогда, когда на этих дорогах уже находилось большое количество танков и колесных машин, в результате чего ряд машин подорвалось на минах (20.7 на минах подорвалось 6 танков и 2 колесных машины 10 ТК [танковый корпус – Д. Т.]» [27, л. 7].

Основная же проблема инженерных войск, Впрочем, заключалась в другом. Причем это уже было вне компетенции командиров и начальников инженерных войск. Как отмечал старший офицер Генерального штаба, проблема заключалась в малочисленности инженерно-саперных и понтонно-мостовых батальонов [26, л. 106]. Полковник Костин отмечал очевидные вещи: «Трудоемкость выполняемых инженерных работ (мостовые, дорожные, фортификационные) при чрезвычайной бедности и даже полном отсутствии средств механизации требовала во многих случаях объединения двух и нескольких

батальонов. Численность понтонно-мостовых батальонов оказалась недостаточной для наводки переправ из табельных средств батальона» [26, л. 106]. Проблема усугублялась тем, что военнослужащие занимались не прямыми своими обязанностями, а больше хозяйственными вопросами: «Необходимость ведения самостоятельного войскового хозяйства и внутреннего наряда отрывает большее количество личного состава на самообслуживание, чем значительно сокращается процент фактических участников, непосредственно выполняющих инженерные работы» [26, л. 106].

С количеством выпущенных в СССР в 1943 году танков, самолетов, артиллерийских орудий проблем не было. Зато проблемы были с наличием всего остального, что должно было обеспечить армию вспомогательной техникой. В отсутствие техники работу выполняли люди, а их тоже не хватало. Получался замкнутый круг. От отсутствия нужной техники страдали почти все направления деятельности инженерных войск: «Чрезвычайно слабое техническое вооружение инженерных войск. В особенности остро ощущается недостаток средств по механизации работ: лесозаготовительных и лесопильных; кузнечных и болторезных; мостовых, в особенности по забивке свай; по ремонту инженерных средств и автотранспортного парка» [26, л. 107]. Нехватка автомобилей приводила к тому, что инженерные войска невольно оказывались в арьергарде наступающих войск: «Недостаток штатных средств моторизации, большая неуккомплектованность и изношенность наличного автотранспортного парка. Неудовлетворительное состояние моторизации влечет за собой отставание инженерных войск не только от танковых, но даже от пехотных частей и соединений» [26, л. 107]. Вывод был очевиден: «Таким образом, основная задача инженерных войск – обеспечение темпов продвижения наступающих войск ни материально, ни организационно не обеспечена» [26, л. 107]. Все это не могло не сказываться и на темпах наступательного продвижения войск, и на возможностях инженерного оборудования захваченных плацдармов.

Автотранспорта не хватало и танковым армиям. Получался парадокс: задуманные как полноценные подвижные оперативные объединения, по идее, полностью моторизованные, они страдали от нехватки автотранспорта. Танков у нас выпускали много, а вот автомашин очень мало. В завершающий период войны очень сильно выручил ленд-лиз с его 471 тыс. автомобилей, в то время как в годы Великой Отечественной войны советская промышленность произвела всего 205 тыс. автомобилей. Танкисты из 1-й танковой жаловались: «Все части армии должны быть укомплектованы до штата автотранспортом, т.к. отсутствие его затрудняет маневр мотострелковых частей, заставляет выдыхаться пехоту на марше, усложняет и замедляет решение боевых задач, особенно при встрече узлов, создает целый ряд трудностей по обеспечению войск. Из-за некомплекта автотранспорта быстрее изнашиваются наличные автомашины, т.к. они вынуждены делать по несколько рейсов для подброски пехоты, запасов и разного вида имущества» [21, л. 31].

Танковой армии не хватало и своей артиллерии. Надежды, возлагаемые на артиллерию общевойсковых армий, оказались тщетны: «Взаимодействие с артиллерией полевых армий только в начальный период операции при вводе танковых частей в прорыв. С уходом танков в глубину, обеспечение их действий артиллерией оказывалось не реальным, т.к. пехота отстает, и танковые части должны обеспечивать бой только своими штатными средствами, чего, конечно, явно недостаточно» [21, л. 29]. Чего требовала танковая армия? Запросы были следующие: «Необходимо в танковом и механизированном корпусах организационно иметь два ИПТАП [истребительно-противотанковый артиллерийский полк – Д.Т.], из них 45 мм., другой 76 мм. или 57 мм. В армии, кроме того, надо организованно входящих ИПТАП 76 мм., артбригаду

самоходный 120 мм. и 152 мм.» [25, л. 31]. Причем в качестве тягачей просили не продукцию советского автомобилестроения, а ленд-лизские машины: «Все ИПТАПы 76 мм также, как и 45 мм иметь на тяге не на ЗИС-5, а «Виллисами», т.к. последние являются более подвижными и на поле боя несут меньше потерь, их всегда быстрее и лучше можно маскировать» [25, л. 31].

«Бог войны» – артиллерия, один из самых лучших в отечественной военной традиции род войск, к сожалению, тоже работал не идеально. Курская битва высветила проблемы и в ее боевой деятельности. Старший офицер Генерального штаба при штабе Воронежского фронта отмечал: «В прошедших операциях допущена основная и грубая ошибка со стороны начальника армейской артиллерии и их штабов в том, что, не имея ясного представления о подготовке штабов артиллерии СК, их умении организовать и провести артиллерийское наступление, они возложили всю организационную работу на них. В то же время ход операций показал, что, например, штаб артиллерии 52 СК не был подготовлен к ответственной работе по подготовке и осуществлению артиллерийского наступления. Так, штаб 52 СК 40 армии совершенно не подготовил планирование огня, организацию поддержки ТК и не знал даже о прибытии новых артиллерийских частей в корпус» [26, л. 100]. Плохая организация привела к ожидаемым последствиям: «Штабы артполков заканчивали планирование в момент, когда нужно было уже приступить к артиллерийской подготовке, и командиры батарей цели, безусловно, знать не могли. Совершенно неясно была выражена задача по борьбе с артиллерией и минометами противника, которые не были подавлены и в период всего наступления, *несмотря на их небольшое количество, вели огонь и наносили весьма существенные потери нашей пехоте, хотя мы и имели подавляющее превосходство в артиллерии*» [выделено нами – Д.Т.] [26, л. 100]. И вновь отсутствие полноценной разведки приводило к стрельбе «по площадям»: «Порочность планирования огня артиллерии штабами артиллерии СК заключается также в том, что оно не было основано на реально разведанных целях, а составлено наспех, почти исключительно по предполагаемым (да и то очень относительно) узлам «целей» [26, л. 100].

Особая тема во всех отчетах – это взаимодействие с ВВС. Претензии к авиации были значительные. 69-я общевойсковая жаловалась на «дружественный огонь» от своих же самолетов: «Из-за плохой организации связи и оповещения были случаи сбрасывания бомб штурмовыми бомбардировщиками в расположение наших войск. 14.07.43 г. штурмовая авиация в районе Плата пробомбила и обстреляла управление 48 СК, которое в это время находилось в этом районе» [20, л. 13]. Представитель Генерального штаба также обратил на это внимание: «Одним из основных недочетов, выявленных в ходе боевых действий, было недостаточно организованное взаимодействие нашей авиации с наземными войсками, в результате чего имели место несколько случаев бомбежки нашей авиацией наших же войск» [23, л. 46]. Танкисты прямо обвиняли летчиков-истребителей в невыполнении своего воинского долга: «Истребительная авиация, как правило, по вызовам являлась с большим опозданием, а появлялась и, встречая в воздухе авиацию противника, зачастую от боя уклоняется, патрулируя, главным образом, не над передовыми частями, а над тылами войск» [21, л. 29]. По идее, штурмовая авиация должна быть компенсировать недостаточное количество артиллерии в танковой армии, но и здесь были проблемы: «Вызов штурмовиков по времени также не соответствует темпам наступления подвижных войск. Обычно штурмовики появляются над полем боя после их вызова через 1,5–2 часа, что иногда заставляет уже отказываться от них во избежание поражения своих частей» [21, л. 29].

В заключение хотелось бы остановиться на одном очень популярном мифе, касающемся первого применения самоходных установок «СУ-122» и «СУ-152» в Курской битве. В популярной литературе начиная с советских времен очень часто сообщалось, что за выдающиеся достижения этих машин в борьбе с новыми немецкими танками «Тигр» и «Пантера» военнослужащие Красной Армии прозвали их зверобоями. В действительности же ситуация оказалась более сложной. Полковник Костин отмечал: «Вновь применяемые нашими войсками самоходные 122 мм. гаубицы и 152 мм. пушки-гаубицы не оправдали возлагаемых на них надежд в борьбе с танками противника. Эти самоходные орудия имеют навесную траекторию, а артиллерия с навесной траектории лучше всего действует по закрытым целям – для разрушения инженерных сооружений и борьбы с артиллерией противника, расположенной на закрытых позициях. Кроме того, эти орудия не обладают скорострельностью, а в борьбе с танками противника как раз необходима высокая скорострельность орудия и настильная траектория» [23, л. 45]. Требовалось нечто другое, но это другое советская промышленность начала давать фронту только к концу 1943 года: «Исходя из этих соображений, в будущем самоходные орудия необходимо иметь 85 мм., 107 мм. и 122 мм. пушки, которые имели бы настильную траекторию, высокую скорострельность, большую маневренность огнем и гусеницами и хорошую броню, а имеющиеся самоходные орудия типа 122 мм. гаубиц и 152 мм. пушек-гаубиц свести в артиллерийские полки резерва главного командования и использовать для прорыва укрепленных полос противника» [23, л. 45].

В итоге нам хотелось бы отметить, что вышеуказанные проблемы в боевых действиях Красной Армии в ходе Курской битвы лишь подчеркивают героизм русского народа и других народов СССР. В условиях, когда многие проблемы по объективным обстоятельствам не могли быть искоренены в одночасье или были запрограммированы ошибками в военном строительстве Красной Армии еще в предвоенные годы, фронтовикам приходилось героически преодолевать их. Для сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне очень важно не забывать, в каких непростых условиях и обстоятельствах добывалась Победа. Ведь забыв обо всех сложностях борьбы с хорошо подготовленным и безжалостным противником, можно впасть в «спячку» и, как точно выразился А.А. Свечин, начать процесс «гибели нации».

Литература

1. *Свечин А.А.* Ложь // Постигание военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина. 2-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 87–89.
2. Боевой состав Советской Армии. Ч. III. (Январь – декабрь 1943 г.) / отв. ред. Г.Т. Завизион. М.: Военное изд-во, 1972. 336 с.
3. Командование корпусного и дивизионного звена Советских вооруженных сил периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Изд. военной академии имени М.В. Фрунзе, 1964. 565 с.
4. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. 552 с.
5. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во АПН, 1978. 391 с.
6. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988. 367 с.
7. *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. 353 с.
8. *Хрущев Н.С.* Воспоминания: Избранные фрагменты. М.: Вагриус. 1997. 564 с.
9. *Катуков М.Е.* На острие главного удара / лит. запись В.И. Титова. М.: Воениздат, 1974. 429 с.
10. *Ротмистров П.А.* Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. 272 с.
11. *Батов П.И.* В походах и боях. М.: Воениздат. 1974. 528 с.
12. *Надысев Г.С.* На службе штабной. М.: Воениздат, 1976. 270 с.
13. *Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г.* Курская битва. М.: Воениздат, 1970. 400 с.
14. Курская битва / под ред. И.В. Паротыкина. М.: Наука, 1970. 543 с.
15. Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2. М.: Военное изд-во. 1958. 520 с.

16. Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / под ред. К.С. Колганова. 1958. 490 с.
17. Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. С.П. Платонов. М.: Военное изд-во, 1961. 984 с.
18. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. 864 с.
19. Не уронили чести ратной на Курской огненной дуге / А.В. Берлов, Д.Г. Гужва, А.А. Зданович. М.: Граница, 2023. 223 с.
20. Оперативно-тактическое описание оборонительной операции 69-й армии на Белгородско-Корочанском направлении // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 203. Оп. 2843. Д. 513.
21. Краткий доклад о наступательной операции 1 гв. танковой армии на Белгородско-Богодуховском направлении в августе 1943 г. // ЦАМО. Ф. 299. Оп. 3070. Д. 161.
22. Отчет о боевых действиях 5 гв. танковой армии с 7 по 24 июля // ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 31.
23. Общая обстановка на фронте к началу операции войск Воронежского фронта // ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 515.
24. Организация прорыва обороны противника в августовской наступательной операции Воронежского фронта войсками 5-й гвардейской армии с 3.8 по 31.8.43 г. // ЦАМО. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 92.
25. Оперативно-тактическое описание оборонительной операции 1-й танковой армии на Белгородском направлении // ЦАМО. Ф. 299. Оп. 3070. Д. 208.
26. Белгородско-Харьковская наступательная операция войск Воронежского фронта // ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 275.
27. Отчет о боевых действиях частей и соединений БТ и МВ 5 гв. танковой армии за период с 11 июля по 7 августа 1943 г. // ЦАМО. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 96.

Аннотация. Историческая память о Великой Отечественной войне должна основываться на реальных документах, а не на обработанных советской цензурой мемуарах и исторических исследованиях. Потоки фальши только затемняют подвиг советских солдат и офицеров. Им приходилось сражаться с очень сильным противником, преодолевая многочисленные трудности, связанные с недостатком вооружения, автотранспорта, инженерного обеспечения, отсутствием должной координации действий боевых подразделений и т.д. В статье рассмотрены проблемы и недостатки, отраженные в отчетных материалах Воронежского фронта по итогам Курской битвы (05.07–23.08.1943). Понимание этих проблем поможет глубже осознать величие подвига русского народа и народов СССР в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, Курская битва, Воронежский фронт, отчетные документы, боевое применение, подвиг солдат и офицеров.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Denis O. Timiryayev, “Higher School of Economics” National Research University.
E-mail: DenisOlegovichTimiryayev@yandex.ru

Battle of Kursk: The Historical Truth through the Prism of the Documentary Heritage

Abstract: Historical memory of the Great Patriotic War should be based on real documents, not memoirs and historical research processed by Soviet censorship. Strings of falsehood only obscure the feat of Soviet soldiers and officers. They had to fight a very serious enemy, overcoming numerous problems related to the lack of ammunition, motor transport, engineer support, proper coordination between combat units, etc. In the article the author examines the problems and shortcomings reflected in the reports of Voronezh Front on the results of the Battle of Kursk (05.07–23.08.1943). The understanding of all these problems contribute to the realization of the true depth of the feat of the Russian people and the peoples of the USSR during the Great Patriotic War.

Keywords: Historical Memory, the Great Patriotic War, the Battle of Kursk, Voronezh Front, Reports, Combat Use, the Feat of Soldiers and Officers.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Феномен самопожертвования советских и японских летчиков в годы Второй мировой войны: сравнительный анализ

В период Великой Отечественной войны тысячи советских граждан совершали подвиги самопожертвования на полях сражений, добровольно жертвуя собственной жизнью ради защиты своего Отечества – государства, малой родины, близких. Уникальный феномен такого высшего социального поведения людей в условиях вооруженного конфликта впервые в истории проявился в столь массовом порядке, оказав существенное влияние на закономерный исход Великой Отечественной войны. Среди многочисленных форм проявления феномена самопожертвования в годы Великой Отечественной войны в отдельную категорию можно выделить тараны наземной цели советскими летчиками, также известные как огненные тараны. Советские летчики в критические моменты воздушного боя не раз направляли свои самолеты на скопление сил противника или стратегический военный объект на земле, нанося значительный урон врагу ценой собственной жизни [2, с. 113].

Некоторые исследователи, изучая данный феномен самопожертвования советских летчиков, проводят параллели с похожим по внешней форме явлением камикадзе, характерным для Японии на завершающем периоде Второй мировой войны, особенно активно проявившемся в виде атак японских летчиков-смертников на Тихом океане. Многие даже напрямую называют советских летчиков русскими камикадзе [9, с. 169], нивелируя различия между советским и японским феноменом самопожертвования. На наш взгляд, несмотря на очевидное внешнее сходство, между двумя данными явлениями существует принципиальная разница по качественному содержанию. Постараемся определить эти отличия.

Феномен японского самопожертвования уходит корнями в национальный характер, менталитет и культуру японского народа. В Японии на протяжении многовековой истории под влиянием различных религиозных, философских и морально-этических течений (синтоизма, дзен-буддизма, конфуцианства) формировалось особое отношение к жизни и смерти. Наиболее ярко оно выражалось в среде воинов, чья сфера профессиональной деятельности предполагала регулярный риск жизнью. В Японии с давних времен существовал кодекс военной чести самураев – бусидо. Согласно этому моральному кодексу, японский воин должен был в любую минуту быть готов к смерти, он не имел права бояться ее, избегать и мечтать жить вечно. Высшей целью для самурая считалось стремление достойно принять смерть в бою, не запятнав себя позором трусости или малодушия. Знаменитый японский фехтовальщик Миямото Мусаси отмечал, что путь воина – путь смерти. Самурайский кодекс чести разрешал и даже требовал от воина, который считал свою дальнейшую жизнь

Беспалов Андрей Константинович, аспирант Департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: bak2404@bk.ru

бесчестьем, выбрать смерть. Выработался особый акт лишения себя жизни через вспарывание живота, называемый «сеппуку» [1, с. 19]. С точки зрения японского менталитета, сеппуку не было простым самоубийством, проявлением слабости или малодушия, а наоборот, считалось осознанным способом исправления собственных ошибок, избавлением от позора и доказательством силы духа и высших моральных устоев. Как отмечает историк Ю.Г. Иванов, изучавший феномен японского самопожертвования: «И синтоизм, и буддизм во многом способствовали и способствуют тому, что в японском обществе уход из жизни по собственной инициативе не осуждается. Более того, традиция самоубийства возведена здесь в ранг социальной ценности» [1, с. 20]. Поэтому для японского общества была характерна своеобразная система ценностей, в которой выше самой жизни – в любом случае конечной – ценилось достойное ее завершение, то, в каких обстоятельствах и как человек принимал неизбежную смерть.

Глубинные предпосылки для проявления феномена самопожертвования на войне были заложены в самой японской воинской культуре и традициях. Однако состояться явление камикадзе смогло лишь по причине инициативы сверху. Массовая готовность японцев к самопожертвованию была использована высшим военным японским командованием во время завершающего этапа Второй мировой войны для формирования отрядов камикадзе.

К осени 1944 года инициатива в войне на Тихом океане окончательно перешла к союзникам. Японские императорские армия и флот фактически утратили всякую возможность оказывать сопротивление американской армии: были потоплены или повреждены почти все авианосцы и линкоры, погибли многие опытные моряки и летчики. Ограниченные ресурсы Японии все более усугубляли положение в условиях длительной войны. В ходе безнадежной попытки удержать Филиппины вице-адмирал Такидзиро Ониси решил использовать последнюю возможность – героизм подчиненных и их готовность пожертвовать жизнью ради своей страны. Тогда-то и принимается решение о создании отрядов смертников-добровольцев, которых называли «тейсин-тай» (ударные отряды). Помимо эскадрилий летчиков-камикадзе, отряды смертников создавались в сухопутных частях и на флоте. Формирование различных подразделений тейсин-тай санкционировал Императорский генеральный штаб.

Изначально создание отрядов камикадзе шло на добровольной основе, причем, как отмечают многие исследователи, добровольцев на начальных этапах было в три раза больше, чем самолетов. Однако позже, с расширением масштаба применения самоубийственных атак, число добровольцев значительно сократилось, и тогда высшее военное командование Японии стало переводить в разряд смертников целые эскадрильи в приказном порядке. В данном случае о добровольности речь уже не шла, у японских летчиков, исходя из обстановки, а также их национального характера, просто не оставалось выбора. Они понимали, что, отказавшись принять участие в «священной войне» таким способом, будут опозорены на всю жизнь вместе со своими семьями. Вместе с тем юношей убеждали, что только боевые действия, в которых японские солдаты заранее обрекли себя на смерть, обеспечат Японии победу. Уходивших в подразделения камикадзе родители и родственники в соответствии с японской традицией еще до гибели оплакивали как покойников [1, с. 503].

Среди камикадзе были люди различных социальных слоев, в идее пойти на самопожертвование они руководствовались разными мотивами. Прежде всего в ряды камикадзе попадали молодые люди 17–24 лет. В основном это была молодежь, воспитанная в японских военных традициях самураев, для которых идея патриотического долга и гибели за страну, императора определяла всю жизнь. Были люди с сильно развитыми религиозными принципами –

синтоистскими и буддийскими, которые делали их восприимчивыми к идее самопожертвования как к способу присоединения к сонму священных предков или ради прославления собственного рода. Были фанатики, горевшие желанием поскорее совершить самоубийственную атаку.

Все вступившие в ряды камикадзе или другие отряды тейсин-тай становились смертниками. Их единственной целью была подготовка к бою, в ходе которого они должны были гарантировано погибнуть, нанеся ценой своей жизни существенный урон врагу. Так, летчиков-камикадзе целенаправленно готовили только к единственному полету в один конец. Для них жертва собственной жизнью была закономерным, единственным, целенаправленным, а порой и желаемым завершением боевой задачи. Они изначально воспринимали себя и воспринимались японским обществом как смертники, осознанно готовили дух, тело и технику именно к такому исходу.

Главной и единственной задачей японских тейсин-тай было доставить взрывной механизм бомбы или торпеды до цели, приведя его в действие и погибнув при этом во славу японского микадо. Гибель в воздушном вылете для пилотов-камикадзе была непременным условием успешного завершения боевой задачи. Для смертников даже разрабатывалось и производилось специальное оружие: торпеды, катера, летательные аппараты, которые изначально были предназначены не для ведения боевых действий, а именно для подобных атак. Была сформирована особая система ритуалов, например, перед взлетом самолетов-торпед, пилотам объявляли, что они «уже боги, отрешившиеся от земных страстей», а также выдавали последнюю чашку саке. Погибшие в бою камикадзе причислялись к лику ками – святых покровителей Японии, получали самурайский титул, а члены их семей с этого времени официально именовались сверхуважаемыми.

Самоубийственная тактика впервые была массово опробована в сражении за Филиппины, а в битве за Окинаву японское командование сделало на нее уже основную ставку. Психологические последствия самоубийственных атак и в самом деле были ошеломляющими. Американские военнослужащие не могли понять своих противников, которые сражались, чтобы умереть. Однако подобная крайняя мера лишь оттянула поражение Японии в войне. Ю.Г. Иванов в заключении к своей работе отмечает: «Все это – специфическое уродливое явление, порожденное крайне агрессивным японским империализмом. Это – не что иное, как преступление японской военщины против собственного народа, свидетельство ее авантюризма и ущербности военной мысли, основанной на феодальных представлениях» [1, с. 478]. Национальная военная традиция Японии, основанная на готовности жертвовать своей жизнью, была последней попыткой японского милитаризма оттянуть поражение в войне, компенсировать количественное и техническое превосходство противника силой духа японских военнослужащих.

Камикадзе – единственный в истории человечества пример, когда смертники были выделены в особый род войск и специально обучались для выполнения своей миссии. Те, кто шел в отряды камикадзе добровольно, изначально знали о том, что погибнут, были готовы к этому и даже желали смерти. Зачастую они руководствовались индивидуальным стремлением показать высшую силу духа воина-самурая, который с достоинством, без страха и колебаний идет на смерть в бою во славу своей страны и императора. Особую роль в готовности к самопожертвованию играла религиозная и философская составляющая, камикадзе верили в то, что самопожертвование в бою приближает их к божественному состоянию. Большое значение для них имело то, что в храме Ясукуни устанавливалась медная табличка с их фамилией и именем. Смертник становился гунсином – военным божеством, и его подвиг

не забывался [1, с. 491]. В этом заключалась особая философия японского проявления феномена самопожертвования, которая, несмотря на кажущееся внешнее сходство по форме, значительно отличалась от советского восприятия подвижнического поведения.

Таран наземной цели, или огненный таран советских летчиков имел совершенно иной характер проявления. Прежде всего во время Великой Отечественной войны ни у кого не возникало мысли создать отдельные авиационные подразделения смертников, летчики которых должны ценой своей жизни уничтожать наземные или надводные цели противника. Данная форма проявления феномена самопожертвования получила массовое распространение за счет личных решений экипажей самолетов в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Чаще всего подобный подвиг совершался советскими летчиками, когда они направляли свой подбитый самолет на какую-то наземную цель противника и врезались в нее. Точное число огненных таранов, совершенных советскими воинами во время Великой Отечественной войны, вероятно, установить невозможно. Более 600 пилотов, штурманов, стрелков-радистов нанесли около 350 последних ударов по врагу, превратив подбитый самолет в разящее оружие. Некоторые исследователи устанавливают верхнюю планку огненных таранов в 504 подвига [4, с. 8].

Огненные тараны совершались на всех этапах Великой Отечественной войны. Были они и во время летних сражений 1941 года, и при обороне Москвы, Ленинграда и Сталинграда, в сражениях на Курской дуге и Днепре, в Белоруссии и Польше и даже уже после разгрома Германии – в кампании против милитаристской Японии. Наиболее известным примером огненного тарана во время Великой Отечественной стал подвиг командира эскадрильи 207-го дальнебомбардировочного авиационного полка капитана Н.Ф. Гастелло 26 июня 1941 года. Фамилия героя стала нарицательной, до сих пор летчиков, совершивших огненный таран, называют гастелловцами [4, с. 9].

Таран наземной цели экипажем советского самолета – ситуативный, осмысленный, добровольный выбор самих летчиков, к которому прибегали лишь в исключительных случаях. Он не мог регламентироваться никакими уставами и приказами свыше. На таран советские герои шли по собственной воле при значительных повреждениях самолета, когда было понятно, что продолжать бой невозможно, а летательный аппарат ждет неминуемая гибель. В таком случае, согласно Боевому уставу ВВС РККА, летчики имели право покинуть падающий самолет и выброситься с парашютом. Также летчики могли попытаться аварийно посадить боевую машину. Однако если бой шел над территорией, занятой противником, это с большой долей вероятности означало попадание в немецкий плен. Кроме того, оставалась невыполненной боевая задача по прикрытию наземных сил или уничтожению важного военного объекта. В данных обстоятельствах значительное число советских летчиков осознанно жертвовали собственной жизнью, направляя свою боевую машину на наземную или надводную цель противника, чтобы напоследок нанести ему максимальный урон и любой ценой выполнить поставленную боевую задачу. Геройская смерть в бою для советских летчиков была не самоцелью и тем более не заранее спланированной акцией, а крайним способом борьбы с противником в целях защиты своей Родины, спасения боевых товарищей на земле. В этом заключается принципиальное отличие огненных таранов советских летчиков от самоубийственных атак японских камикадзе. Это наглядно подтверждается и многочисленными примерами подобных подвигов советских летчиков, отраженных в источниках.

Известен подвиг лейтенанта А.С. Черезова и старшего лейтенанта Н.Д. Агеева. 19 июля 1943 года во время Курской битвы группа из восьми штурмовиков «Ил-2» вылетела в район Ломовец для уничтожения большой группы

танков и мотопехоты, которая занимала оборону. При подходе к цели группа попала под сильный огонь артиллерии. Самолет под командованием Черезова был подбит. Будучи ведущим группы, он не вышел из строя, а горящий продолжал бой. Ему предоставлялась возможность выброситься с парашютом, но он повел отряд на штурмовку наземных сил противника, ведя огонь из всех пушек и пулеметов, сбросил бомбы и направил горящий самолет в скопление танков. Командование группой принял заместитель А.С. Черезова, летчик Н.Д. Агеев. Однако при выходе из первой атаки его самолет тоже загорелся от прямого попадания нескольких снарядов мелкокалиберной артиллерии. Агеев последовал примеру командира, с трудом перевел свой «Ил-2» в пикирование и врезался в скопление вражеских танков [6]. Благодаря самопожертвованию двух летчиков, несмотря на сильный заградительный зенитный огонь и потери, боевое задание было выполнено, скопление техники противника уничтожено, что способствовало продвижению советских наземных сил вперед.

Важнейшим и наиболее распространенным мотивом, который подвигал советских летчиков идти на самопожертвование, выступало стремление любой ценой выполнить поставленную боевую задачу – уничтожить важную наземную цель противника, будь то железнодорожная станция, мост, склад с боеприпасами, эшелон с вражеской техникой, артиллерийская батарея и т.д.

К примеру, 5 июля 1941 года в бою над мостом через р. Березина был совершен уникальный подвиг – двойной огненный таран. Звону летчиков 53-го ДБАП была поставлена задача разрушить переправу противника через реку в районе г. Борисова, не допустив прорыва вражеских танков. Боевая машина лейтенанта Н. Булыгина была повреждена при заходе на боевой курс бомбометания. Это был критический момент. У экипажа еще оставалась возможность воспользоваться парашютами. Ведущий звена, старший лейтенант С. Карымов, по радио дал лейтенанту Н. Булыгину команду покинуть горящий бомбардировщик. Но комсомольцы летчик Булыгин, штурман Колесник, стрелок-радист Титов и воздушный стрелок Кусенков избрали другой путь. «Идем на таран переправы! Не допустим фашистов к родной Москве!» – прозвучали последние слова Николая Булыгина в эфире. В боевом донесении отмечалось: «Раздался страшной силы взрыв. Переправа тут же рухнула. А через несколько минут по примеру Булыгина второй подбитый бомбардировщик того же звена, пилотируемый капитаном А.С. Ковальцом, врезался в колонну немецких танков, выходящих из Борисова. Коллективный подвиг экипажей двух бомбардировщиков надолго задержал продвижение фашистских войск в глубь нашей территории» [3].

Мотивом для тарана наземной цели также часто выступало стремление не попасть в плен к противнику, к чему фактически неминуемо вело решение покинуть поврежденную машину с парашютом над территорией, где находится противник.

К примеру, известен подвиг летчика 32-го гвардейского ИАП Е.В. Михайлова. 17 марта 1944 года Евгений Михайлов, возвращаясь с боевого задания, попал под огонь зенитной артиллерии противника в районе станции Идрица. Прямым попаданием зенитного снаряда самолет Михайлова был серьезно поврежден. Пилот отчетливо сознавал, что до своей территории дотянуть не удастся. Прыжок с парашютом означал неизбежный плен. Михайлов заметил в центре станции большой состав с цистернами с горючим и принял решение направить в него свой «Ла-5». В полку приняли последнюю радиogramму героя: «Самолет подожжен. Горючее кончилось. До своих не дотяну. В плен не сдамся. Решил таранить и взорвать немецкий эшелон на Идрице. Боевой привет товарищам! За Родину!» [7].

Огненный таран стал одной из массовых форм проявления феномена самопожертвования советских воинов во время Великой Отечественной

войны. И он существенно отличался от японских атак камикадзе по целому ряду составляющих. Прежде всего, если в Японии феномен камикадзе стал частью военной стратегии, организованной свыше в целях оттянуть поражение в войне, то советские летчики совершали таран наземной цели лишь в исключительных случаях по собственному личному добровольному решению, исходя из конкретной ситуации. Самопожертвование советских летчиков лежало за рамками должного и обязательного, никто не мог их принудить на совершение данного действия, это был прежде всего добровольный нравственный выбор самого героя в экстремальной ситуации.

Кардинально отличалась сама психология подвига самопожертвования. Психология камикадзе изначально представляла собой культ смерти, чем радикально отличалась от психологии советских летчиков, совершавших огненные тараны. Японский камикадзе, который садился в самолет, прекрасно осознавал, что этого его последний боевой вылет, завершением которого будет неминуемая героическая смерть, был готов и желал подобного исхода. Ключевой его целью было стремление достойно погибнуть как воин в единственном бою, его собственная жизнь уже не имела большой ценности, на первый план выходили лишь обстоятельства ее завершения.

Советские же летчики же, пошедшие на самопожертвование, очень любили жизнь, хотели счастливо жить, трудиться на благо своего отечества, растить детей, строить справедливое общество. Отправляясь на боевое задание, они осознавали, что могут и не вернуться из полета, однако верили в то, что благополучно выполнят боевую задачу и вернуться на аэродром, продолжат дальше бить врага и в глобальном плане одержат победу над врагом и вернуться домой к родным. Они не являлись смертниками, их целью была не гибель в бою, а выполнение поставленной боевой задачи. Однако в исключительных случаях, когда обстоятельства складывались так, что это было возможно сделать только ценой собственной жизни, многие летчики шли на это [4, с. 8]. Пошедшие на самопожертвование летчики прекрасно осознавали ценность собственной жизни, однако в их иерархии ценностей выше собственной жизни стояла любовь к Отечеству. Поэтому в условиях вооруженного конфликта «не на жизнь, а на смерть», когда речь шла о защите своей земли и социума от порабощения и разграбления, они были готовы идти на любые жертвы, в том числе и отдать собственную жизнь, чтобы другие смогли дальше жить счастливо. Они не думали заранее о смерти в бою, но были готовы к ней внутренне, если того потребуют обстоятельства. Подвигами самопожертвования советские летчики способствовали выполнению важных боевых задач, обеспечивая успех боевых действий подразделений Красной Армии, наносили колоссальный урон противнику, сохраняли жизнь своим боевым товарищам в грядущих боях, приближая общую победу. Самопожертвование во имя дальнейшего торжества жизни – так можно охарактеризовать тараны наземной цели советскими летчиками в период Великой Отечественной войны.

Огненный таран – последний довод советского летчика в борьбе с противником, готовность выполнить боевую задачу любой ценой, стремление не попасть в плен и напоследок уничтожить наибольшее количество врагов, облегчив задачу своим боевым товарищам. Так, советский летчик Спартак Маковский, сбивший за войну 18 самолетов врага, один из которых – таранным ударом, на вопрос, думал ли он о своей жизни, идя на таран, ответил: «Нет, не думал. Я просто знал, что внизу бьются мои друзья, что им тяжело, и если гитлеровцы прорвутся туда, им еще тяжелее станет. Значит, надо уничтожить врага. А уж каким способом – значения не имеет» [8]. В этом заключаются качественные отличия не только таранов наземных или надводных целей советскими и

японскими летчиками во время Второй мировой войны, но и в целом понимание самопожертвования, характерное для отечественной и японской культуры.

«Жизнь человека легка, как перо, а долг перед императором тяжелее горы», «Путь воина – это смерть... В случае необходимости выбора между смертью и жизнью незамедлительно выбирай смерть. В этом нет ничего сложного. Просто соберись с духом и действуй» [1, с. 13] – такую качественную характеристику феномена самопожертвования мы видим в японских источниках. А так охарактеризовал готовность к самопожертвованию советский разведчик Н.И. Кузнецов: «Я люблю жизнь. Я еще очень молод. Но потому что Отчизна, которую я люблю, как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это» [5, с. 311].

Литература

1. *Иванов Ю.Г.* Камикадзе: пилоты-смертники: Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. Смоленск: Русич, 2001. 528 с.
2. *Коваленко А.П., Сгибнев А.А.* Бессмертные подвиги. М.: Воениздат, 1980. 350 с.
3. *Крылов А.И.* Дальними маршрутами. М.: Военное издательство, 1969; [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/krylov_ai2/index.html (дата обращения: 02.12.2024).
4. Огненный таран: Поименный список летчиков, совершивших таран наземных и надводных целей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / сост. и авт. вступ. ст. П.М. Золотарев. М.: Изд-во Олега Пахмутова, 2023. 656 с.
5. Письма Героя Советского Союза разведчика Н.И. Кузнецова // Говорят погибшие герои: Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.). 5-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1975. С. 309–316.
6. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 667. Л. 94.
7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1696. Л. 22.
8. *Чернаткина А.Е.* От Кавказа до Берлина. М.: 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/chematkina_mp/index.html (дата обращения: 24.12.2024).
9. *Щекотихин Е.Е.* Героизм советских воинов в боях на Орловском направлении: социально-нравственные аспекты // Социология власти. 2006. № 2. С. 164–173.

Аннотация. В статье на примере таранов наземных и надводных целей рассмотрен феномен самопожертвования советских и японских летчиков во время Второй мировой войны. Анализ специфики подвигов японских камикадзе и советских летчиков, принявших решение совершить огненные тараны, позволил выявить качественные отличия советского концепта самопожертвования от японского. Для советских военных летчиков в отличие от японских смертников гибель не была целью. Они прекрасно осознавали ценность жизни, но в исключительных обстоятельствах были готовы добровольно, бескорыстно и осознанно пожертвовать ею ради жизни других.

Ключевые слова: Вторая мировая война, героизм, камикадзе, летчики, самопожертвование, Советский Союз, таран, Япония.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Andrey K. Bespalov, Postgraduate Student, Department of History, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University (MGPU). E-mail: bak2404@bk.ru

The Self-Sacrifice Phenomenon of Soviet and Japanese Pilots in the Second World War: Comparative Analysis

Abstract. In the article the author examines the phenomenon of self-sacrifice of Soviet and Japanese pilots during World War II using the examples of their ram attacks of ground and above-water targets. The analysis of the specifics of the exploits of Japanese kamikaze and Soviet pilots who executed “fire ramming” during World War II, allowed to reveal qualitative differences between the Soviet and Japanese concepts of self-sacrifice. For Soviet airforce pilots in contrast to the Japanese ones, death was not the goal and end in itself. They were well aware of the value of their lives, but in exceptional circumstances they were ready to voluntarily, selflessly and consciously sacrifice it for the sake of the lives of others.

Keywords: World War II, Heroism, Kamikaze, Pilots, Self-sacrifice, Soviet Union, Ram, Japan.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

© Андрей Беспалов, 2025

Наша Победа и ее фальсификаторы

{ Раздел второй }

*А.К. Камкин
Европейская политика деформации исторической памяти как путь
к реваншизму и социально-политическому регрессу*

*Н.П. Таньшина
Трансформация памяти о роли СССР во Второй мировой войне
в современной Франции*

*А.А. Киселев
Память и нарративы о Второй мировой войне в польском общественном
мнении (2000–2020)*

*А.Д. Гронский
Борьба с памятью о Великой Отечественной войне
в Прибалтике и Молдавии*

*И.Н. Шумейко
История войны – война историй*

Европейская политика деформации исторической памяти как путь к реваншизму и социально-политическому регрессу

События последних лет продемонстрировали, что фейки, дезинформация и фальсификация истории становятся мощным оружием по подрыву национальной безопасности и суверенитета целых государств. В рамках настоящей статьи автор анализирует некоторые теоретические аспекты политики памяти и практические кейсы деформации исторической памяти европейскими государствами.

Начало 1990-х годов в Европе знаменовалось сразу несколькими эпохальными переменами – поглощение ГДР со стороны Федеративной Республики Германии, которое в официальной историографии называют объединением Германии, распад Чехословакии, который прошел мирно и поэтому относительно незаметно, распад Советского Союза, который до сих пор проявляет себя в виде ряда кровавых конфликтов, о которых предупреждал еще И.А. Ильин в цикле своих статей «Что сулит миру расчленение России?». Так, русский философ писал: «Россия есть не случайное нагромождение территорий... а живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению» [7, с. 326]. При этом автор противопоставляет модель государственного строительства России и Запада, в частности Германии, которую он считает «национальным врагом России» [6, с. 11]. Он указывал: «Население Германии, поглотившей столько племен, доведено посредством беспощадной денационализации до всегерманской однородности... Господа расчленители забывают, что племенной состав для затеваемого ими политического расчленения соблюла именно Императорская Россия» [8, с. 330].

Почему мы считаем важными эти цитаты русского философа? Процесс трансформации исторической памяти, быстро набирающий обороты в странах Запада, прежде всего Европы, в последние годы, напрямую связан и продиктован стремлением сформировать очередной *Drang nach Osten*. Милитаризация европейских стран и доминирование антироссийского нарратива становятся очевидной реальностью. Попробуем раскрыть теоретические основы феномена исторической памяти и рассмотреть, как он проявляется в сегодняшнем политическом дискурсе европейского политикума.

Феномен исторической памяти являлся предметом изучения многих философов, социологов и историков – М. Хальбвакса, П. Нора, Ж. ле Гоффа, А. Ассмана, П. Хаттона, П. Рикера, Т. Адорно и пр. Некоторые современные авторы называют сегодняшний феномен пересмотра исторической памяти «мемориальным бумом» [26, с. 160], когда сознание человека с трудом может

Камкин Александр Константинович, кандидат философских наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, старший научный сотрудник ЦСЭПИ Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: alexander.kamkin@yahoo.com

структурировать разные видения и трактовки тех или иных исторических событий. В таких условиях опасность подтасовки исторической памяти особенно велика.

Морис Хальбвакс уподобляет историческую память книге, которую мы взяли в руки после длительного перерыва: «...это те идеи и размышления, которые навеваются нам перечитыванием книги и которые наверняка не могли бы сопровождать наше первое ее чтение» [19, с. 120]. А что если современные люди на Западе практически не берут книг в руки, и весь их информационный поток – это бесконечно сменяющиеся друг друга новостные ленты в соцсетях? И эти сообщения живут в их внимании доли секунды, после чего их вытесняют следующие, а возможности спустя длительное время вернуться к покрытой пылью полке и взять в руки книгу, которая была прочитана несколько лет назад, нет. Такова сегодняшняя реальность информационного общества, где информация представляет собой своего рода поток нейтронов, проносащихся сквозь сознание человека. Возможности сосредоточиться, осмыслить, перепроверить на предмет фейков, у обывателя практически нет.

В свое время видный представитель Франкфуртской школы Теодор Адорно так высказался о попытках некоторых политиков и ученых на Западе предать забвению события Второй мировой войны и нацистской диктатуры: «под прошлым хотят подвести черту и по возможности стереть его из памяти» [21, S. 10]. Следует отметить, что видный критик нацистского прошлого Германии оказался неправ, когда считал более опасным просачивание национал-социализма во власть, а не фашизацию формальной европейской демократии, что в итоге происходит в наши дни.

Российский исследователь А. Борозняк указывает на половинчатость попыток исторической саморефлексии в ФРГ, поскольку в термине «преодоление прошлого» «...стыдливо отсутствует указание на то, о каком именно «прошлом» идет речь... Немцы отворачивались от позорных страниц своей истории» [2, с. 114]. Действительно, в 1950-х годах большое количество бывших функционеров нацистской партии и даже СС нашли новую работу в госучреждениях, восстановленных вооруженных силах и в частном предпринимательстве. Так, первым руководителем Внешней разведки ФРГ стал бывший гитлеровский разведчик Р. Гелен, а многие другие офицеры и генералы Вермахта перешли в начале 1950-х годов во вновь созданный Бундесвер. В 2024 году в этой связи даже случился крупный скандал, когда Министерство обороны ФРГ предложило включить в пантеон героев Бундесвера более 30 генералов, которые начинали свою службу в Вермахте и СС. Среди них были Эрих Топп, офицер-подводник, который до зачисления в Кригсмарине успел послужить в Общих СС (из которых в том числе набирали персонал концлагерей), а также Эрих Хартманн, ас Люфтваффе, на счету у которого более 450 воздушных побед во Второй мировой. В документе в частности говорилось: «Переломный момент, вызванный агрессивной войной России против Украины, нарушающей международное право, повысил значение способности вооруженных сил вести войну, которая во многом обусловлена... высокой боевой эффективностью, также для сохранения традиций» [27].

Справедливости ради надо сказать, что инициативу быстро дезавуировали, но сам факт подобного документа свидетельствует о глубоких трансформациях в отношении к исторической памяти в немецком обществе. Ведь всего лет десять назад издавать книги воспоминаний подобных исторических деятелей могли себе позволить лишь маргинальные ультраправые издательства.

Проанализируем два наиболее ярких исторических случая избирательной исторической памяти европейцев – события в Югославии в 1990–1999 годах и на Украине в 2014–2025-м.

Война в Югославии – первый случай исторической амнезии Европы¹

Межэтническая война в бывшей СФРЮ стала первым наглядным примером массовой деконструкции исторической памяти европейцев о Второй мировой войне, прежде всего Германии. Необходимо сказать, что с начала 1980-х годов в Югославии имели место сепаратистские устремления, в основном в Хорватии и Словении, позднее они стали заметны и в Косово. По мнению некоторых исследователей, особую роль в подогревании подобных настроений играли Ватикан и Германия [26, с. 7]. В 1990 году в Словении и Хорватии пришли к власти оппозиционные партии, взявшие курс на отделение от СФРЮ. Уже в январе 1991 года хорватские власти получили от Ватикана кредит в размере четырех миллиардов американских долларов. Со ссылкой на газету “Leipziger Volkszeitung” немецкий оппозиционный журнал “Ketzerbriefe” писал: «Ватикан предоставил Хорватии – второй по величине югославской республике – почти беспроцентный кредит в размере четырех миллиардов долларов» [22, S. 3]. В качестве подтверждения было опубликовано несколько документов, свидетельствующих о соответствующих переговорах между Хорватией и Ватиканом. Согласно этим документам, Загреб должен получить первый транш кредита в размере двух миллиардов долларов до конца февраля. Гарантами выступали Мальта и Франция. Деньги должны были быть переведены из Италии в Хорватию через один из люксембургских банков. По мнению югославской стороны, Хорватия собиралась закупать на эти деньги не только товары народного потребления, но и оружие и оплачивать наемников. Сербская пресса усмотрела в этом подтверждение горячо обсуждаемого в то время тезиса о «заговоре Ватикана и Загреба, направленного на развал Югославии». Что касается Словении, то первоначально процесс отделения в этой республике шел мирным путем. Так, 24 января 1991 года в Белграде прошли переговоры словенской делегации во главе с Миланом Кучаном и делегации Сербии, возглавляемой Слободаном Милошевичем. Результатом переговоров стало взаимное заверение сторон о соблюдении при разрешении возникшего кризиса права народов на самоопределение, «которое ничем не может быть ограничено, кроме как равнозначным или аналогичным правом других народов». [4, с. 6] Таким образом, ход событий вполне мог оставаться в мирном русле и не переходить в вооруженное противостояние.

Однако при активной дипломатической, финансовой и военной зарубежной поддержке сепаратистов события приняли совсем иной оборот. Пособничество западных покровителей дало зеленый свет экстремистам в этих отколовшихся республиках. Они применили силу, спровоцировав вооруженный мятеж. Например, в столице Словении Любляне в ходе нападений на гарнизоны Югославской народной армии (ЮНА) было убито в общей сложности 59 и ранено 153 военнослужащих [4, с. 6]. Гораздо большее кровопролитие имело место в Хорватии. Не без основания бывший госсекретарь США Джеймс Бейкер констатировал, выступая в 1995 году перед Конгрессом: «Словения и Хорватия спровоцировали гражданскую войну в бывшей Югославии. Их насильственное отделение... стало прямым толчком к вооруженным столкновениям в Югославии» [4, с. 7]. Именно действия хорватских властей со всей ясностью напомнили сербскому населению события пятидесятилетней давности, когда в ходе усташеского² геноцида было истреблено более полутора

¹ Подробнее см. [10].

² Усташи – хорватские нацисты времен Второй мировой войны, последователи «поглавника» Анте Павелича. После 1990 года усташеское движение бурным цветом расцвело в Хорватии и в хорватской диаспоре за рубежом, прежде всего в Европе.

миллионов сербов. Их уничтожали с варварской жестокостью и поистине нечеловеческим садизмом – сжигали в сараях, живьем сжигали в печах, бросали в карстовые ямы в горах. В «Журнале Московской Патриархии» за август 1948 года был помещен доклад иерархов Сербской Православной Церкви о событиях в Югославии в 1941–1944 годах. В нем в частности говорилось: «... Оккупанты поголовно истребляли в Хорватии сербское население. К этим преступлениям Ватикан имел самое непосредственное отношение. По его указанию открылось самое дикое гонение на Православную Церковь... “До сих пор мы работали в пользу католической веры крестом и молитвенником, – поучал свою паству католический священник М. Могуш, – а теперь пришло время действовать ружьем и револьвером”... Летом 1941 года в Ливанийском округе францисканец д-р Сречко Перич обратился к хорватам с речью: “Братья хорваты, идите и перережьте всех сербов, а для начала зарежьте мою сестру, вышедшую замуж за серба, а потом и всех сербов по порядку. Когда с этим покончите, приходите ко мне в церковь, я вас исповедаю, и все грехи вам простятся”» [15, с. 79]. Следует отметить, что главный идеолог уничтожения сербского населения Хорватии в годы Второй мировой войны кардинал Степинац покоится по сей день в главном соборе Загреба и почитается как один из национальных героев современной Хорватии.

Позднее, в начале 1992 года, разгорелся вооруженный конфликт в Боснии-Герцеговине. Он был спровоцирован мусульманами, избравшими своего президента Илию Изетбеговича, который провозгласил Боснию шариатским государством. Одновременно с этим начались этнические чистки христианского населения. При этом сепаратисты в Хорватии и Боснии получали из-за рубежа наряду с финансовой и непосредственно вооруженную поддержку. Неопровержимые доказательства этому были добыты еще осенью 1991 года при штурме Вуковара – административного центра Восточной Славонии, области на востоке Хорватии, населенной преимущественно сербами, – частями ЮНА и сербскими отрядами самообороны. Выяснилось, что город наряду с боевиками из ХДЗ¹ обороняло более 500 наемников из Германии и Австрии (бригада «Кондор»), а также порядка 150 американцев из группы «Чикаго». Арест в конце 1993 года в Австрии Готфрида Кисселя, Александра Вольтера и Петера Биндера сделал достоянием гласности не только их участие в сербохорватской войне, но и планы более широкой помощи сепаратистам. [4, с. 45]

В течение всего этого времени почти во всех западных СМИ, равно как и с трибун парламентов, лился поток лжи в отношении происходящего на Балканах. По отношению к республике Сербской и к Сербской Краине применялась презумпция виновности, особенно рельефно это проявилось во время боевых действий около мусульманских анклавов Горажде и Сребренице в начале 1995 года. Практически все военное и политическое руководство боснийских сербов было объявлено военными преступниками, начиная с Радована Караджича и Ратко Младича, ставших поистине народными героями подобно Милошу Обиличу и Петру Негошу [подсобнее см. 3].

В Хорватии и Боснии имел место самый настоящий геноцид сербского народа. В этих республиках боевики-сепаратисты устраивали подлинные концлагеря для военнопленных и гражданских лиц, проводили этнические чистки, применяли самые изуверские пытки в тюрьмах. С самого начала своего существования хорватский режим Франьо Туджмана взял курс на преемственность

¹ ХДЗ (Хорватское демократическое содружество) – пронацистская партия в Хорватии, которую возглавлял первый президент страны Франьо Туджман. Помимо политической организации имела также многочисленные вооруженные отряды, которые стали костяком новой хорватской армии. Взяли курс на историческую преемственность с усташами Ате Павелича.

с пронацистским государством Анте Павелича – гитлеровского коллаборациониста. Хорватскими нацистами в годы Второй мировой войны было уничтожено более полутора миллионов сербов, евреев и инакомыслящих – в основном в концлагере Ясеновац. Помимо этого в Хорватии, как и 50 лет назад, имело место массовое перекрещивание сербов в католичество. Почти всегда оно проводилось насильственно. Массовому уничтожению подверглось православное духовенство, уничтожались православные храмы.

В «Меморандуме Правительства СР Югославии о нарушении прав человека и гражданских прав сербского народа в Республике Хорватия» от 1993 года по этому поводу говорилось следующее. Согласно неполным данным, на территории Республики Хорватия было зарегистрировано 95 лагерей для пленных сербов, мирных жителей и военнослужащих. Немалое число этих лагерей являлось буквально концентрационными лагерями, в которых совершались массовые убийства и избиения сербов. Помимо этого были массово распространены этнические чистки и незаконные аресты. Так, с 1 июня 1991 года власти Республики Хорватия изгнали с контролируемой ими территории более 350 тыс. сербов [14, с. 9].

Этнические чистки совершались с помощью различных методов: физической ликвидации, заключения в тюрьмы, организованного разрушения домов, насильственного выселения, недопущения религиозной жизни, отказа в предоставлении хорватского гражданства и т.п. Также хорватские власти активно осуществляли разрушение церковных зданий. Так, в пяти епархиях Сербской Православной Церкви на территории Республики Хорватия было разрушено и повреждено 294 церкви, разрушен 1 монастырь, разрушено 16 кладбищ, а 14 осквернено. 20 октября 1994 года депутат Драган Хинич предоставил данные о том, что перекрещено от 11 до 14 тысяч учеников сербской национальности [14, с. 9].

Во время войны в Боснии-Герцеговине также имели место военные преступления по отношению к мирным жителям и военнопленным сербам, как со стороны хорватов, так и со стороны мусульман, создавших в конце 1993 года мусульмано-хорватскую федерацию.

В этой связи весьма показательно отношение Запада и европейских СМИ к событиям в бывшей Югославии. С самого начала войны западные медийные круги и политики однозначно приняли сторону сепаратистов, тщательно замалчивая их преступления и демонизируя сербов. Против СРЮ неоднократно вводились экономические санкции, в результате чего она полностью была исключена из мирового сообщества. При этом западные СМИ не брезговали и откровенными фейками, осуществляя наряду с этим своего рода «заговор молчания» в отношении страданий сербов, как метко охарактеризовал этот феномен в беседе с редактором-издателем журнала «Ketzerbriefe» доктором философии Готфридом Нимитцом сербский историк Милан Булаич [22, S. 19].

В номере английского журнала «Daily Mirror» за 7 августа 1992 года была опубликована фотография, ставшая символом боснийской войны, – группа мужчин за колючей проволокой с надписью «Must it go on?» («Это будет продолжаться?»). Фотография сопровождалась пояснением, из которого явствовало, что это заключенные мусульмане в сербском концлагере Трнополье. Однако в феврале 1997 года немецкий журналист Томас Дайхманн опубликовал информацию, что это фото было обычным фейком. Томас Дайхманн в своей статье писал, что вокруг лагеря в Трнополье не было никакой колючей проволоки. Это была не тюрьма и уж тем более не концлагерь, а пункт сбора беженцев. Колючая проволока, изображенная на фотографии, окружала не лагерь, а фотографа и журналистов. Рядом с Трнополье находился охраняемый объект, окруженный проволочными ограждениями. Британские

репортеры засняли проволоку со стороны строений на фоне открытого поля, затем наложили негатив с проволокой на негатив с людьми, и в результате получилась фотография, глядя на которую создается впечатление, что эти боснийцы действительно находятся за колючей проволокой [12]. Следует отметить, что правительство Боснии-Герцеговины внесло Томаса Дайхманна в свой аналог сайта «Миротворец» – список людей, отрицающих геноцид боснийцев в 1991 – 1995 годах [21a]. Разумеется, под жертвами геноцида имеются в виду только босняки.

Кстати, этот фокус с коллажем был далеко не единственным в своем роде. Так, во время интервенции НАТО в Косово в передовице англоязычной газеты “The Moscow Times” была помещена фотография с несколькими танками, под которой было пояснение, что это сербские войска, не собирающиеся покинуть Косово вопреки натовскому ультиматуму. При этом над танком на переднем плане был поднят албанский флаг. Другим примером фейков о сербских зверствах служит интерпретация западными СМИ взрыва на рынке Меркале в Сараево 5 февраля 1994 года. Тогда погибло около 60 мирных жителей и более 200 было ранено. Результатом этого была эскалация войны и прямое вмешательство в нее НАТО – по сути дела, на стороне мусульманохорватской федерации. Предлогом послужила сербская вина за содеянное. В западных газетах в адрес сербов выдвигались многочисленные обвинения, об этом событии говорилось не иначе, как о кровавой бане в Сараево.

Спустя пару недель после этого США и их союзники по НАТО приняли решение о нанесении воздушных ударов по позициям боснийских сербов. Это решение вызвало возмущение у правительств многих стран. 28 августа 1995 года почти на том же самом месте снова прогремел взрыв, унесший жизни 36 человек и ранивший 86. О том, что неясно, какая из сторон выпустила эту мину из 120-миллиметрового миномета, говорили даже представители ООН. Однако и на этот раз сработала презумпция виновности в отношении сербов. И в очередной раз НАТО выступило в роли соучастника геноцида в Боснии. Вот что писал о двойных стандартах Запада оппозиционный журнал “Ketzerbriefe”: «А знали ли вы, что война в Сараево началась только тогда, когда фанатики-исламисты забросали гранатами сербский свадебный кортеж, и лишь тогда сербы организовали самооборону, что там в настоящее время живет более 60 000 сербов – фактически заложников мусульман? Возможно, нет. Знали ли вы, что взрыв снаряда калибром 120 мм не в состоянии убить 60 человек и ранить в три раза больше, что рынок Меркале, где 5 февраля произошла эта трагедия, находится слишком далеко от сербских позиций для такого точного выстрела? Возможно, также нет. А почему мусульмане отказываются допустить к расследованию нейтральную международную комиссию? Этому отказу не может быть никаких веских причин кроме одной – это было дело рук самих мусульман. А кто не согласен с этим, должен вспомнить, что нацисты сами подожгли здание Рейхстага. Как при любом преступлении, возникает вопрос – кому это выгодно? – и ответ очевиден: только самим мусульманам» [23, S. 29].

В номере парижской газеты «Фигаро» от 22 ноября 1995 года была опубликована статья, осуждающая линч над боснийскими сербами со стороны западных масс-медиа. В ней в частности говорилось: «...странный макияж – оплакивание судьбы мусульман одновременно с игнорированием сербских жертв в Боснии... Это – чудовищное отождествление со стороны западных масс-медиа, оценивающих, с одной стороны, сербов как палачей, а с другой – всех остальных как жертв» [20, с. 67].

В чем же проявилась именно деформация исторической памяти Европы в контексте войны на Балканах, в первую очередь ФРГ? Во-первых,

в Основном законе страны прописано, что с территории Германии не должна исходить угроза войны. Нарратив коллективной вины немцев за военные преступления Второй мировой войны предполагает, что Германия несет особую моральную ответственность за борьбу с проявлениями неонацизма как у себя, так и за пределами своих границ. Однако практически сразу после провозглашения Хорватией независимости правительство только что объединившейся Германии взяло курс на полное признание легитимности неонацистского курса Франьо Туджмана. На страницах крупнейших немецких изданий выходили интервью с главарями хорватских нацистов, не смущавшихся заявлять, что их цель вырезать всех сербов в Хорватии. Немало неонацистов из Германии, Австрии, Франции ехали наемниками в Хорватию и Боснию. Немецкие СМИ взяли роль информационного обеспечения нацистов в Хорватии. При этом именно на Балканах действовала 7-я дивизия Ваффен СС «Принц Евгений», а несколько дивизий хорватских усташей в составе Вермахта воевали на Восточном фронте. Таким образом, можно говорить о том, что историческая память Германии о событиях Второй мировой войны оказалась крайне искаженной в условиях конфликта в Югославии в 1990–1999 годах.

Конфликт на Украине – углубление процесса исторической амнезии¹

Другой важный, возможно, важнейший пример двойных стандартов и информационной войны – это операция по окончательному отторжению от России Украины. Если в 1991 году между русскими и украинцами была проведена государственная граница, впрочем, достаточно условная, то в течение всех последующих лет пропаганда официального Киева старательно создавала отдельную украинскую нацию, которая по принципу отрицательной идентичности ничем не должна быть похожа на великороссов. Бывший президент Украины Л. Кучма на одном из мероприятий, посвященных Тарасу Шевченко, сказал примечательную фразу: «Украину мы создали, теперь осталось создать украинцев» [16]. Это очень красноречивое высказывание, которое свидетельствует об искусственном разделении фактически одного народа на два не просто якобы различных, но и еще антагонистически друг к другу настроенных.

Распад СССР в 1991 году был не просто крахом социалистической системы хозяйствования. Фактически была уничтожена Россия в границах исторической империи, за исключением некоторых территорий.

Как же новые киевские власти создавали украинцев? В 1959 году президентом США Д. Эйзенхауэром был подписан документ, определивший на десятилетия взаимоотношения коллективного Запада с СССР (геополитически Россией). Он назывался «Закон о поработенных нациях PL 8690» [13]. Он является практически полной копией гитлеровского плана «OST» по поработению СССР и послужил стеновым хребтом не только антисоветской, но и антироссийской политики Запада (действие закона не отменено до сих пор). Его основная идея заключается в том, что СССР являлся, по сути дела, «тюрьмой народов», где тюремщиками были великороссы как главные носители большевизма. Задачей Запада авторы закона ставили освобождение поработенных великороссами народов СССР и предоставление им независимости. Фактически закон предписывал расчленение СССР на пару десятков номинально независимых, но ориентированных на западные державы территорий. Именно такая же концепция была прописана в знаменитом гитлеровском плане, принятом незадолго до начала плана «Барбаросса». В нем также

¹ Подробнее см. [9].

предписывалось разделить СССР на генерал-губернаторства, вассальные территории и пр. Крайним народам Советского Союза выделялись определенные преимущества по сравнению с великороссами. Именно в таком ключе проводилась политика нацистских оккупационных властей в годы оккупации. Из числа крайних народов и самостийников формировались многочисленные карательные воинские подразделения, в частности дивизия СС «Галичина», несколько прибалтийских дивизий Ваффен СС. Многие бойцы после войны сумели избежать правосудия и осели в Канаде, США, Западной Европе, составив костяк антисоветских и русофобских структур, которые мобилизовал «Закон о поработанных нациях».

Ярким примером таких структур может служить «Антибольшевистский блок народов (АБН)», сформированный англо-американцами в Мюнхене вскоре после знаменитой Фултонской речи У. Черчилля. Он включал в себя различные антикоммунистические организации ряда государств Европы и Азии. Примечательно, что первым президентом АБН стал соратник и правая рука Степана Бандеры Ярослав Стецько, руководитель гитлеровских коллаборационистов на Украине. При этом он возглавлял эту структуру почти 40 лет до самой своей смерти в 1986 году [13]. Более того, уже после провозглашения Украиной независимости в 1991 году в Киеве чествовали вдову Стецько, Ярославу Стецько на праздновании 50-летия «Акта провозглашения восстановления независимости Украины» [после немецкой оккупации летом 1941 года – А.К.]. В 1998 году Стецько даже избрали депутатом Верховной Рады [13].

Я. Стецько отнюдь не является исключением. Американский след в политической элите независимой Украины весьма разнообразен. Добрянски в 1949 году стал президентом Комитета Украинского конгресса Америки (КУКА), который был основан в Вашингтоне еще 24 мая 1940 года в целях борьбы «за независимость украинской нации».

Например, ведущим советником Государственного секретаря США Кондолизы Райс по проблемам постсоветского пространства была Пола Добрянски, дочь воинствующего русофоба Льва Добрянски, учредителя созданного в 1940 году в США Комитета украинского конгресса Америки. Она сделала карьеру от сотрудника до директора отдела СССР и Восточной Европы Совета национальной безопасности в Белом доме. Другой пример – супруга будущего президента Украины Виктора Ющенко Екатерина Чумаченко возглавляла Национальное информационное бюро Украины, которое было учреждено в 1976 году в США [13].

Идейные наследники Бандеры во многом определяли внутреннюю и внешнюю политику Украины и были главными идеологами очередного майдана зимой 2013–2014 годов. Именно это событие послужило точкой водораздела в отношениях России и Украины, когда западные партнеры, оказывая медийную, информационную и дипломатическую поддержку киевской хунте, довели отношения двух народов до полноценной войны между ними. Помимо этого, активисты радикальных украинских организаций ведут активную подрывную работу на территории самой России, вербуя активистов, готовя нацистское подполье для проведения терактов и пр. [5]. Сбылись мрачные пророчества И.А. Ильина о последствиях расчленения России, когда мыслитель писал о неизбежном возникновении зон вооруженных конфликтов по линиям разломов между частями единого цельного государства. Дальнейшие события пошли полностью по югославскому сценарию. Население востока Украины и Крыма, не пожелав принимать идеологию и образ жизни новой Украины, предпочло связать свою судьбу с российским государством, так же, как и население Сербской Краины и Славонии не желало жить в едином государстве с идейными наследниками нацистов-ушастей Анте Павелича. Аналогию с событиями

на Украине и в Югославии и опасности балканского сценария в случае дальнейшей дезинтеграции российского государства не так давно признал и российский президент В.В. Путин в одном из своих интервью [17]. Это особо актуально в свете вынашиваемых планов некоторых беглых российских оппозиционеров, ищущих поддержки на Западе, по дальнейшему расчленению российского государства, о чем буквально в ноябре 2021 года заявил один из спонсоров несистемной оппозиции в России М. Ходорковский, указавший на возможный отход от России целого ряда регионов Северного Кавказа, Поволжья и пр. [18]. Если эти планы будут реализованы, кровопролитные конфликты по линиям разлома единого государства более чем вероятны.

Реакция коллективного Запада была вполне предсказуемой. На Россию, как и на Югославию, посыпались обвинения в поддержке сепаратистов, точно так же, как и в случае с Белградом, была раскручена спираль санкционной войны. Так же, как и в Сараево, Дамаске, Косово были реализованы провокации в целях формирования общественного мнения в нужном направлении. Так, история с «Боингом МН17», сбитым над Донецком, была тут же использована западными СМИ и политическим сообществом для обвинения России в участии в конфликте в Донбассе [24]. Однако до сих пор точка в этом деле не поставлена.

Следует особо выделить события последних трех лет, когда началась Специальная военная операция. Реакция Запада, поставки самых различных вооружений, финансовой помощи на многие миллиарды долларов, информационная поддержка режима В. Зеленского – все это напоминает события в Югославии 1990-х годов и говорит о том, что историческая память европейских государств окончательно стерта. Приведем несколько примеров искажений исторических нарративов в немецком политическом дискурсе.

В номере 270 аналитического журнала “Ukraine-Analysen” за июнь 2022 года (журнал издается под патронажем Федерального ведомства по политическому образованию (Bundeszentrale für politische Bildung) беглый украинский профессор Пархоменко обвиняет уже Россию, что она инструментализирует историю и использует ее в качестве «оружия» [26, S. 2]. В ней автор пытался убедить Запад, что нарратив России о том, что украинской государственности за исключением 1917–1918-го и начиная с 1991 года не существовало, и подобные «псевдоисторические» рассуждения служат лишь оправданию действий России. В этом же номере публикуется статья, фактически героизирующая Степана Бандеру [29, S. 10] и нацистский батальон «Азов»¹ [21, S. 6]. Авторы этих и других материалов рассуждают о том, что якобы «агрессия» России привела к изменению общественных настроений и отношения немецкого общества к исторической памяти о событиях Второй мировой войне.

На самом деле основным фактором милитаризации сознания мышления в Германии (как ключевой стране ЕС и государстве, несущем особую историческую ответственность за сохранение исторической памяти о событиях Второй мировой войны) стали общая позиция мейнстримных СМИ и большей части политического класса страны. Так, министр экономики ФРГ Роберт Хабек неоднократно заявлял, что его мало волнует, какие ассоциации вызовут танки с немецкими крестами на территории исторических сражений Великой Отечественной войны. Некоторые депутаты Бундестага, например, Штрак-Циммерманн, Кизеветтер и пр. высказывались о необходимости прямого участия Германии в военных действиях. Сам факт поставок немецкой военной техники на Украину и полное игнорирование террористической сущности

¹ Является запрещенной на территории Российской Федерации террористической организацией.

киевского режима в Берлине и других европейских столицах говорит о полном непонимании исторических параллелей в массовом сознании граждан России.

Самое важное, что в настоящее время помимо милитаризации экономики (на фоне закрытия гражданских предприятий [подробнее см. 11] происходит рост военного производства, а акции предприятий ВПК демонстрируют взрывной рост) происходит милитаризация сознания, причем молодежи. В школах читают лекции о российском вторжении в Европу, раздают брошюры, описывающие действия мирного населения в случае военных действий, на улицах европейских городов появляется все больше плакатов, призывающих поступать на военную службу. В парламентах многих европейских стран ведутся разговоры о возврате всеобщей воинской повинности и повышении расходов на оборону. Европа медленно превращается в территорию милитаризма.

Куда идет Запад

Самая большая проблема, что в свете фашизации формальной демократии на Западе уже не одно десятилетие наблюдается феномен «утраты истории», о котором очень точно высказался все тот же цитируемый выше Адорно: «Герман Хеймпель много раз говорил об упадке в Германии сознания исторической преемственности. Оно представляет собой симптом общественно-ослабления человеческого «Я»... Результаты эмпирических исследований, вроде того, что молодое поколение уже больше не знает, кем были Бисмарк и кайзер Вильгельм I, подтверждают подозрение в утрате истории» [21, S. 15]. Адорно полагал, что человечество избавляется от памяти как чего-то ненужного в современном обществе. Это очень тревожный сигнал, облегчающий построение «цифровой диктатуры» в глобальном масштабе путем создания перманентных конфликтов и кризисов, которые будут водить человечество от разочарования к разочарованию.

Профессор В.Э. Багдасарян очень точно отметил: «Мы фиксируем, что с Западной цивилизацией случилась некая беда. Но мы не против Запада. Мы против антицивилизации, жертвой которой стал Запад, – первой из потенциальных жертв» [1, с. 11]. Нынешние процессы смены вех во внутри- и внешнеполитическом курсе США символизируют не только осторожную попытку возвращения к диалогу с Россией и нахождения режима минимального консенсуса, но и глубокое размежевание между глобалистами в Старом и Новом Свете и сторонниками национального суверенитета и сохранения Вестфальской и Ялтинской систем. Сохранение исторической памяти поколений о событиях 1939–1945 годов, несомненно, призвано внести свой вклад в исход этого идеологического противостояния.

Важно отметить также влияние милитаризации и фашизации Европы на общественно-политическое развитие континента. Уже очевидно, что в контексте постоянного роста военных расходов и перераспределения людских ресурсов и капитала в ВПК можно ожидать изменение структуры производства и занятости. Целые отрасли экономики ждут угасание. И, наоборот, в военной промышленности ожидается бум роста.

Идеологическая деформация и отказ исторической памяти может привести к росту националистических настроений в обществе и возрождению некоего подобия фашизма – демократуре, о которой давно предупреждают скептики. Фактически такое идеологическое «взвинчивание» населения и его милитаризация в краткосрочной перспективе будут предназначены для внутренней аудитории – можно ожидать сворачивание гражданских свобод, аресты инакомыслящих, травлю диссидентов. ЕС потребует минимум 7–10 лет

для окончательного перевода экономики на военные рельсы и накачивания антироссийской идеологией сегодняшних школьников. На Украине это получилось. Если такой социальный эксперимент удастся реализовать на континенте с населением почти 470 миллионов человек, это будет означать окончательный развал Ялтинской системы и большой военный конфликт в Европе.

Литература

1. Багдасарян В.Э. Всеобщая декларация прав человека 2.0: Ценностные основания // Туртиайнен А., Багдасарян В.Э., Хадж Али А., Купилик В., Витова В., Зограбян Е.В., Камкин А.К., Плугару А.Ф., Степанян А.О., Митиборвала Ф., Квадри Ш.А., Калдаре И.Г. Ценностная и политическая повестка мирового большинства (круглый стол) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 10–13.
2. Борозняк А. ФРГ – волны исторической памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / отв. ред. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 104–117
3. Булатович, Лиляна. Генерал Младич – военный преступник? М.: Славянская летопись, 1998. 339 с.
4. Вилич Д., Тодорович Б. Военная драма Вуковара. Белград, 1995. 97 с.
5. В России выявили более сотни готовивших теракты украинских неонацистов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20211213/ekstremisty-1763398704.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.12.2021).
6. Ильин И.А. Германия – главный национальный враг России / И.А. Ильин // Собр. соч. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 11–12.
7. Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России I / И.А. Ильин // Собр. соч. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 326–329.
8. Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России II / И.А. Ильин // Собр. соч. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 329–332.
9. Камкин А.К. Геноцид русского народа на Востоке Украины – геополитические истоки // Туртиайнен А., Багдасарян В.Э., Хадж Али А., Купилик В., Витова В., Зограбян Е.В., Камкин А.К., Плугару А.Ф., Степанян А.О., Митиборвала Ф., Квадри Ш.А., Калдаре И.Г. Ценностная и политическая повестка мирового большинства (круглый стол) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 22–25.
10. Камкин А.К. Конфликт идентичностей как маркер разделенных обществ на Балканах (на примере Сербии, Черногории и территории Косово) [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 1 (34). DOI: 10.24412/2311-1763-2023-1-3-3.
11. Камкин А.К. Промышленность ЕС на пути к самоликвидации? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/promyshlennost-es-na-puti-k-samolikvidatsii/> (дата обращения: 10.02.2025).
12. Картина, которая обманула мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.reseainternational.net/limage-qui-a-trompe-le-monde/> (дата обращения: 02.09.2021).
13. Крокодиловы слезы американского Госдепа, или Закон «О поработанных нациях» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/54562-krokodilovy-slezy-amerikanskogo-gosdepa-ili-zakon-o-poraboshchennyh-naciyah.html> (дата обращения: 02.09.2021).
14. Меморандум Правительства СР Югославия о нарушении прав человека и гражданских свобод сербского народа в Республике Хорватия: Опубликован как официальный документ Генеральной Ассамблеи ООН и ЭКОСОС (A/50/92 и E/1995/15) 7 марта 1995 г. 27 с.
15. Носов С. Папство и его борьба с Православием. М., 1993. С. 79.
16. Овдин В. Кучма: «Украину мы создали, теперь надо создать украинцев» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://2000.ua/novosti/art_novosti/literatura/kuchma-ukrainu-my-sozdali-teper-nado-sozdat-ukraintsev_arhiv.htm (дата обращения: 10.12.2021).
17. Путин предположил, что было бы с Россией в случае «югославского сценария» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20211212/rossiya-1763350071.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 12.12.2021).
18. Татарстан и Башкирия уйдут, Кавказ отвалится: Новый план Ходорковского по развалу России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/tsargrad.tv/tatarstan-i-bashkiriiia-uidut-kavkaz-otvalitsia-novyi-plan-hodarkovskogo-ro-razvalu-rossii-61af54da00789d66fd9cd1d3?&> (дата обращения: 11.12.2021).
19. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
20. «Фигаро» осуждает линч Сербии // Сербия: Журнал Министерства информации Республики Сербия. 1995. № 25 (декабрь). С. 67.
21. Adorno Th.W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit / Th.W. Adorno // Erziehung zur Mündigkeit. Vorträge und Gespräche mit Hellmut Becker 1959–1969. Frankfurt/ M.: Suhrkamp, 1971. S. 10–28.
- 21a. Bosnian Genocide Deniers: Thomas Deichmann [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bgdw.wordpress.com/2008/04/12/bosnian->

- genocide-thomas-deichmann/ (дата обращения: 10.02.2025).
22. Gomza, Ivan. Das Asow-Regiment und die russische Invasion // Ukraine-Analysen. 2022. Nr. 270/22.06. S. 6–10.
 23. Ketzerbriefe. 1992. 02. Nr. 29. 145 S.
 24. Ketzerbriefe. 1994. 04. № 47. 128 S.
 25. МН 17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.bellingcat.com/tag/mh17/> (дата обращения: 11.09.2021).
 26. Nurbayev Zh. Y., Kiyubek Zh. Zh. Concepts of historical memory and the politics of memory in the context of social and historical-humanitarian studies (historiographic analysis) // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2022. № 3 (107). С. 152–162. DOI 10.31489/2022НPh3/152-162
 27. Pakhomenko, Sergii. Geschichte als "Waffe"? Russlands Instrumentalisierung der Erinnerungskultur im Zuge des Angriffskrieges gegen die Ukraine // Ukraine-Analysen. 2022. Nr. 270/22.06. S. 2–6.
 28. Sherman, Arnold. Die Zerschlagung Jugoslawiens. Bürgerkrieg und ausländische Intervention. 2. Erweiterte Auflage. Ahriman Verlag, 1996. 176 S.
 29. Stern, Johannes. Traditionserlass der Bundeswehr: Kriegstüchtigkeit durch Verherrlichung von Hitlers Wehrmacht [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wsws.org/de/articles/2024/07/31/pers-j31.html> (дата обращения: 12.02.2025).
 30. Struve, Kai. Stepan Bandera: Geschichte, Erinnerung und Propaganda // Ukraine-Analysen. 2022. Nr. 270/22.06. S. 10.
 31. Vatikan gibt Kroatien vier Milliarden Dollar Kredit // Ketzerbriefe. 1992. № 29. Februar. S. 4–8.

Аннотация. В статье рассматривается феномен деформации исторической памяти европейского политического класса и мейнстримных СМИ на протяжении последних 35 лет – с момента начала конфликта в бывшей Югославии и объединения Германии. Автор на основе теоретических положений крупных ученых – Хальбвакса, Адорно и на основе практических выкладок выводит тезис о глубокой деформации исторической памяти в Европе, а также об избирательности в ее применении. Не замечая геноцид русского населения на Донбассе, сербского в Боснии, Краине и Славонии, западные политики тем не менее обвиняют именно Россию и Сербию в нарушении демократии, геноциде, имперских амбициях и пр. Ползучая милитаризация и фашизация либерально-демократической модели в Европе может привести к построению своеобразной модели диктатуры, которую автор называет демократурой – внешне демократический конструкт с очень жестко тоталитарным содержанием. Деформация исторической памяти – элемент ее информационного и идеологического наполнения. По сути дела, данная тенденция представляет собой ярко выраженный процесс социально-политического регресса.

Ключевые слова: историческая память, деформация исторической памяти, демократура, регресс, фашизация, Украина, Европа, Югославия.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Alexander K. Kamkin, PhD in Philosophy, Associated Professor, Financial University, Government of Russian Federation; Senior Scientific Researcher, CCEPR, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, E-mail: alexander.kamkin@yahoo.com

European Policy of Historical Memory Deformation as a Path to Revanchism and Sociopolitical Regression

Abstract. This article deals with the phenomenon of historical memory deformation in European political class and mainstream media over the past 35 years, namely since the beginning of the conflict in the former Yugoslavia and the reunification of Germany. On the basis of the theoretical principles of major scholars – Halbwachs, Adorno, – as well as on the basis of practical calculations, the author derives the thesis about the deep deformation of historical memory in Europe, as well as about the selectivity in its application. Ignoring the genocide of Russian population in Donbass, Serbian population in Bosnia, Krajina and Slavonia, Western politicians nevertheless accuse Russia and Serbia of violating democracy, genocide, imperial ambitions and so on. The author concludes that the creeping militarization and fascistization of the liberal-democratic model in Europe may lead to the construction of a kind of dictatorship model, which he calls democracy – an outwardly democratic construct with a very strictly totalitarian content. Deformation of historical memory is an element of its informational and ideological content. In fact, this trend represents a pronounced process of socio-political regression.

Keywords: Historical Memory, Deformation of Historical Memory, Democracy, Regression, Fascistization, Ukraine, Europe, Yugoslavia.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Трансформация памяти о роли СССР во Второй мировой войне в современной Франции

Мы являемся свидетелями того, как история, включая историю Второй мировой войны, активно переписывается. Так, если в 1945 году 57% французов считали, что наибольший вклад в победу над Германией внес СССР, 20% – США и 12% – Великобритания, то сейчас цифры совсем иные. 47% французов полагают, что максимальный вклад внесли США, 17% – СССР, и 10% – Великобритания [1]. Как видим, в общественном сознании французов за истекшие полвека представления о роли Советского Союза в победе над гитлеровской Германией и ее сателлитами заметно изменились. А 22 января 2025 года президент США Дональд Трамп и вовсе заявил о том, что СССР помог американцам победить во Второй мировой войне: «Мы никогда не должны забывать, что Россия помогла нам одержать победу во Второй мировой войне, потеряв в процессе почти 60 млн жизней», – написал он в “Truth Social” [2]¹.

Это отражается и на проведении памятных мероприятий, связанных с историей Второй мировой войны, которые используются как повод для переписывания истории. Показательно, что день 8 мая во Франции отмечается вовсе не как День Победы, а как «день капитуляции нацистской Германии». Как отмечает Карин Беше-Головко, доктор публичного права (Франция), приглашенный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, «церемонии 8 мая на Западе становятся все более запутанными и сектантскими. По идеологическим соображениям странам атлантической оси необходимо исключить Россию из числа победителей во Второй мировой войне, нейтрализовать историю Германии и преклонить колени перед Соединенными Штатами, которые провозгласили себя единственными победителями и освободителями». К. Беше-Головко предостерегает, что «это переписывание истории невозможно без возвращения в наши общества, а вскоре и в наши дома, коричневой чумы. В новой униформе она будет не менее роковой. Освободим ли мы себя на этот раз, хватит ли у нас смелости сражаться до победы? Франция этого заслуживает» [4].

¹ Такие заявления имеют весьма давнюю традицию. Так, в 2020 году накануне 75-летия Победы в одной из социальных сетей Белого дома появилась видеозапись, в которой победителями нацизма названы только США и Великобритания. В ролике никак не упоминается Советский Союз и его роль в разгроме нацистов. Кроме того, накануне Дня Победы Пентагон представил викторину и презентацию, посвященные 75-летию разгрома фашистской Германии во Второй мировой войне. В ней отмечается, что конфликт начался с вторжения Германии и СССР в Польшу, но ничего не говорится о вкладе Советского Союза в победу над фашизмом, а дается лишь краткое изложение роли США в войне в Европе, начиная с высадки в Нормандии [3].

Таньшина Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета). E-mail: nata.tanshina@mail.ru

80-летие Сталинградской битвы и реакция французских СМИ

В 2023 году в России отмечали 80-летие Сталинградской битвы. Это вызвало большой резонанс в западных СМИ, в том числе французских. Для Франции тема Сталинградской битвы всегда была особенной, не случайно во французской топонимике «Сталинград» присутствует весьма широко, например, в Париже есть Площадь Сталинградской битвы¹, станция метро «Сталинград», получившая свое название в 1946 году. Однако современные французы имеют смутное представление о названии станции. Так, на вопрос корреспондента “Sputnik France” (опрос проводился в 2017 году) некоторые парижане уверенно отвечали, что станция метро названа так в честь битвы. При этом двое опрошенных полагали, что битва под Сталинградом произошла в ходе Наполеоновских войн. Несколько человек затруднились сказать, в каком году или хотя бы в какую эпоху состоялась эта битва, другие ответили, что станция метро носит название известной личности – генерала, политика или французского воина [5].

В условиях кардинальных геополитических перемен интерес французских СМИ к Сталинградской битве носит не столько исторический, сколько политический характер. Празднование юбилея этой великой победы в России французские журналисты расценили как политический и пропагандистский шаг российского руководства. Общий нарратив таков: Россия якобы спекулирует историческим прошлым для мобилизации своего населения и живет за «ментальным железным занавесом» [6].

Мероприятия, проходившие в России по случаю юбилея Сталинградской битвы, большинством французских СМИ трактовались в неразрывной связи с современной геополитической ситуацией, конфликтом России и Украины, или, точнее, России и НАТО. Можно выделить несколько ключевых тем во французских изданиях: во-первых, анализ выступления В.В. Путина в Волгограде и в целом современной политики России через призму юбилея Сталинградской битвы; во-вторых, инаугурация памятника И.В. Сталину, произошедшая 1 февраля 2023 года; в-третьих, визит в Волгоград Пьера де Голля, внука генерала Шарля де Голля.

Итак, память о великой битве и торжественные мероприятия, проходившие в Волгограде, были восприняты французскими СМИ однозначно: российский президент использует этот юбилей в пропагандистских целях, проводя параллели между политикой нацистской Германии и современной Украины. Так, в газете “Le Monde” от 3 февраля 2023 года отмечалось, что в ходе празднования 80-летия победы в Сталинградской битве В.В. Путин без колебаний провел параллель между действиями нацистской Германии и современными поставками Киеву западных танков. Анализируя слова российского президента о том, что немецкие танки снова угрожают украинской земле, в газете подчеркивалось: «Неважно, что танк “Леопард” был принят на вооружение в 1965 году, главное сказано: для Владимира Путина украинская армия является наследницей Вермахта, а современная Германия вряд ли лучше, чем ее нацистская версия» [7]. Аналогичное мнение было высказано влиятельным информационным агентством “France tv info”. Публикация вышла под заголовком: «Война на Украине: как Россия пробуждает память о Сталинградской битве для оправдания отправки своих солдат на передовую». В статье был сделан вывод о том, что «Кремль эксплуатирует историческую память» [8].

¹ В 1945 году площадь стали называть «Площадь Сталинград», а в 1993-м было закреплено официальное название «Площадь Сталинградской битвы».

Во многих СМИ были опубликованы материалы с подобными сюжетами. Так, газета "L'Express" опубликовала статью под названием: «Путин проводит параллель между Второй мировой войной и конфликтом на Украине» [9]. В издании отмечалось: «Уже многие годы Президент России выступает как убежденный защитник памяти о победе СССР над нацистской Германией, которая является источником огромной гордости в России и которая стала практически государственным культом». С началом «агрессии против Украины», подчеркивалось в статье, «Путин мобилизовал пропаганду, утверждая, что украинские лидеры являются неонацистами и проводят политику геноцида русскоговорящих жителей» [9].

Издание "Éco Réseau Business", анализируя выступление В.В. Путина в Волгограде, отметило, что российский президент сделал акцент на идее неразрывной связи между прошлым, настоящим и будущим. Как было подчеркнуто в издании, Россия пребывает в состоянии «ментального железного занавеса». Русские «живут в своем собственном измерении времени, не связанном с настоящим. Ужасы Второй мировой войны не кажутся им далекими былинами. Их воспоминания здесь. Они живут среди своих призраков. Прошлое смешивается с настоящим» [6].

Газета "La Dépêche", обращая внимание на важное символическое значение Сталинградской битвы, на своих страницах привела слова французской исследовательницы, доцента Сорбонны Франсуазы Том, которая подчеркнула, что празднование 80-летия Сталинградской битвы подпитывало культ победы, укоренившийся в культуре России: «В путинской историографии проскальзывает, что Советский Союз противостоял всей Европе», – отметила она. Эта мысль, по словам историка, актуализировалась в связи с военной операцией на Украине. В какой «путинской историографии» утверждалось, что в годы Второй мировой войны СССР воевал со всей Европой, издание не уточнило [10].

Сходная статья была опубликована в газете "La Presse", в которой также подчеркивалось, что «памятные даты отмечаются в то время, когда Кремль регулярно представляет свое наступление на Украину как операцию по «денацификации» в русле наследия Второй мировой войны. Для русских Сталинград – это синоним победы над нацизмом, и эта битва занимает центральное место в патриотической пропаганде Кремля». В газете отмечалось, что «Владимир Путин постоянно называет украинские власти "неонацистами", которые, по его словам, полны решимости уничтожить русскоязычное население на востоке Украины» [11].

Что касается установки бюста Сталина, то "Éco Réseau Business", признавая, что СССР «отдал самую тяжелую дань Второй мировой войне», подчеркнуло, что «российский президент по своему обыкновению соединил фантомы прошлого с тенями настоящего». Сталин характеризовался в издании таким образом: «Грузин с большими усами, воспринимаемый как своего рода тотем. Человек, который был мучителем Украины, ответственным за ужасы Голодомора и резню татар. Кровавая фигура мстительного отца» [6].

На установление бюста Сталина отреагировала и одна из старейших газет Франции "Le Figaro". В статье от 1 февраля 2023 года отмечалось: «Памятники во славу Сталина, отца победы над нацистами, но также и зачинщика кровавых чисток, в России редки. Инаугурация памятника состоялась в тот момент, когда Кремль продолжает представлять свое наступление на Украину как операцию по «денацификации» в русле наследия Второй мировой войны» [12].

Визит Пьера де Голля в Волгоград был в центре французских СМИ. Как известно, Пьер де Голль постоянно выступает с критикой позиции Запада, НАТО и Франции, настаивает на необходимости диалога с Россией. Такая позиция, как отмечают сами французы, диссонирует с антироссийскими настроениями в Европе. Так, упоминавшееся издание "Éco Réseau Business"

подчеркивает, что де Голль стал единственным французским представителем, присутствующим в Волгограде, вместе с командами “France 2” и “TF 1”. Как отметило издание, ни один правительственный чиновник не пожелал совершить поездку в Волгоград, что является свидетельством разрушения тех связей, которые прежде объединяли Москву и Париж, разрушения связей между «двумя народами, объединенными особой дружбой, конечно, непостоянной, иногда жесткой, но трехвековой, зародившейся после приезда Петра Великого в Париж». Издание усмотрело даже глупость в том, что внук генерала де Голля, который весьма критично в своих «Военных мемуарах» отзывался о Сталине, присутствовал на инаугурации памятника этому «диктатору» [6].

Уже цитировавшаяся статья в газете “La Dépêche” 2 февраля 2023 года вышла под заголовком: «Война на Украине: почему Пьер, внук генерала де Голля, оказался в России рядом с Владимиром Путиным?» [9]. Как было отмечено в издании, для Владимира Путина присутствие члена семьи де Голля являлось символическим: Пьер де Голль выступал против политики НАТО в отношении России, а у Ш. де Голля в свое время были сложные отношения с НАТО. Как отмечалось в издании, со ссылкой на историка Франсуазу Том, «при Сталине именно антиамериканская позиция де Голля импонировала советским людям». Образ анти-Запада, подчеркнуло издание, мог использоваться в нынешней риторике Путина, а присутствие Пьера де Голля придавало его высказываниям легитимность. Однако, как было отмечено в “La Dépêche”, Пьер де Голль не имел никаких официальных полномочий представлять Францию, являясь всего лишь «советником по коммуникациям из Женевы, говорящим только от своего собственного имени» [10]. С аналогичным заявлением выступило и издание “24 Heures”, подчеркивая, что Пьер де Голль являлся «голосом Путина в Женеве и Франции» [13].

Как отмечалось выше, лишь небольшое число французских изданий освещали вклад советского народа и СССР в победу над нацизмом. Особо можно выделить французский сайт, посвященный русской культуре во Франции “L’Ours Magazine”, который опубликовал статью под заголовком: «Забыли ли французы самопожертвование Сталинграда?». В издании отмечалось, что «уже многие десятилетия европейская память стремится минимизировать значительную роль советского сопротивления в борьбе с немецким империализмом», и подчеркивалось, что почти единодушное молчание ассоциаций ветеранов, историков, журналистов и политических деятелей является серьезной проблемой. По мнению издания, это было связано с исторической неосведомленностью, которая позволяла появляться новым теориям, переоценивающим роль США во Второй мировой войне. “L’Ours Magazine” привело информацию о вечере, посвященном юбилею Сталинградской битвы, организованном Русским домом в Париже. На вечер были приглашены французские и российские деятели, историки и политики. Французский историк Анни Лакруа-Риз справедливо отметила: «Слушая то, что нам говорят сейчас, можно почти усомниться в том, что Сталинградская битва действительно была. Можно подумать, что Европу освободили Соединенные Штаты». Гийом Рат, представитель фонда «Битва за Сталинград», также подчеркнул: «Давайте не будем забывать, что именно русские освободили Освенцим <...> Как посол мира, я считаю, что необходимо сохранять мосты между Францией и Россией. Нам следовало бы организовать больше дипломатических поездок». Известный французский политик Франсуа Асселино, лидер партии «Народный республиканский союз» (UPR), основной целью которой является выход Франции из ЕС, заявил: «Мы должны показать, что французы не забывают. Молодых людей заставляют поверить в то, что американцы спасли Францию, даже несмотря на то, что они признали власть Виши и облегчили жизнь Гитлеру <...> Меня беспокоит

развитие нашего общества и думаю, что французы недовольны освещением происходящего в СМИ. Конечно, русский медведь неуклюж, но это злая сила. Сегодня, как и во времена Сталинградской битвы, только Россия противостоит объединившемуся Западу» [14].

1 февраля 2023 года в коммунистической газете «L'Humanité» была опубликована статья под названием «Сталинградская битва изменила ход Второй мировой войны». В ней отмечалось: «Гораздо больше, чем высадка англо-американских союзников в Северной Африке (8 ноября 1942 г.) или завоевание американцами острова Гуадалканал (8 февраля 1943 г.), советская победа под Сталинградом (2 февраля 1943 г.) стала «поворотом» в войне. Но это победа в не меньшей степени политическая, чем военная» [15]. Однако следует констатировать, что такие взгляды отражают мнение подавляющего меньшинства французов.

Итак, даже краткий обзор французских СМИ показывает, что юбилей Сталинградской битвы вызвал широкий общественный резонанс французской общественности. Анализ материалов, посвященных этому событию, позволяет сделать вывод о том, что лишь незначительное число публикаций было посвящено непосредственно анализу битвы и ее значению. В то же время в большинстве публикаций, даже тех, которые были посвящены сугубо современным политическим реалиям, подчеркивалась ключевая роль этого сражения в исходе Второй мировой войны. Это можно воспринимать как важный знак, особенно с учетом того, что в западной историографии значение Сталинградской битвы зачастую преуменьшается. Внимание же большинства французских СМИ было сосредоточено не на историческом значении Сталинградской битвы, а на том, как память об этом великом событии используется в современной России. Юбилейные мероприятия в России в подавляющем большинстве французских СМИ были расценены как пропагандистский шаг российского руководства и использование исторического прошлого для мобилизации общественного мнения и решения актуальных политических задач.

Мероприятия 2024 года

Настал 2024 год, 80-летие высадки союзных войск в Нормандии. Весной этого года ушел из жизни адмирал Филипп де Голль, сын Шарля де Голля. Французские власти превратили церемонию государственных похорон, происходивших 20 марта 2024 года в Почетном дворе Дома инвалидов, в настоящий пропагандистский спектакль, который должен был свидетельствовать о верности Франции делу Сопротивления. Президент Эммануэль Макрон выступил с торжественной речью. Как было отмечено в ведущей французской газете «Le Monde», Макрон обратился к прошлому, чтобы использовать его в борьбе со своими оппонентами. Президент, как было подчеркнуто в издании, отдал дань уважения славному прошлому Сопротивления, которое предпочло «сражаться, а не терпеть», и предпочло сражение «отвратительному перемирию» во время Второй мировой войны [16].

Шарль де Голль был лидером того меньшинства французов, которое предпочло сражаться с нацизмом, а не сотрудничать с Гитлером. Однако современные французские власти, активно и всесторонне поддерживая откровенно неонацистский и расистский режим на Украине, действуют на стороне потомков тех, против кого сражался Ш. де Голль. Так, 24 июля 2023 года «Le Figaro» опубликовала статью, посвященную «Правому сектору», организации, признанной в России экстремистской и террористической. Газета именует эту структуру «гражданской армией, которая борется за освобождение Украины от российского ига», которая «сыграла ключевую роль в спасении револю-

ции Майдана и защите Донбасса». По мнению издания, «она олицетворяет органическую связь между армией и нацией» [17].

Если на похоронах Филиппа де Голля президент Макрон дежурно отдал дань уважения героям Сопротивления, то 8 мая 2024 года было отчетливо заметно, что для Франции, «день капитуляции нацистской Германии» стал днем очень неудобным, да и не праздником вовсе. Эммануэль Макрон в ходе традиционной церемонии проехал по Елисейским полям, возложил венок у памятника генералу Шарлю де Голлю, вышел у Триумфальной арки, молча зажег огонь перед могилой Неизвестного солдата, поучаствовал в фотосессии с желающими, сел в машину и уехал. Потому что в 15.00 его ждали в Марселе, куда на трехмачтовом судне “Belem” должен был прибыть другой огонь, олимпийский [18].

Все это очень напомнило церемонию «возвращения праха» Наполеона Бонапарта 15 декабря 1840 года. Это была первая официальная церемония, организованная на Елисейских полях. Тогда король Луи-Филипп тоже ждал корабль: на самом красивом французском парусном фрегате «Бель Пуль» он отправил своего сына, принца Жуанвильского, на остров Св. Елены. Принц привез останки императора, церемония торжественно прошествовала по Елисейским полям, у Дома инвалидов король и окружение встречали принца с гробом на колеснице. Принц Жуанвильский должен был сказать какие-то торжественные слова и услышать в ответ нечто не менее торжественное. Но принца забыли предупредить. В результате он молча приветствовал короля взмахом шпаги. Поскольку молчаливая церемония выглядела нелепо, Луи-Филипп был вынужден импровизировать. Президент Макрон даже не счел нужным импровизировать. Он просто промолчал.

Ведущие французские СМИ поместили крайне скудную информацию о дне 8 мая как о событии в череде других. Издания писали о двух новостях сразу, буквально через запятую: о церемонии зажжения огня под Триумфальной аркой в Париже на могиле Неизвестного солдата президентом Макроном и о том, как Макрон после этой церемонии отправился в Марсель на встречу олимпийского огня. При этом про Марсель газеты писали даже больше: про Вечный огонь два абзаца, про Марсель – три [19]. В этих двух абзацах, с олимпийским огнем через запятую, уместилась вся историческая память о Второй мировой войне и борьбе с нацизмом, вся память о десятках миллионов жертв.

Все это объяснимо: как Запад может хранить память о нацизме, если он в свое время активно поддерживал Гитлера и натравливал его на Советский Союз, а сейчас активно поддерживает откровенно нацистский режим нынешней Украины? Запад – союзник нацистов, а расизм западным колонизаторам органично присущ. Что там говорить, ведь уже в мае 1945 года «союзники» хотели присвоить победу себе, исключив СССР, отсюда и дата 8 мая, не говоря уже о планировавшихся операциях «Немыслимое» и «Пинчер». На Западе не хотят помнить об этом дне, там его уже почти забыли, точнее, там уже переписали историю.

Церемония празднования 80-летия высадки союзников в Нормандии

Церемония празднования 80-летия высадки союзников в Нормандии и подготовка к ней в полной мере продемонстрировали манипулирование исторической памятью. Сначала встал вопрос о том, будет ли Россия приглашена на церемонию? 16 апреля в газете “Le Figaro” вышла статья под заголовком: «Россия приглашена на 80-летие высадки в Нормандии, но не Владимир Путин» [20]. В статье отмечалось: организация “La Mission Libération”, которая занимается подготовкой мероприятия, сообщила, что российский президент не будет приглашен по причине «военной агрессии России против Украины».

Правда, когда радио “Europe 1” сообщило об этом, это вызвало замешательство среди руководства “La Mission Libération”, которое заявило, будто оно «не знает о таком решении». После уточнений “La Mission Libération” опубликовала заявление, в котором отмечалось, что «Россия будет приглашена, чтобы почтить важность самоотверженности и жертв советских народов, а также учитывая ее вклад в победу 1945 года», однако В.В. Путин, «учитывая обстоятельства, не будет приглашен для участия в торжествах» [20].

В “La Mission Libération” пояснили: «Исторически Франция всегда приглашала на церемонию страны, чьи контингенты высадились в Нормандии. В прошлом приглашение могло быть распространено на Россию». При этом в организации подчеркнули: «В отличие от Кремля Франция не проводит политику исторического ревизионизма» [20]. Как Франция эту политику исторического ревизионизма «не проводит», видно уже по комментариям, размещенным под статьей в вышеупомянутой “Le Figaro”. Их очень много, под 350. Комментаторы либо вообще не знают историю, либо знают ее исключительно в «ревизионистском ключе»: русские в высадке союзников в Нормандии участия не принимали, поэтому приглашать их не следует. Надо позвать Украину. Слова комментаторов, напоминающих об операции «Багратион», о том, что без героизма и колоссальных жертв советских солдат высадка союзников не могла бы состояться, звучат как глас вопиющего в пустыне [20].

Утром 17 апреля представитель МИД России М.В. Захарова в эфире радио “Sputnik” сообщила, что Россия не получала приглашения на празднование высадки союзников в Нормандии. В действительности так и оказалось. К слову, президента В.В. Путина не приглашают не в первый раз: как отмечает “Le Monde”, уже в 2019 году Владимир Путин не был приглашен на торжества в честь высадки союзных войск. Как сообщает издание, тогда Владимир Путин заявил, что, по его мнению, это «абсолютно не проблема» [21].

Что происходило на церемонии 6 июня 2024 года в Нормандии? Президент Э. Макрон, выступая в Морбиане, в Бретани, похвалил «дух самопожертвования» и подчеркнул: «Я знаю, что наша страна сильна своей смелой, доблестной молодежью, готовой на те же жертвы, что и наше старшее поколение». Обращаясь к присутствовавшим на церемонии, он добавил: «По мере того, как опасность возрастает <...> помните, что мы готовы пойти на те же жертвы, чтобы защитить то, что нам дороже всего: нашу французскую землю и наши республиканские ценности» [22].

Как отмечает “Le Monde”, «в присутствии президента США, короля Карла III, канцлера Германии Олафа Шольца и главы итальянского государства Серджо Маттареллы президент Франции сможет продемонстрировать единство Запада в условиях, когда в Европе снова разразился масштабный конфликт» [22].

Справедливости ради стоит отметить, что президент Макрон в своей торжественной речи отдал долг памяти Советскому Союзу, заявив, что именно «Красная армия своими самоотверженными действиями на Восточном фронте создала условия для успешной десантной операции союзников в Нормандии, сковав значительные силы нацистов». Открытие Второго фронта, указал Макрон, «стало возможным благодаря стойкости Восточного фронта, решительным действиям Красной Армии и всех народов, входивших тогда в Советский Союз» [23].

Если Запад воспринимает переписывание истории Второй мировой войны как необходимость, то думающие французы такую политику не одобряют, более того, им за нее стыдно. Так, французский гражданин Сириль де Латтр, командир воздушного судна (в отставке), потомок прославленного французского военачальника, сражавшегося против нацистской Германии, обратился с открытым письмом к президенту Макрону, которое 6 июня 2024 года было опу-

бликовано на сайте издания «Украина.ру». Письмо начинается со следующих слов: «Я адресую это письмо вам как гражданину Франции, так как я глубоко обеспокоен и возмущен недавним решением пригласить Владимира Зеленского на торжества 6 июня, посвященные высадке в Нормандии. Этот выбор не только скандален, но и является прямым оскорблением памяти героев Второй мировой войны, всех тех, кто пал там, и кто способствовал победе <...> Приглашение Владимира Зеленского на памятные мероприятия 6 июня – это глубоко безответственный поступок, очерняющий память жертв Второй мировой войны и борцов-антифашистов. Присутствие неонацистских группировок в Украине, отсутствие России на церемониях и оскорбление памяти борцов за свободу – все это причины, которые делают это решение неприемлемым и позорным со стороны такой страны, как Франция, страны, которая должна быть суверенной <...> позвольте мне сказать вам, как мне стыдно быть французом из оккупированной Франции. Как мне стыдно говорить, что я родом из Франции, этой прекрасной страны, которую так любят наши Русские Братья, в том числе и в это смутное время, потому что если они знают узы, которые объединяли и объединяют наши две страны, они все равно видят разницу между французами и французским правительством, представителем которого вы являетесь». Свое обращение Сириль де Латтр закончил знаменитыми словами: «Да здравствует свободная Франция!» [24].

Возвращаясь к торжественной церемонии в Нормандии, стоит отметить, что, несмотря на то, что Россия там не присутствовала, русская тема звучала, причем в прямом смысле этого слова. Дело в том, что на церемонии хор французских школьников исполнил «Песню партизан», ставшую гимном французского Сопротивления. Эта песня была написана русской участницей французского Сопротивления Анной Смирновой-Марли. О русских участниках этого Сопротивления, которые составляли его основу и дали название этому движению, современные французы ничего не знают. В 2022 года вышел документальный фильм отечественного историка и режиссера Степана Решетникова «Голоса Олерона», посвященный русским людям, участникам Сопротивления. Французы интереса к этому фильму и этой теме не проявили.

Кроме песни Анны Смирновой-Марли, на церемонии в Нормандии прозвучало переведенное на французский язык стихотворение Анны Андреевны Ахматовой «Вторая годовщина». Это можно было бы интерпретировать как добрый знак, однако все не столь однозначно. Это стихотворение было написано в 1946 году и было посвящено второй годовщине освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Эти стихи про боль, разлуку, невыплаканные слезы, «великие беды» и «недавние грозы». Французы вообще не поймут, что это стихотворение о войне и блокаде. У Анны Ахматовой есть другое знаменитое стихотворение, «Мужество», написанное в 1942 году. Французы, безусловно, на торжественной церемонии такое стихотворение прочесть и вспомнить не могли. Главное, чтобы это помнили и хранили мы.

2025 год – 80-летие Великой Победы

Для нашей страны 2025 год – это год юбилея Великой Победы. На Западе, с одной стороны, мероприятия проводятся, с другой – в них отражаются метаморфозы исторической памяти. Наглядно это проявилось уже в ходе мемориальных мероприятий, посвященных Международному дню памяти жертв Холокоста и 80-летию освобождения Красной армией узников концлагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим). Россия начиная с 2022 года польскими властями на церемонию не приглашается. Несмотря на это, Президент России В.В. Путин обратился к участникам и гостям мемориальной церемонии,

напомнив всему миру о роли советского солдата и Красной Армии: «В январе 1945 года Красная армия освободила концлагерь Освенцим, открыв человечеству правду о преступлениях нацистов и их приспешников, уничтожавших миллионы евреев, русских, цыган, представителей других народов. И мы всегда будем помнить, что именно советский солдат сокрушил это страшное, тотальное зло, одержал Победу, величие которой навеки останется в мировой истории» [25]. Президент подчеркнул: «Граждане России – прямые потомки и преемники поколения победителей. Мы продолжим принципиально и жестко противостоять попыткам переписать правовой, моральный приговор, который был вынесен нацистским палачам и их пособникам. Сделаем всё, чтобы отстоять право людей на этническую, языковую, духовную самобытность, не допустить распространения антисемитизма, русофобии и других расистских идеологий» [25].

Французские СМИ не могли не опубликовать информацию об обращении российского президента, однако позицию России интерпретировали весьма предвзято. Например, “Le Figaro”, приводя слова В.В. Путина о том, что именно Красная Армия освободила Освенцим, привела это не как очевидный факт, а уточнила: «согласно Путину». Кроме того, в газете было отмечено, что В.В. Путин в Польшу не приехал [26], представив это, таким образом, как нежелание российской стороны, а не как отсутствие приглашения со стороны Польши.

О том, что именно войска Красной Армии освободили Аушвиц, было сообщено и во время мемориальной церемонии в бывшем лагере смерти. Однако несмотря на этот факт, послы были таковы: современная Россия не является преемницей СССР и к заслугам Красной Армии не имеет никакого отношения. Как видим, формируя образ нашей страны как вечной и неизменной России, как «империи зла», антипода и угрозы «западным ценностям», когда нужно, Запад меняет риторику, подчеркивая, что к победам Красной Армии современная Россия не имеет никакого отношения.

Манипулятивно используя память о Второй мировой войне, западные СМИ подчеркивают, что «Россия при президенте Владимире Путине превратила роль Советского Союза в разгроме Гитлера в национальный культ, в котором любой, кто не согласен с Кремлем, изображается нацистом», как отмечает “The New York Times” [27]. Следуя современному западному нарративу, издание фактически уравнивает политику СССР и нацистской Германии¹, отмечая, что в России «никогда не упоминался тот факт, что Советский Союз фактически был союзником Гитлера до 1941 года, когда нацисты начали травить евреев газом в Освенциме. Москва и Берлин в 1939 году подписали пакт о ненападении, который привел к вторжению нацистских и советских войск в Польшу позже в том же году» [27]. Следуя логике издания, СССР в такой же степени виноват в развязывании Второй мировой войны и уничтожении евреев, как и нацистская Германия.

Возвращаясь к юбилейным мероприятиям во Франции, по словам Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации во Франции А.Ю. Мешкова, никаких контактов с французскими властями у наших дипломатов по этим вопросам нет. «Весь наш план работы, связанный с 80-летием победы, делается автономно, и мы отнюдь не рассчитываем на какие-то приглашения с французской стороны на официальном уровне» [28], – заявил господин посол. При этом дипломат отметил, что на региональном и местном уровне между российским посольством во Франции и французскими властями

¹ Как известно, еще в декабре 2019 года польский сейм принял резолюцию о равной ответственности Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны.

«поддерживаются тесные отношения». В частности, А.Ю. Мешков подчеркнул, что на Советском воинском некрополе в Нуайе-Сен-Мартен, где покоятся более 5 тыс. советских граждан, жертв нацизма и участников Сопротивления, «мероприятия происходят ежегодно с участием мэра, представителей мэрии независимо от политической конъюнктуры». В то же время господин посол добавил, что французским друзьям из ассоциации «Нормандия – Неман» официально запретили поддерживать контакты с российским посольством и приглашать на мероприятия [28]. Неурегулированной остается и ситуация с самым большим русским некрополем Сент-Женевьев-де-Буа¹. «Мы ежегодно оплачивали концессии на этом кладбище, помогали в реставрации могил. Так вот, уже второй год мэрия отказывается принимать на свои счета переводимые нами деньги. Эта проблема никак не решается, она зависла, потому что мы не можем физически эти деньги передать мэрии на концессии» [28].

Как видим, историческая память о Второй мировой войне давно превратилась на Западе в целом и, во Франции, в частности, в политический инструмент, который используется в целях переписывания итогов Второй мировой войны в соответствии с актуальной геополитической конъюнктурой. Главная цель – преуменьшить роль Советского Союза и Красной Армии и преувеличить роль западных держав, прежде всего США, в победе во Второй мировой войне. Кроме того, само понятие «победы» над нацистской Германией подменяется термином «капитуляции» нацистской Германии. Тем самым проблема германского нацизма нейтрализуется, при этом на Советский Союз и нацистскую Германию возлагается равная степень ответственности за развязывание Второй мировой войны. Неприглашение России на торжественные церемонии является наглядным проявлением этой политической линии. Все это представляется весьма опасным, поскольку такая риторика и действия приводят к камуфлированию и игнорированию возродившегося неонацизма, а переформатированное прошлое дает исторические основания для создания «нужного» настоящего.

¹ Подробнее о ситуации с некрополем см. [29, с. 14–19].

Литература

1. D-Day anniversary: Britons disagree with other countries on who did the most to defeat the Nazis [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yougov.co.uk/politics/articles/49613-d-day-anniversary-britons-disagree-with-other-countries-on-who-did-the-most-to-defeat-the-nazis>
2. Трамп призвал не забывать, что РФ «помогла США» выиграть Вторую мировую войну [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22947003?ysclid=m73mwfob8c786504571>
3. Белый дом назвал победителями нацизма только США и Великобританию [Электронный ресурс] // РИА Новости. 05.09.2020. Режим доступа: <https://ria.ru/20200509/1571219351.html>
4. Billet du 8 mai: et si on se libérait pour ensuite célébrer la Victoire? [Электронный ресурс] <https://russiepolitics.blogspot.com/2024/05/billet-du-8-mai-et-si-on-se-liberait.html>
5. Парижане не смогли объяснить, почему станцию метро назвали «Сталинград» [Электронный ресурс] // РИА Новости. 22.02.2017. Режим доступа: <https://ria.ru/20170222/1488615741.html?ysclid=m74nw5iwfk374705684>
6. Éco Réseau Business. 2023. 5 février [Электронный ресурс]. Режим доступа: [ÉcoRéseau Business - Stalingrad, l'horizon lointain de la guerre-monde \(ecoreseau.fr\)](https://ecoreseau.fr)
7. Le Monde. 2023. 3 février [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/35bWhc>
8. France tv info. 2023. 3 février [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/35bWrS>
9. L'Express. 2023. 3 février [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tiny.cc/qnoavz>
10. La Dépêche. 2023. 2 février [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ladepêche.fr/2023/02/02/russie-pourquoi-pierre-le-petit-fils-du-general-de-gaulle-est-il-affiche-aux-cotes-de-vladimir-poutine-en-russie-10970354.php>
11. La Presse. 2023. 2 février [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lapresse.ca/international/europe/2023-02-01/bataille-de-stalingrad/inauguration-d-un-buste-de-staline-a-volgograd.php>
12. Le Figaro. 2023. 1 février [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/international/bataille-de-stalingrad-la-russie-inaugure-une-statue-de-staline-a-la-veille-de-commemorations-20230201>
13. 24 heures. 2023. 1 février [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.24heures.ch/pierre-de-gaulle-la-voix-de-poutine-a-geneve-et-en-france-956221440861>
14. L'Ours Magazine [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oursmagazine.fr/histoire/stalingrad-commemoration/>
15. L'Humanité. 2023. 1 février [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.humanite.fr/culture-et-savoirs/russie/avec-stalingrad-la-seconde-guerre-mondiale-basculer-492729>
16. Le Monde. 2024. 20 mars [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/politique/article/2024/03/20/hommage-a-philippe-de-gaulle-emmanuel-macron-convoque-le-passe-pour-cibler-ses-opposants_6223112_823448.html
17. Le Figaro. 2023. 24 juillet [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/international/au-coeur-de-l-armee-citoyenne-qui-se-bat-pour-liberer-l-ukraine-du-joug-russe-20230724>
18. Le Figaro. 2024. 5 mai [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/politique/commemoration-du-8-mai-emmanuel-macron-se-recueille-devant-la-tombe-du-soldat-inconnu-mais-esquive-le-discours-20240508> (дата обращения: 25.09.2024).
19. Le Monde. 5 mai 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/politique/article/2024/05/08/emmanuel-macron-ravive-la-flamme-du-soldat-inconnu-a-paris_6232193_823448.html (дата обращения: 25.09.2024).
20. Le Figaro. 2024. 16 avril [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/international/debarquement-en-normandie-la-russie-est-conviee-au-80e-anniversaire-sans-routine-annoncent-les-organisateur-20240416> (дата обращения: 25.09.2024).
21. Le Monde. 2024. 16 avril [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/international/article/2024/04/16/debarquement-en-normandie-la-russie-invitee-aux-80-ans-du-debarquement-de-normandie-mais-pas-vladimir-poutine-annoncent-les-organisateur-6228176_3210.html (дата обращения: 25.09.2024).
22. Le Monde. 2024 5 juin [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/societe/article/2024/06/05/80-ans-du-debarquement-emmanuel-macron-en-bretagne-pour-le-debut-des-celebrations-joe-biden-est-arrive-en-france_6237428_3224.html (дата обращения: 25.09.2024).
23. Макрон: Красная Армия сделала возможной высадку в Нормандии, сковав нацистов на востоке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21023825> (дата обращения: 25.09.2024).
24. Француз Сирилль де Латтр: Приглашение Зеленского на День высадки в Нормандии – историческое преступление [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ukraina.ru/20240606/1055535950.html>
25. Участникам и гостям мемориальной церемонии, приуроченной к Международному дню памяти жертв Холокоста и 80-летию освобождения Красной Армией узников концлагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/letters/76160>
26. Le Figaro. 2025. 27 janvier [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://video.lefigaro.fr/figaro/>

- video/vladimir-poutine-le-grand-absent-des-80-ans-de-la-liberation-dauschwitz-par-larmee-sovietique/
27. The New York Times. 27 January 2025 // At Auschwitz, a Solemn Ceremony at a Time of Rising Nationalism [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2025/01/27/world/europe/auschwitz-liberation-80th-anniversary.html>.
28. Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла России во Франции А.Ю. Мешкова
- информационному агентству «РИА Новости» в преддверии Дня дипломатического работника, 8 февраля 2025 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20250208/meshkov-1997977565.html>
29. *Таньшина Н.П.* Скандал вокруг могил // Русский мир. 2023. Март. С. 14–19.

Аннотация. Статья посвящена анализу исторической памяти о Второй мировой войне в современной Франции. В центре внимания – вопросы, связанные с реакцией французских СМИ и властей на 80-летие Сталинградской битвы, 80-летие высадки союзников в Нормандии и 80-летие окончания Второй мировой войны. На основе анализа ведущих французских СМИ и заявлений политических деятелей Франции делается вывод, что мероприятия, связанные с памятливыми датами Второй мировой войны давно превратилась на Западе в целом и во Франции в частности в политический инструмент, который используется в целях переписывания итогов Второй мировой войны в соответствии с актуальной геополитической конъюнктурой. Главная цель этой политики – преуменьшение роли Советского Союза и Красной Армии и преувеличение роли западных держав, прежде всего США, в победе во Второй мировой войне. Кроме того, в статье отмечается, что само понятие «победы» над нацистской Германией подменяется термином «капитуляции» нацистской Германии. Тем самым проблема германского нацизма нейтрализуется, при этом на Советский Союз и нацистскую Германию возлагается равная степень ответственности за развязывание Второй мировой войны. Неприглашение России на торжественные церемонии является наглядным проявлением этой политической линии. Все это представляется весьма опасным, поскольку такая риторика и действия приводят к камуфлированию и игнорированию возродившегося неонацизма, а переформатированное прошлое дает исторические основания для создания «нужного» настоящего.

Ключевые слова: 80-летие Великой Победы, Франция, Э. Макрон, историческая память, искажение исторической правды о Второй мировой войне, Сталинградская битва, высадка союзников в Нормандии.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Natalia P. Tanshina, Doctor of History, Professor, Department of General History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher, Institute for International Studies, MGIMO University. E-mail: nata.tanshina@mail.ru

The Transformation of Memory about the Role of the USSR in World War II in Modern France

Abstract. The article is devoted to the analysis of the historical memory of the Second World War in modern France. The focus is on issues related to the reaction of the French media and authorities to the 80th anniversary of the Battle of Stalingrad, the 80th anniversary of the Allied landings in Normandy and the 80th anniversary of the end of World War II. On the basis of the leading French media publications and statements by French politicians analysis, the author of the article concludes that the events related to the commemorations of World War II have long been transformed in the West as a whole and in France, in particular, into a political tool that is used to rewrite the results of World War II in accordance with the current geopolitical situation. The main goal of this policy is to downplay the role of the Soviet Union and the Red Army and to exaggerate the role of Western powers, primarily the United States, in winning World War II. In addition, the author notes that the very concept of «victory» over Nazi Germany is being replaced by the term «surrender» of Nazi Germany. Thus, the problem of German Nazism is neutralized and at the same time equal responsibility for the outbreak of World War II is placed on the Soviet Union along with Nazi Germany. The non-invitation of Russia to solemn ceremonies is a clear manifestation of this political line. All this seems very dangerous, since such rhetoric and actions lead to camouflage and disregard for the resurgent neo-Nazism, and the reformatted past provides historical grounds for creating the “necessary” present.

Keywords: 80th Anniversary of the Great Victory, France, E. Macron, Historical Memory, Distortion of the Historical Truth about the Second World War, Battle of Stalingrad, Allied Landings in Normandy.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Память и нарративы о Второй мировой войне в польском общественном мнении (2000–2020)

В истории любого национального государства рано или поздно складывается перечень исторических событий, которые в общественном мнении, официальной образовательной политике государства, профессиональном сообществе историков считаются ключевыми. Вместе с тем этот список в значительной степени зависит от текущих политических обстоятельств, отражая изменения в политическом курсе страны и общественном мнении. Достаточно указать на то, как в советское время в зависимости от политической конъюнктуры менялось отношение к тем или иным историческим деятелям и событиям дореволюционной российской и недавней советской истории.

В современной научной литературе достаточно глубоко проанализированы концепция и цели польской исторической политики, ее реализация и результаты [1]. В настоящей статье хотелось бы более детально проследить существующие в польском общественном мнении оценки истории Польши в период Второй мировой войны, которые сложились в результате целенаправленной деятельности по продвижению политически ангажированных исторических нарративов.

Следует отметить, что для современного польского общественного мнения Вторая мировая война по-прежнему является актуальным событием [2, с. 225]. В частности, в 2004 году 73% опрошенных заявили, что Вторая мировая война все еще живая часть польской истории, о которой следует постоянно помнить. В 2009 году процент высказавших такое мнение практически не изменился и составил 72% [3, с. 1]. Показательно, что в 2014 году доля убежденных в этом незначительно понизилась и составила 71% всех участников опроса [4, с. 1].

Однако восприятие событий Второй мировой войны в Польше существенно отличается от привычных для нас оценок, распространенных в белорусском и российском обществе. В этой связи показательно решение польского сейма о переносе празднования окончания Второй мировой войны с 9 на 8 мая, а также изменение названия государственного праздника на Национальный День победы вместо прежнего, сохранившегося со времен Польской Народной Республики (ПНР) Национального Дня победы и свободы. В обосновании этого законодательного акта польского сейма раскрылись два важных представления. Во-первых, отмечалось, что окончательное подписание капитуляции Германии, признанное всеми союзниками, происходило в Берлине 8 мая. Согласно тексту договора полное прекращение огня наступало в 23.01 по средневропейскому времени. По московскому же времени оружие должно было замолчать 9 мая, что и стало причиной празднования окончания Великой Отечественной войны в СССР именно в этот день. Подписание капитуляции в Берлине произошло по настоянию СССР, несмотря на то что еще 7 мая был

Киселев Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет. E-mail: kiselev_aa@list.ru

подписан Предварительный акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил в Реймсе. Таким образом, перенос даты празднования с 9 на 8 мая «возвращает» Польшу в круг держав-победительниц, представляющих Западную Европу и США.

Во-вторых, для польской стороны празднование окончания войны в одно время с СССР неприемлемо, поскольку Красная армия принесла в страны Центрально-Восточной Европы недемократическую политическую систему и правительства, которые нельзя считать выборными. Именно поэтому, как полагали инициаторы проекта, окончание войны нельзя считать триумфом свободы, а значит, следует изменить название государственного праздника [5].

Следует отметить, что в самом сейме дискуссия вокруг законопроекта развернулась не по вопросу о переносе даты, а о названии государственного праздника. Во время голосования сейма 24 апреля 2015 года депутатами фракции партии «Право и справедливость» (далее – ПиС) были предложены две поправки. Они полагали, что из названия праздника следует исключить термин «национальный», а в самом обосновании необходимо прописать, что празднуется только победа над Германией. Суть вспыхнувшего спора заключалась в том, что польские депутаты фракции партии ПиС категорически заявили, что после Второй мировой войны свободы Польша не получила. Напротив, на долгие десятилетия она попала в советскую неволю или под российский деспотизм [6, s. 311]. Это, по мнению депутата Т. Дзюбы, задержало развитие польской нации, поэтому праздник не может заслуживать названия «национальный». Депутаты партии ПиС во время полемики заявляли, что провозглашение праздника национальным является оскорблением памяти «проклятых солдат», то есть бойцов Армии Крайовой и других военизированных польских подпольных организаций, которые погибли в борьбе против коммунистического режима в ПНР после войны. Наконец, депутат фракции ПиС З. Гижынский заявил, что для Польши Вторая мировая война вообще закончилась лишь после вывода российских войск с территории страны в 1993 году. Он даже предложил выбрать датой празднования окончания Второй мировой войны именно дату ухода последнего солдата российской армии в 1993 году [6, s. 317]. В идеальном варианте депутат вообще предлагал отказаться от празднования окончания Второй мировой войны и исключить эту дату из числа государственных праздников, поскольку Польша оказалась в положении, напоминающем статус Германии или Японии после поражения в войне [6, s. 314]. Максимумом того, на что с большим трудом соглашались отдельные депутаты фракции ПиС, стала редакция названия праздника как день победы над Германией.

В споре с критиками законопроекта один из его инициаторов депутат С. Нещёловский заметил, что, напротив, именно подобные утверждения являются фальсификацией истории, потому что коммунистический и гитлеровский тоталитаризм не являются «симметричными оккупациями». Немецкая оккупация была «абсолютным кошмаром» [6, s. 313], несопоставимым с последующим сталинским периодом. Признавая, что ПНР после 1945 года не являлась независимым государством, депутат сейма заявил, что отрицание самой победы польского народа стало бы фальсификацией истории. При этом в перечень подвигов польских солдат во время войны депутатом включались бои под Монте-Кассино и Ленино, то есть как на Западном, так и на Восточном фронте.

В таком взгляде на польскую историю после 1945 года депутаты сейма не одиноки и скорее отражают распространенные в современном польском обществе представления о ПНР. В частности, по результатам социологического опроса, проведенного в 2014 году, только 4% опрошенных заявили о том, что ПНР явля-

лась полностью независимым государством. Каждый пятый посчитал, что полной независимости не было, но в большинстве случаев решение принималось польскими властями. Однако 24%, то есть почти каждый четвертый, уверены в том, что ПНР была полностью подчинена СССР и не имела никакой независимости, а 39% признавали наличие некоторой свободы рук, но в целом соглашались с тем, что польские власти находились в подчинении у советского руководства [7, s. 7].

Интересно, что для польского общества остается открытым вопрос о том, находится ли Польша в числе победителей или проигравших во Второй мировой войне. По результатам социологического опроса 2014 года две трети (67%) поляков уверены, что их страна оказалась в стане победителей, но только 22% принимали этот тезис безоговорочно [4, s. 4]. Вместе с тем каждый четвертый (26%) считал, что Польшу нельзя поставить в один ряд с победителями во Второй мировой войне. Опрос, проведенный в апреле 2015 года, показал, что количество поляков, убежденных в том, что Польша вышла из войны победителем, сократилось до 58%, причем доля сторонников безусловности польской победы упала до 18% [8, s. 5]. Характерно, что процент лиц, считавших, что Польшу нельзя назвать страной-победительницей, вырос до 29% всех опрошенных. В целом наблюдалась тенденция на уменьшение процента тех, кто поддерживал идею о безусловной победе Польши (2005 год – 27%, 2015-й – 18%), и усиление позиций тех, кто причислял Польшу к проигравшим Вторую мировую войну (2005 год – 22%, 2015-й – 29%). В этой связи рассмотренная выше дискуссия в сейме недвусмысленно проявила такие настроения.

Вместе с тем в польском общественном мнении события Второй мировой войны не занимали первых позиций, если сравнивать их, например, с восприятием истории XX века в современном белорусском обществе. Так, данные социологического опроса CBOS за 2014 год, в рамках которого предлагалось выбрать самое важное для истории Польши событие XX века, показали, что на первом месте из 20 позиций оказалось избрание главой римско-католической церкви К. Войтылы (62%) [4, s. 8]. Вторым по важности событием польской истории новейшего времени стало восстановление независимости в 1918 году (46%), а третье место оказалось отведено краху коммунистического режима в Польше (32%). Из событий, связанных с участием Польши во Второй мировой войне, чаще всего респонденты упоминали о нападении Германии на Польшу (19% – 5-е место в списке), расстрел в Катыни (10% – 8-е место), Варшавское восстание (8% – 9-е место), изменение границ после войны (6% – 13-е место), Ялтинская конференция, которая зафиксировала фактический переход Польши в советскую зону влияния (5% – 14-е место), холокост (4% – 15-е место), ввод Красной Армии 17 сентября 1939 года (3% – 16-е место). По сравнению с аналогичным опросом 2009 года никто не назвал в качестве важного события Июльский манифест 1944 года¹. Впрочем, по результатам опроса 2009 года это событие тоже оказалось в конце списка. Можно сказать, что главными событиями Второй мировой войны оказались нападение на Польшу нацистской Германии, Катынь и Варшавское восстание 1944 года.

В конец списка попал и ввод советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года, который оказался в тени репрессий в отношении польских военнопленных. Достаточно сложно сказать, в какой степени разделяются в общественном мнении эти два события, но можно допустить, что по-прежнему для среднестатистического поляка война ассоциируется с двумя враждебными государствами: нацистская Германия и СССР. Однако все же образ агрессора

¹ Первый государственный акт народной Польши, принятый 22 июля 1944 года Польским комитетом национального освобождения в г. Хелме.

в годы Второй мировой войны больше связан с западным, чем с восточным соседом. По крайней мере результаты опросов 1999 года показывали, что нападение на Польшу 1 сентября 1939 года выделило 35% опрошенных [9, s. 2]. Начало Второй мировой войны заняло 3-е место в списке наиболее значимых событий польской истории XX века, а переход Красной Армии через границу 17 сентября 1939 года указали только 5% опрошенных (12-е место). Гибель польских военнослужащих в Катыни, как и в 2014 году, указали 10% участников опроса, причем это трагическое событие оказалось на том же 8-м месте.

Однако в польском общественном мнении и исторической публицистике дата 17 сентября 1939 года безоговорочно расценивается как акт агрессии, сопоставимый с нападением нацистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Иные интерпретации и характеристики перехода советскими войсками советско-польской границы воспринимаются как фальсификации. Так, версия о том, что ввод советских войск произошел только после того, как стало очевидным военное поражение Польши, а немецкие войска вышли к границам «Восточных кресов», считается примером безусловной фальсификации. Например, в польской версии «Википедии» утверждается, что польское правительство покинуло страну лишь после того, как советские войска перешли государственную границу, а не наоборот [10]. В польской публицистике ввод Красной Армии называется не просто нападением, но «предательским ударом в спину», нанесенным вопреки всем нормам международного права и двусторонним польско-советским соглашениям. Чаще всего просто пишется о совместной агрессии нацистской Германии и большевистской России против Польши.

Проблема заключается в том, что за исключением отдельных исторических работ и публицистических статей действия СССР рассматриваются преимущественно в морализаторской плоскости без попытки понять логику политических мотивов и интересов советских властей. Ввод Красной армии расценивается как проявление враждебной природы коммунистического государства. Еще одной важной деталью является то, что в польской политической мысли, общественном мнении советская внешняя и внутренняя политика зачастую воспринимается как продолжение дореволюционной российской политики в отношении Польши. При этом данная политика молчаливо трактуется как изначально враждебная для поляков. Важно то, что категорическое осуждение нарушения территориальной целостности Польши и ввода советских войск на территорию Западной Белоруссии и Украины, фактически закрепляет в польском общественном мнении представления о несправедливо утраченных исторических границах на востоке.

В польской исторической публицистике даже появляются статьи, в которых вычисляется материальный ущерб, нанесенный Польше при присоединении «кресов». Так, в первом номере исторического приложения еженедельника “*W sieci historii*” за 2015 год последствия сентябрьских событий 1939 года на востоке измерялись суммой 732 млрд евро [11, s. 60]. При этом автор статьи с красноречивым названием «Дорогое соседство» предлагал даже учредить в структуре Министерства финансов департамент потерь поляков и польского государства в XX веке. Такая пропагандистская кампания имела свои результаты.

Несмотря на признание и публичные извинения российских властей за репрессии в Катыни, показа на федеральных каналах фильма Анджея Вайды «Катынь», создание мемориала в память о погибших польских военнопленных, по данным социологического опроса за март 2020 года, 78% опрошенных считали, что правительство России все еще недостаточно сделало для выяснения обстоятельств данного события [12, s. 4]. Кроме того, 76% оставались убеждены в том, что

произошедшее в Катыни по-прежнему ухудшает польско-российские отношения. Глубина разногласий проявилась в том, что 72% поляков считали, что невозможно подготовить общий для граждан Польши и России учебник по новейшей истории. Для сравнения только 46% поляков были убеждены в невозможности такого проекта при написании совместного польско-германского учебника по истории.

Следует отметить, что Западная Белоруссия и Украина в исторической публицистике часто считаются оккупированными польскими территориями. Достаточно острой для польской историографии и общественно-политической мысли является проблема межнациональных отношений на креслах в период 1939–1941 годов. В частности, позитивное отношение национальных меньшинств довоенной Второй Речи Посполитой к вводу советских войск является темой для далеких от политкорректности дискуссий. Так, не случайно тематический сентябрьский номер популярного исторического приложения либерально-консервативного еженедельника “Historia do Rzeczy” за 2015 год называется «Предательство на креслах» [13, s. 1]. В действующем учебнике по истории для 8 класса издательства “Nowa Era” раздел о сентябрьских событиях 1939 года в польской истории завершается утверждением о том, что советские власти поощряли «местных белорусов и украинцев к участию в убийствах» [14, s. 14].

В исторической памяти польского общества центральное положение занимают события, связанные с созданием и деятельностью Армии Крайовой (45%), Варшавским восстанием (37%) и боевыми действиями польской армии против нацистской Германии в сентябре 1939 года (36%) [4, s. 6]. Следует отметить, что в современном польском обществе выросла убежденность в необходимости Варшавского восстания. Если в 1994 году 51% опрошенных заявляли, что восстание было необходимо, то в 2014-м количество сторонников решительных действий возросло до 61% [15, s. 6]. При этом большой скепсис относительно действий Армии Крайовой в Варшаве высказывали люди старших возрастов, а молодежь, напротив, поддержала героический миф сопротивления.

Благодаря пересмотру оценок участия Польши во Второй мировой войне в польском общественном мнении постепенно сложилась следующая иерархия событий, которые вызывают чувство гордости. Так, в 2019 году на первом месте из событий, достойных гордости, оказалось Варшавское восстание (46%), на втором – действия Армии Крайовой (42%), на третьем – оборонительные действия польской армии в сентябре 1939 года (36%). Напротив, Армией Людовой и ее участием в войне гордились всего 8% опрошенных [16, s. 8].

Достаточно ярко в оценках Варшавского восстания 1944 года проявилось неприятие освободительного характера военных действий Красной армии на территории Польши в 1944–1945 годах. В польской историографии, общественном мнении распространено мнение о том, что советское политическое руководство в лице И. Сталина сознательно прекратило наступление Красной армии на Варшаву, для того чтобы повстанцы Армии Крайовой были уничтожены немецкими оккупационными силами. В частности, в интервью директора Отдела военно-исторических исследований Г. Ясинского утверждалось, что изначально Сталин планировал упредить восстание, взяв польскую столицу не позднее 5–8 августа 1944 года. Однако контрудар немецких войск, остановивший продвижение советских частей на ближних подступах к Варшаве, убедил политическое руководство СССР в том, что восстание будет подавлено очень быстро. По мнению польского историка, Сталин уже утвердил план наступательной операции на варшавском направлении, назначенной на 25 августа 1944 года. Только отчаянное сопротивление отрядов Армии Крайовой сорвало этот замысел, поэтому советское командование решило предоставить

повстанцев своей судьбе. Даже факт перебросок по воздуху армейского снаряжения и медикаментов трактуется как вынужденная мера, на которую СССР пошел под давлением Великобритании. В то же самое время эти действия подаются как средство, с помощью которого И. Сталин сознательно продлевал агонию польского восстания, зная о безнадежности их положения. Интересно то, что документальных доказательств такой позиции советского руководства польскими авторами не приводится. Пробел обосновывается недоступностью советских архивов для польских историков. Одним словом, Варшавское восстание 1944 года в польской историографии и общественном мнении является еще одним примером «советского предательства».

Интересно, что идеологической деконструкции подверглись популярные со времен ПНР телесериалы «Четыре танкиста и собака» и «Ставка больше, чем жизнь», которые показывались и в СССР. Летом 2006 года после общественных протестов руководство телеканала TVP исключило сериал «Четыре танкиста и собака» из летней сетки вещания. Правда, в следующем году канал вновь выпустил сериал в эфир. Летом 2008 года сериал «Четыре танкиста и собака» транслировался по историческому каналу «TVP Historia» с комментариями историков Института национальной памяти. Каждый эпизод сериала перед показом предварительно обсуждался на предмет исторических фальсификаций. Такая же участь постигла сериал «Ставка больше, чем жизнь» о приключениях польского разведчика С. Колицкого, заброшенного советской разведкой в тыл под именем немецкого офицера Г. Клосса [17]. В исторической публицистике детальному разбору подверглась история 1-й танковой бригады имени Героев Вестерплатте, в которой служил сериальный экипаж «Рудого». Показывается, что мало того, что сериал изобилует фактическими ошибками, начиная от участия бригады в конкретных операциях и заканчивая тем, что в Берлине польский экипаж танка под номером 102 мог побывать только в кино. Однако главным считаются идеологические фальсификации. Так, после немецкой капитуляции танки бригады принимали участие в боях против не сложивших оружие отрядов Армии Крайовой. Личный состав танкистов был сформирован в основном из кресовых поляков, которые не могли считать, что для них родина начинается только на запад от Буга, не говоря о «замалчивании» причин появления главного персонажа в сибирской тайге в самом начале сериала.

Однако самым известным примером ревизии идеи об освободительном характере действий Красной Армии стала ликвидация на территории Польши мемориалов в память о погибших красноармейцах. В частности, демонтаж под предлогом строительства станции метро в ноябре 2011 года на Виленской площади в Варшаве памятника Военного братства, возведенного в честь совместной борьбы против нацистской Германии Красной армии и Армии Людовой и в память о 600 тыс. погибших советских солдат и офицеров, является ярким свидетельством такой политики. 26 февраля 2015 года столичная мэрия отказалась возвращать памятник на площадь. В это же время в прессе сотрудники Национального института памяти неоднократно называли памятник «символом власти Сталина над Польшей». В этой связи демонтаж 17 сентября 2015 года в Пененжно бронзового барельефа командующего 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховского являлся лишь продолжением такой исторической политики. Не случайно глава местной администрации заявил, что этот памятник является для поляков символом коммунизма, тоталитаризма и советизации. В 2022 году война с памятниками продолжилась, чему примером стал демонтаж 14 июля 2022 года памятника воинам Красной Армии в Тересполе, причем бурмистр Я. Данелюк заявил, что «советская армия действовала так, как современная российская армия, и для города не была никаким освободителем» [18].

Гораздо больше внимания в Польше уделялось антикоммунистическому польскому подполью и партизанским отрядам, так называемым проклятым солдатам, которые оказывали сопротивление властям Польской Народной Республики. В частности, с 1 марта 2011 года в Польше государственным праздником является Национальный день памяти «проклятых солдат». В свою очередь показательно, что после 1991 года в Польше больше не празднуется дата 12 октября, которая считалась Днем Народного Войска Польского и была приурочена к сражению под Ленино 12–13 октября 1943 года, ставшему боевым крещением 1-й польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко. Согласно общепринятой в Польше трактовке, период с 1944 по 1947 год является временем вооруженного сопротивления советским силам безопасности и подчиненным им спецслужбам ПНР. Последний боец сопротивления Ю. Франчак погиб 21 октября 1963 года при попытке его задержания госбезопасностью. Эту дату даже хотели возвести в ранг памятного события.

Основной проблемой в общественном мнении и историографии являются споры вокруг того, можно ли считать конфликт между подпольными отрядами «Второй конспирации» и войсками, спецслужбами ПНР, в результате которого погибло около 15 тыс. человек, проявлением гражданской войны или только борьбой с советским оккупационным коммунизмом. Против безоговорочной героизации «проклятых солдат» публично выступали лишь представители польских левых. Несложно заметить, что после победы на прошедших в 2015 году парламентских выборах ПиС и поражения левых, отряды Армии Крайовой и Национального военного союза стали превращаться в главных польских героев Второй мировой войны. Напомним, что ликвидация памятника генералу И.Д. Черняховскому в сентябре 2015 года мотивировалась его участием в аресте командиров отрядов Армии Крайовой во время переговоров польских партизан с советским военным командованием.

В польском общественном мнении существует консенсус по вопросу о необходимости вступления в борьбу с нацистской Германией: 84% заявили, что сопротивление было оправдано и лишь 6% высказали мысль, что следовало бы пойти на уступки нацистской Германии [4, s. 5]. Созданием и боевыми действиями Армии Людовой гордилось только 9% опрошенных. Правда, сражениям польской армии на Западном фронте придавали важное значение лишь 13% поляков. Можно сказать, что борьба поляков за пределами территории Польши оказалась на периферии общественного сознания.

Интересно, что такие предпочтения сказались на условном пантеоне польских героев времен Второй мировой войны. Согласно социологическому опросу, проведенному “SW Research” по заказу польской редакции журнала “Newsweek”, на первом месте оказался генерал В. Андерс (17,7%), на втором – генерал В. Сикорский (12,6%), третью позицию занял член польского подполья, офицер Армии Крайовой ротмистр В. Пилецкий (7,4%), который с разведывательными целями проник в концлагерь «Освенцим» и создал в нем подпольную группу [19, s. 4]. Этот офицер погиб в 1948 году, расстрелянный в ПНР по обвинению в шпионаже. Следующим в списке стал священник ордена францисканцев Максимилиан Мария Кольбе (6,7%), который добровольно отдал свою жизнь за одного из узников «Освенцима». Член польского подполья И. Сендлер (5,8%), спасшая из Варшавского гетто около 2500 детей, также достаточно часто называлась опрашиваемыми. Не забыли поляки и скончавшегося историка, общественно-политического деятеля и публициста В. Бартошевского (5,3%), который во время войны прошел «Освенцим», был членом отдела информации Бюро информации и пропаганды Главного штаба Армии Крайовой, организовал общество по спасению евреев, принимал участие в Варшавском восстании. После войны его несколько

раз арестовывали спецслужбы ПНР, он сидел в тюрьме. Почти такой же известностью пользуется «первый партизан» Польши майор Г. Добжаньский (5,1%), который в 1939 году создал один из первых партизанских отрядов, воевавших против оккупантов. Показательно, что в этом перечне не оказалось ни одного военного, связанного с Армией Людовой, или политического деятеля просоветской ориентации. В целом в польском обществе все больше утверждается негативный стереотип Армии Людовой. В частности, один из тематических номеров исторического приложения “Historia do Rzeczy” влиятельного общественно-политического еженедельника “Do Rzeczy” назывался «Армия Людова. Агентура Сталина» (2014, № 12).

Таким образом, дискуссия вокруг переноса даты и названия государственного праздника в польском парламенте показывает, что в польском обществе СССР привычно трактуется как враждебное государство, которое лишило Польшу политической самостоятельности. Красная Армия принесла освобождение от нацистской оккупации, но не принесла полякам политических и гражданских свобод. При этом польская ситуация считается типичной для стран Центрально-Восточной Европы. В этом отношении перенос даты с 9 на 8 мая, оговорки о том, что капитуляция была подписана в Реймсе еще 7 мая, показывают стремление дистанцироваться от празднования окончания войны в одно время с СССР, а теперь с Россией. Вместе с тем признается факт того, что подписание акта капитуляции в Берлине является признанной всеми участниками войны датой, хотя и допускается, что ее подписание в Карлсхорсте произошло по настоянию советского руководства.

Отрадно заметить, что среди депутатского корпуса встречалось понимание того, что отождествление нацистского оккупационного режима и советского влияния в ПНР исторически некорректно, поскольку нацистская Германия проводила политику геноцида в отношении поляков. Поправки в законопроект, инициированные депутатами ПиС, не прошли, причем итоги голосования показали, что сама фракция этой партии, насчитывавшая 157 депутатов, не одобрила на практике столь радикальные идеи. По крайней мере результаты голосования оказались следующими: 396 высказались за первоначальный проект, 14 воздержались и только 5 проголосовали против.

Интересно, что социологические опросы населения о недавнем прошлом Польши показывают, что в массовом общественном мнении ПНР ассоциируется не с «русской оккупацией», а с дефицитом и прочими социально-экономическими проблемами [7, s. 15]. С другой стороны, пример дискуссии в сейме показал, насколько были сильны настроения, которые подпадают под определение русофобских, поскольку советская репрессивная политика считается проявлением «российского деспотизма», а Красная Армия воспринимается как оккупационная. Жертвы среди самих поляков во время нацистской оккупации вследствие этой установки невольно оказываются в тени пострадавших от политических репрессий в ПНР.

Вместе с тем относительное большинство польского общества считает, что Польша все же является победителем во Второй мировой войне. Нападение нацистской Германии на Польшу и борьба Армии Крайовой против немецких оккупантов являются главными событиями, связанными со Второй мировой войной. Нельзя не отметить, что с этими событиями всегда соседствует память о Катыни, которая сохраняет негативный образ восточного соседа. Из современной исторической памяти вытесняется участие польских частей в боевых действиях на стороне Красной Армии в 1943–1945 годах.

В польском общественном мнении, официальной исторической политике культивируется миф о Польше как жертве двух тоталитаризмов, исключая критическое отношение к польской довоенной внешней политике.

Проблема утраченных территорий на востоке с польскими культурными центрами Вильно и Львова до сих пор переживается как трагедия. Ввод советских войск 17 сентября 1939 года однозначно расценивается как вооруженная агрессия. В современной польской общественно-политической мысли исключается идея освободительного характера действий Красной Армией в 1944–1945 годах на территории Польши, поскольку с этого же момента, по мнению поляков, начинается период советского политического контроля над страной, который становится причиной установления в стране социалистической модели общественного и политического устройства. Фактически речь идет о замене одного оккупационного режима на другой, причем более длительный по времени и, по мнению многих польских интеллектуалов, нанесший не меньший ущерб польской национальной культуре и идентичности [2, с. 237]. То, что в период Варшавского восстания советские войска не освободили польскую столицу в августе 1944 года, подается в основном как сознательно спланированная акция по уничтожению польского патриотического подполья немецкими руками. Очевидно, что такое черно-белое видение роли СССР в польской истории исключает возможность достижения взаимопонимания.

Литература

1. *Неменский О.Б.* Формирование современной исторической политики Польши (2000-е гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 159–192.
2. *Лыкошина Л.С.* Историческая политика в современной Польше и проблемы Второй Мировой войны // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.) / редкол.: канд. ист. наук А.А. Богдашкин (отв. секр.) [и др.]. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2015. С. 225–237.
3. *Siedemdziesiąt lat od wybuchu II Wojny Światowej.* Warszawa: CBOS, 2009. № 119. 12 s.
4. *75 rocznica wybuchu II Wojny Światowej.* Warszawa: CBOS, 2014. № 114. 9 s.
5. *O ustanowieniu Narodowego Dnia Zwycięstwa // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. VII kadencja.* Druk № 3322. 9 kwietnia 2015 r.
6. *Sprawozdanie Stenograficzne z 91. Posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 24 kwietnia 2015 r.* Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2015. 355 s.
7. *PRL – doświadczenia, oceny, skojarzenia.* Warszawa: CBOS, 2014. № 61. 18 s.
8. *Wokół 70. Rocznicy za kończenia II Wojny Światowej.* Warszawa: CBOS, 2015. № 64. 13 s.
9. *Ludzie i wydarzenia w historii Polski XX wieku.* Warszawa: CBOS, 1999. № 194. 5 s.
10. *Agresja ZSRR na Polskę [Электронный ресурс] // Wikipedia.* Режим доступа: https://pl.m.wikipedia.org/wiki/Agresja_ZSRR_na_Polskę
11. *Kucharski D.P.* Kosztowne sąsiedztwo // W sieci historii. 2015. № 1. S. 58–61.
12. *Zbrodnia katyńska i jej znaczenie dla stosunków polsko-rosyjskich.* Warszawa: CBOS, 2020. № 47. 8 s.
13. *Historia do Rzeczy.* 2015. № 9. S. 1.
14. *Śniegocki R., Zielińska A.* Wczorajdziś. Klasa 8 Podręcznik do historii dla szkoły podstawowej. Warszawa: Nowa Era, 2021. 248 s.
15. *Powstanie Warszawskie w ocenie społecznej.* Warszawa: CBOS, 2014. № 110. 7 s.
16. *Postrzeżanie II wojny światowej poparcie dla domagania się reparacji od Niemiec.* Warszawa: CBOS, 2019. № 113. 11 s.
17. *Bagieński W.* Bolszewik w mundurze SA // Historia do rzeczy. 2014. № 12. S. 16–19.
18. *Śmiech, Adam.* Pamięć zamiast nienawiści [Электронный ресурс] // Myśl Polska. Режим доступа: <https://myslpolska.info/2022/07/30/pamiec-zamiast-nienawisci/>.
19. *Szaniawski P.* Bohate rowie wojny // Newsweek. 2015. № 19. S. 4.

Аннотация. В польском общественном мнении участие Польши во Второй мировой войне по-прежнему остается одним из важнейших событий польской истории XX века. Однако во многом под влиянием исторической политики в коллективной памяти и общественном мнении произошел существенный пересмотр оценок основных событий и роли исторических деятелей во время этой войны. Основной тенденцией стала преимущественно негативная трактовка польско-советских отношений по целому спектру событий: от ввода советских войск 17 сентября 1939 года на территорию Западной Белоруссии и Украины до освобождения оккупированной немцами Польши Красной Армией в 1944–1945 годах. На практике это привело к пересмотру праздничных дат, демонтажу памятников воинам Красной Армии, отождествлению политики нацистской Германии и СССР в отношении польского народа.

Ключевые слова: общественное мнение, историческая политика, Польша, Вторая мировая война, историческая память.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Alexander A. Kiselev, PhD in History, Associate Professor, Belarusian State Economic University. E-mail: kiselev_aa@list.ru

Memory and Narratives of the Second World War in Polish Public Opinion (2000–2020)

Abstract. In Polish public opinion Poland's participation in the World War II remains one of the most important events in Polish history of the 20th century. However, largely due to the influence of historical politics, collective memory and public opinion undergone significant revision in assessments of the main events and the role of historical figures during this war. The main trend was a predominantly negative interpretation of Polish-Soviet relations across the entire spectrum of events: from the moving in of Soviet troops on the territory of western Belarus and Ukraine on September 17, 1939, to the liberation of German-occupied Poland by the Red Army in 1944–1945. In practice, this led to the revision of holiday dates, the dismantling of monuments to the Red Army soldiers, and equating of Nazi Germany's and the USSR's policies toward the Polish people.

Keywords: Public Opinion, Historical Policy, Poland, World War II, Historical Memory.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Борьба с памятью о Великой Отечественной войне в Прибалтике и Молдавии

После распада СССР молодые локальные государства, появившиеся на базе бывших союзных республик, начали активно конструировать прошлое, необходимое для легализации власти новых национальных элит. Для того чтобы отделиться от соседей по бывшему СССР и в первую очередь от России идеологически, национальные элиты стали искать не подобие с соседями, а различия. Причем эти различия должны были быть зафиксированы на уровне исторической памяти, чтобы нынешние граждане не могли обнаружить тесного единства даже в те времена, когда их предки жили в едином государстве. А, пожалуй, самым главным элементом исторической памяти, связывающим воедино пространство бывшего СССР, оставалась Великая Отечественная война.

Политические элиты ряда постсоветских государств постарались вывести из повестки исторической памяти символы, связанные с Великой Отечественной войной и победой в ней, или придумать собственные, которые при общей, внешне благожелательной для сохранения исторической памяти риторике, работали на создание новых представлений о Великой Отечественной войне как событии, повлиявшем на национальное прошлое, но по-особому, не так, как это считалось ранее. На подобное поведение политических элит работает время. Ветераны Великой Отечественной войны постепенно уходят. Даже те из них, кто в первой четверти XXI века еще жив, уже не могут в силу возраста и состояния здоровья активно передавать младшим поколениям сюжеты, связанные с поддержанием коллективной исторической памяти о Великой Отечественной войне. А эта историческая память отсылает к ценности народного единства, противостоянию с коллективным Западом (на тот момент европейскими государствами, воюющими как немецкие союзники на русском фронте), защите общих для бывшего единого пространства ценностей и символов.

Новым политическим элитам локальных государств постсоветского пространства не всегда выгодно сохранять память об общей борьбе против внешнего врага и общей победе над ним. В некоторых случаях элиты постсоветских республик вообще отрицают ценность борьбы с нацизмом, поскольку их современная идеология построена на культе собственного национализма и коллаборационизма (а значит, и поддержки нацизма) периода Великой Отечественной войны.

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: agr1976@yandex.ru

Прибалтика

Самым простым примером такого поведения элит являются республики Прибалтики. Они активно борются с символическими проявлениями исторической памяти, демонтируя памятники павшим советским войнам, освобождавшим прибалтийские земли от нацизма, формируя позитивный взгляд на собственных сторонников нацизма и преследуя всех, кто подвергает подобную политику разумной критике. В частности, издавая мемуары нацистских преступников – местных уроженцев, редакторы игнорируют неудобные сюжеты из их биографии. Например, Г. Цукурс – латышский летчик, совершивший перелет в Японию, – помимо воздушного туризма принимал участие в расстрелах евреев. Латышская прокуратура уже после распада СССР в течение двенадцати лет расследовала дело Г. Цукурса по статье 71 Уголовного кодекса Латвийской Республики («геноцид»). Но в итоге он был оправдан. Правда, чуть позже прокурор М. Адлерс «пришел к выводу, что заключение по этому делу было принято преждевременно» [11].

Вполне спокойно в переводе на латышский была издана книга А. Гитлера “Mein Kampf” («Моя борьба»)¹. В Латвии эта книга обогнала по популярности даже сказки о Гарри Поттере [32]. Помимо того, в 2007 году в Латвии собрались переиздать еще одну книгу, подготовленную в 1941 году немецкими оккупантами после захвата этой республики. Книга создавала из местных евреев образ гонителей латышского народа и эмоционально готовила латышей к Холокосту. В предисловии к переизданию бывший легионер латышских частей СС² К. Зуйка написал: «Повторное (после 41-го года) издание *Vaigais gads* крайне необходимо» [18].

В Эстонии в 2012 году была издана книга дружившего с А. Гитлером Д. Эккарта «Большевизм от Моисея до Ленина. Диалог между Адольфом Гитлером и мной». Ее издал финский радикал Р. Тейнонен. Он был награжден эстонским орденом. Но после того, как издатель поучаствовал в создании неонацистской организации, им заинтересовалась эстонская прокуратура. Однако дело было прекращено, поскольку «в действующем уголовном праве отсутствует норма, согласно которой его деятельность можно было бы рассматривать как преступление» [5]. Стоит напомнить, что речь шла о создании неонацистской организации.

В 2005 году в Литве вышла книга местной писательницы В. Кнабикайте «Лунный свет в темном окне». Несмотря на лирическое название, произведение было посвящено А. Гитлеру и другим руководителям нацистской Германии, которые предстали в книге «не чудовищными преступниками, а романтическими героями». Интересно, что литовский Союз писателей признал книгу значимой, и государство оплатило 30% расходов на ее издание. Одна из центральных литовских газет тоже похвалила книгу, а преступления Гитлера были скрыты за фразой о том, что «он много набедокурил» [2].

Пожалуй, самым ярким эпизодом формирования новой исторической политики в Прибалтике был конфликт вокруг «Бронзового солдата» – памятника освободителям Таллина от нацистской оккупации, установленного в 1947 году. В советское время памятник назывался по-разному. Встречается название «Памятник героям, павшим при освобождении Таллина», а также «Монумент освободителям Таллина». Однако после распада СССР, когда для Эстонии

¹ Данная книга в России внесена в Федеральный список экстремистских материалов (№ 604). Также книга запрещена в Белоруссии. На Украине книга была запрещена в 2009 году, но в 2015 году запрет на издание был снят.

² Приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге СС признана преступной организацией.

освобождение от немцев стало восприниматься как оккупация, памятник стали называть «Монумент павшим во Второй Мировой войне» [33]. Переименование оказалось некорректным, поскольку памятник был посвящен советским воинам, а рядом с памятником были захоронены исключительно советские военнослужащие, освобождавшие Таллин. В новом названии памятника это не отражалось. Во Второй мировой войне гибли солдаты обеих сторон конфликта, поэтому новое название памятника намекало на то, что монумент посвящен в том числе и солдатам Вермахта. В 2007 году эстонские власти решились на перенос памятника, бывшего одним из символов победы над нацизмом. Это вызвало протесты местного населения. Причем в протестах участвовали не только этнические русские жители Эстонии, но и собственно эстонцы, которые стремились сохранить память о победе над нацизмом. Противостояние дошло до жертв. Появились избитые, а один из защитников «Бронзового солдата», гражданин России, погиб. Хотя эстонская полиция и задержала несколько человек, тем не менее только двое из них отделались штрафами, причем не за убийство, а за избиение. Через десять лет, в 2017 году дело об убийстве было закрыто. Виновные так и не были найдены. Примечательно, что эстонское правосудие не слишком хотело обжалования такого решения, поэтому к закрытию дела постарались не привлекать внимание. Пресс-секретарь прокуратуры заявил: «Поскольку на данный момент еще возможно обжаловать закрытие уголовного дела, то прокуратура сейчас не считает правильным это постановление обнародовать через СМИ» [15].

Памятник «Бронзовому солдату» был перенесен на военное кладбище, но и там его не оставляли в покое. В 2009 году неизвестные нанесли на памятник изображение свастики, буквы «SS» и нацистское приветствие латинским шрифтом «Хайль Гитлер!»¹ [8].

Очередной всплеск агрессии против «Бронзового солдата» произошел после начала специальной военной операции России на Украине. 18 апреля 2022 года вандалы попытались спилить орден на груди «Бронзового солдата». Несмотря на политику русофобии, которую Эстония транслирует в среде своих сограждан, полиция все же возбудила уголовное дело по статье об оскорблении памяти павших. Через несколько дней вандала нашли и оштрафовали [7]. Однако 29 апреля двое неизвестных исписали стену у памятника «Бронзовому солдату» проукраинскими надписями и нарисовали свастику, но мемориал быстро очистили [9].

В том же месяце в Эстонии вандализму подверглись еще два памятника. 7 апреля вандалы измазали белой краской памятник на братской могиле захоронения советских солдат в парке Раху города Тапа, а 11 апреля неизвестные разрисовали в цвета украинского флага памятник советским воинам в городе Отепя [10]. В апреле 2022 года исполнилось 15 лет со времени переноса «Бронзового солдата», протестов, возникших на этой почве, и убийства одного из защитников памятника. Россия в очередной раз потребовала найти и наказать убийц [22], однако это никак не повлияло на ситуацию.

Через несколько дней после 9 мая 2022 года эстонский премьер-министр К. Каллас высказалась по поводу памятников советским солдатам, освобождавшим Эстонскую ССР от нацистов. Она заявила: «Следует разработать план по устранению этих памятников, и сделать это необходимо с учетом всех нюансов, ни в коем случае не осквернив могилы павших, если они там есть» [25]. Заявление, видимо, намеренно было сделано после Дня Победы, чтобы не спровоцировать протесты жителей Эстонии на 9 мая.

¹ В России запрет приветствия рассматривается с 2012 года. В Белоруссии приветствие внесено в перечень нацистской символики и атрибутики в 2022 году.

Информационное агентство «РИА новости» посчитало, что с начала 2022 года и до 11 мая того года, то есть за неполных пять месяцев, в Европе было осквернено или снесено 32 памятника советским солдатам-освободителям. Необходимо отметить, что на Украине, которая на тот момент уже находилась в состоянии военного противостояния с Россией, был отмечен всего лишь единственный акт вандализма (основная масса осквернений и демонтажа памятников началась там чуть позже). Также по одному разу отметились Молдавия, Словакия и Греция. Два памятника были осквернены в Болгарии, четыре – в Германии и пять – в Польше. Что же касается Прибалтики, то в совокупности на ее территории за первые пять месяцев 2022 года было осквернено или снесено 17 памятников советским воинам. При этом Латвия отметилась единственным случаем, Литва – четырьмя и абсолютным чемпионом по отсутствию исторической памяти и уважению памяти к борцам с нацизмом стала Эстония. На ее территории произошло 12 случаев осквернения и сноса памятников [30]. Однако Латвия, несмотря на то, что в начале 2022 года оказалась самой спокойной среди прибалтийских стран в деле борьбы с памятниками, наверстала свое после Дня Победы. 12 мая 2022 года латвийские депутаты приостановили действие той части межправительственного соглашения с Россией, которая касалась вопроса охраны памятников советским воинам [19]. В конце августа 2022 года начался демонтаж памятника советским воинам – освободителям Риги в латышской столице [31]. Снос памятников советским воинам продолжился и в других республиках Прибалтики. Так, литовскими властями был снесен монумент в Клайпеде. Причем знаковым было то, что решение о демонтаже монумента было принято 22 июня – в день, когда в 1941 году Германия вторглась в СССР, в том числе и на территорию Литовской ССР [13]. Эстонские власти в сентябре 2022 года начали демонтаж памятника советским воинам в Тарту [6]. В последующие годы снос памятников советским воинам, освобождавшим Прибалтику от нацистов, продолжился. Продолжилось и формирование национальной гордости через восхваление нацизма.

В конце 2024 года в официальном аккаунте Студенческого батальона Земессрадзэ¹ появилось поздравление с Рождеством, в котором говорилось: «В это особое время, когда мы празднуем Рождество и встречаем Новый год, мы также приглашаем вас вспомнить историю нашей страны. В 1944 году во время Рождества 19-я дивизия латышского легиона сражалась против численно превосходящих сил. В этих битвах упорство и мужество латышей стали символом силы и единства нашего народа. Мы, представители Студенческого пехотного батальона, чтим память этих героев и хотим в этот праздник пожелать, чтобы их дух вдохновлял нас и сегодня. Пусть каждый из нас вносит свой вклад в укрепление Латвии – своими делами, идеями и верой в будущее» [16]. Хотя в поздравлении не озвучена принадлежность 19-й дивизии латышского легиона, но упоминание периода, в котором она действовала, – 1944 год – указывает на то, что речь идет о 19-й добровольческой пехотной дивизии СС (2-й латышской), входившей в Латышский добровольческий легион СС. Помимо военных действий, дивизия участвовала в сожжении русских деревень и угоне в Германию мирного населения [29, с. 162–169].

Тенденция к героизации солдат частей СС в странах Прибалтики достаточно устойчива. Этого нет только в Литве, но лишь потому, что немцы не создавали из литовцев легионов СС. Хотя литовские идеологи компенсируют это героизацией собственных коллаборационистов, занимавшихся уничтожением евреев и славян. Нюрнбергский трибунал, расследуя преступления нацизма, признал СС преступной организацией: «Трибунал объявляет преступной, согласно

¹ Добровольческое ополчение Национальных вооруженных сил Латвийской Республики, выполняющее функции национальной гвардии.

определению Устава, группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе». А в предыдущем параграфе было сказано следующее: «Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов Общей СС, войск СС, соединений СС “Мертвая голова” и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС. Трибунал не включает в это число так называемые кавалерийские соединения СС» [21].

На проблему героизации СС не раз обращалось внимание в ООН. Например, в 2005 году Комиссия по правам человека приняла резолюцию, в которой выразила «глубокую озабоченность по поводу прославления нацистского движения и бывших членов организации “Ваффен СС”». В документе указывалось, что практики прославления преступной организации «оскорбляют память бесчисленных жертв преступлений против человечности, совершенных во время Второй мировой войны, и в частности преступлений, совершенных организацией СС, и отравляют сознание молодежи», а также «ведут к эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и способствуют распространению и умножению числа различных экстремистских политических партий, движений и групп». Для противодействия подобным явлениям Комиссия по правам человека признала «необходимость принятия соответствующих мер, с тем чтобы положить конец видам практики, описанным выше, и призывает государства принять более эффективные меры по борьбе с этими явлениями и экстремистскими движениями, создающими реальную угрозу демократическим ценностям» [27].

Несмотря на признание СС преступной организацией на уровне международного трибунала, историческая политика Прибалтики, как и аналогичная политика Украины, формирует патриотические и героические нарративы именно из легионеров СС. Помимо того, национальными героями становятся те, кто участвовал в карательных операциях против еврейского и славянского населения. Также происходит зачистка визуального пространства от символов освобождения от нацизма, в первую очередь памятников советским солдатам.

Молдавия

В отличие от республик Прибалтики после распада СССР Молдавия как государство изначально не конструировала собственную историческую память через отторжение общей памяти о войне и Победе. Но этим еще в СССР занимались лица, поменявшие собственную этническую идентичность с молдавской на румынскую. Помимо того, что они скорректировали собственную идентичность, ими была предпринята попытка навязать эту идентичность всем молдаванам. Молдавский язык с традиционной кириллицы был переведен на латинскую графику, да и само существование молдавского языка было поставлено под сомнение. Его стали маркировать как румынский. История Молдавии в школах уступила место истории румын. А руководящие посты в молдавской политической системе все чаще стали занимать лица, имеющие румынское гражданство. Также на территорию Молдавии была допущена Румынская православная церковь, которая попыталась вытеснить структуры Русской православной церкви. А только Русская православная церковь официально представляет собой единственную православную каноническую структуру на территории Молдавии. Таким образом, ориентированная на Запад часть молдавской политической элиты, которая сформировалась в республике, активно деформировала представления об исторической памяти, навязывая молдавскому населению историческую память соседней страны как аутентичную.

Еще в позднем Советском Союзе попытки румынизации Молдавии вызвали массовую негативную реакцию со стороны жителей левобережья Днестра, что вылилось в создание непризнанной Приднестровской Молдавской Республики, переставшей подчиняться Кишиневу, а на оставшейся части Молдавии о возможном выходе из состава республики заявили гагаузы. Румынизация молдавского сознания не смогла быстро распространиться по всей территории республики, процесс на некоторое время затормозился, но не остановился. Всплески румынизации происходили при приходе к власти прозападных сил. Но и в другое время, когда эти силы не могли выиграть выборы, никакого серьезно-го противодействия румынизации власти не предпринимали.

Румынизация молдавской идентичности напрямую связана с искажением исторической памяти о Великой Отечественной войне. Обострившаяся после распада СССР проблема того, являются ли молдаване отдельным народом или они румыны, живущие за пределами Румынии, предполагала в случае признания молдаван румынами воспринимать румынскую историю как собственную. В конце концов в Молдавии официально поменяли название языка, вместо молдавского молдаване стали говорить на румынском, хотя в реальности на другой язык они не переходили. Также в молдавское общество стал проникать румынский взгляд на историю. Этот новый взгляд требовал изменений в бытовании исторической культуры.

Нынешняя территория Молдавии не является исконно румынской, она входила в состав Румынии непродолжительное время – в период между двумя мировыми войнами румыны оккупировали Молдавию и присоединили к своей стране, но в 1940 году были вынуждены отдать эти территории Советскому Союзу, который рассматривался всеми как советская версия России. Поэтому в данном случае речь идет не просто о передаче территорий, а об их возвращении. А потом с 1941 года некоторое время Молдавия снова была оккупирована союзными Германии румынскими войсками. Тем не менее прорумынские силы в Молдавии с конца 1980-х годов стремятся сделать республику частью Румынии, а у Румынии существует другая память о войне, поскольку вплоть до 1944 года Румыния была союзником Германии.

Некоторые молдавские историки, описывая Вторую мировую войну, издавали и продолжают издавать книги «в русле истории Румынии», посвященные «не участию Молдавии в Великой Отечественной войне, а добровольному участию многих солдат Румынии (ок. 700 тыс. чел.) в гитлеровском походе на Восток» [12]. То есть информация преподносится глазами страны-оккупанта. При этом территория нынешней Молдавии вошла в состав Румынии, когда последняя оккупировала ее во время гражданской войны в России. До этого события нынешняя Молдавия входила в состав России. Тем не менее некоторые молдавские историки, объясняя вторжение румынских войск в союз с вермахтом в Молдавию, заявляли об «освобождении территорий, оккупированных Советским Союзом летом 1940 года» [12].

Молдавская школьная литература готовит детей и подростков к восприятию подобных заявлений, потому что «главным румынским героем XX века, спасителем страны, предстает в учебнике сподвижник Гитлера маршал Ион Антонеску. Авторы школьных учебников рассматривают события войны преимущественно его глазами, словно из румынско-фашистских окопов. При этом ни слова не говорится о преступлениях, в том числе – о сотне тысяч убитых румынскими оккупантами евреев. Холокост на территории Бессарабии в современных учебниках отрицается, и более того, в работах некоторых авторов ответственность за Холокост даже возлагается на самих евреев» [12].

После государственного переворота 2014 года на Украине и начала вооруженного конфликта на Донбассе, в котором украинская сторона широко

использовала нацистскую символику, а ее оппоненты из народных республик – русско-советскую, свое смысловое наполнение усилила георгиевская ленточка. Она появилась как символ Победы и памяти о Великой Отечественной войне еще до украинских событий, но при столкновении в символическом пространстве донбасского конфликта, с одной стороны, нацистской свастики, а с другой – георгиевской ленточки, последняя приобрела более мощный антинацистский смысл. Если георгиевская ленточка является символом Победы над нацистами, а также их союзниками, то ее символизм вступает в противоречие с наполнением молдавской научной и школьной литературы, в которой союзник А. Гитлера И. Антонеску представлен положительным персонажем истории.

Стремление запретить георгиевскую ленточку усилилось у молдавских проевропейских политиков с 2014 года, но тогда правительство отреагировало однозначно: «Использование в Молдове георгиевской ленточки в культурных, социальных или любых других законных целях не представляет опасности» [17]. Поэтому распространение георгиевской ленточки вызвало у ряда молдавских депутатов в 2015 году очередное стремление к ее запрету. Мотивом к запрету послужило, помимо использования ее на востоке Украины в качестве символа против украинского неонацизма, еще и то, что «георгиевская лента не имеет никакого отношения к трагедии Второй мировой войны и является фальшивым символом» [12]. Несомненно, что для унионистов¹ проигрыш Германии и, соответственно, Румынии как немецкого союзника, является трагедией Второй мировой войны, а георгиевская ленточка лишь напоминает об этом.

Ситуация усугубилась с приходом к власти в Молдавии в конце 2020 года М. Санду, имеющей помимо молдавского еще и румынское гражданство. В 2021 году в Кишиневе был открыт памятник солдатам румынской армии времен Второй мировой войны, то есть союзникам нацистской Германии. Памятник был открыт с воинскими почестями и военным оркестром, а на памятной плите была надпись «К 80-летию освобождения Бессарабии и Северной Буковины румынскими войсками». Под освобождением понималась оккупация Германией и ее союзниками западных территорий СССР. Нужно отметить, что в 1937 году, то есть в то время, когда Молдавия находилась в составе Румынии, по инициативе одного из румынских генералов на этом месте был открыт памятник, посвященный братству русской и румынской армий в период Первой мировой войны, который был утерян предположительно в 1944 году [1].

Как выразился один из молдавских учителей, установка в 2021 году нового памятника на месте ранее утерянного стала возможна после того, как молодое поколение прошло обучение по молдавским учебникам истории, которые готовились на деньги не молдавского, а румынского правительства. В молдавских школьных учебниках нет упоминания о Мюнхенском соглашении 1936 года, некоторых значимых событиях войны – Сталинградской и Курской битвах, а «оккупационный режим фашиста Антонеску» был, оказывается, «мягким». Помимо того из молдавского школьного образования полностью убран термин «Великая Отечественная война». Говорится только о Второй мировой войне. Упоминание о Великой Отечественной войне отсутствует, но историческая память о ней широко распространена, поэтому для молдавских граждан упоминание таких дат, как 22 июня или 9 мая, вполне актуально. Но учебники не дают информацию, почему эти даты так важны для жителей бывшего советского пространства. Историческая память отсылает к тому, что эти даты – начало и окончание войны, но так как в учебниках присутствует лишь Вторая мировая война, то многие школьники ошибаются в датах, выдавая

¹ Унионисты (от позднелат. *Unio* – союз) – молдавские активисты, стремящиеся к поглощению Молдавии Румынией.

дату начала Великой Отечественной войны за дату начала Второй мировой. Учебники же, не упоминая о Великой Отечественной войне, только усугубляют ситуацию [23].

Интересно, что при президенте И. Додоне, в 2017 году 9 мая стал дополнительно отмечаться еще и День Европы. Сменившая И. Додона на посту президента М. Санду и ее окружение воспользовались этой получившейся накладкой, чтобы снизить значимость Дня Победы. Молдавский премьер-министр Н. Гаврилице призвала молдаван в 2022 году не праздновать День Победы масштабно, чтобы «не пропагандировать ненависть». Взамен премьер предложила сосредоточиться на продвижении евроинтеграции [14].

В 2022 году в Молдавии была запрещена георгиевская ленточка. С одной стороны, это была попытка дистанцироваться от той части молдаван, которая поддержала СВО, от демонстрации символов поддержки, поскольку одновременно было запрещено использование в качестве символов букв «Z» и «V», также были запрещены российские новости. С другой стороны, это был удар по естественной исторической памяти, потому что под запрет попали и советские военные фильмы [14]. Все это вызвало недовольство противников евроинтеграции, но основной конфликт возник вокруг георгиевской ленточки. Обжалование запрета происходило через суд, который признал, что положение о запрете георгиевской ленты является конституционным «только в случае, если оно применимо «к фактам совершения или в целях оправдания действий военной агрессии, военных преступлений или преступлений против человечности»» [24]. Таким образом, использование георгиевской ленточки как символа Победы в Великой Отечественной войне было официально разрешено.

Молдавская элита после прихода к власти М. Санду все более однозначно ориентируется на румынскую версию истории. В 2022 году министерство культуры Молдавии заявило: «28 июня отмечается день присоединения Бессарабии к Советскому Союзу. Советские войска аннексировали районы Бессарабии, Северной Буковины и область Герца, в то время территории румынского государства» [3]. Этим заявлением было проигнорировано, что до того времени эти земли были территорией России, а Румыния оккупировала их, пользуясь ситуацией гражданской войны в России. В данном случае молдавские унионисты поступили так, как поступают носители любого национализма, – они попросту выбирали удобную для пропаганды временную отправную точку, которая их устраивала. То, что было ранее выбранной отправной точки, умалчивается, потому что не слишком соответствует идеологической сути. Помимо того, министерство культуры упомянуло, что «советский период пагубно сказался на румынской идентичности молдаван» [3]. То есть, с точки зрения министерства культуры, граждане Молдавии молдаване лишь по паспорту, а по идентичности они румыны.

Чуть позже, находясь с визитом в Литве, молдавский президент М. Санду заявила, что «Молдавия, как и Литва, имеет опыт иностранной оккупации, она подвергалась вторжению СССР и помнит об этом» [20]. В данном заявлении М. Санду права лишь отчасти. Молдавия действительно имеет опыт иностранной оккупации, но со стороны Румынии, которая сначала захватила территории Бессарабской губернии России в период гражданской войны, а потом в 1941 году оккупировала территорию Молдавской ССР. Та территория, на которой расположена современная Молдавия впервые вошла в состав Румынии именно по факту ее захвата в период гражданской войны в России.

Также не нравятся молдавскому президенту и песни о войне. Например, в конце 2022 года М. Санду заявила, что расследованием, почему в городе Бельцы дети в советской военной форме исполняли песни о войне, должны заниматься спецслужбы. В военных песнях М. Санду обнаружила угрозу национальной безопасности [28].

Вслед за Украиной Молдавия думает над сносом всех советских памятников, поскольку, по мнению некоторых политиков, «именно наличие советских памятников мешает стране двигаться в ЕС» [26]. Однако против демонтажа памятников выступают многие политики и простые люди, поэтому унионисты занялись осквернением памятников, посвященных советскому и имперскому наследию [4].

Таким образом, молдавская версия политики памяти слабее прибалтийской, потому что молдавское общество не так подвержено русофобии, как общества стран Прибалтики. Память о Великой Отечественной войне в массе молдаван не деформировалась под политическим давлением, хотя и официальная пропаганда, и школьное образование подталкивают именно к этому. Помимо того, наличие в обществе памяти о румынской оккупации, а не освобождении, как утверждают унионистские пропагандисты, позволяет сохранять молдавскую историческую память в естественном виде.

В целом в политике исторической памяти республик Прибалтики и Молдавии наблюдаются общие сюжеты, связанные со стремлением переформатировать историческую память таким образом, чтобы общества стали воспринимать своими национальными героями не освободителей от нацизма, а сторонников нацизма. В Прибалтике это во многом удалось, в Молдавии общество оказывает такой политике сопротивление. Однако и в Прибалтике (в меньшем количестве), и в Молдавии (в гораздо большем количестве) есть люди, готовые бороться за сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне и рассматривающие победу 1945 года как непреходящую ценность

Литература

1. В Кишиневе открыли памятник воевавшим на стороне нацистской Германии румынам [Электронный ресурс] // РИА новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20211026/pamyatnik-1756391538.html> (дата обращения: 23.01.2025).
2. В Литве вышла в свет книга об Адольфе Гитлере [Электронный ресурс] // Первый канал. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2005-12-15/227784-v_litve_vyshla_v_svet_kniga_ob_adolfe_gitlere (дата обращения: 12.01.2025).
3. В Молдавии назвали советской оккупацией освобождение страны от фашистов в 1944 году [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15061561> (дата обращения: 24.01.2025).
4. В посольстве России прокомментировали осквернение памятников в Молдове [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. Режим доступа: <https://eurasia.expert/v-posolstve-rossii-prokommentirovali-oskvernenie-pamyatnikov-v-moldove/> (дата обращения: 24.01.2025).
5. В Эстонии вышла прославляющая Гитлера книга [Электронный ресурс] // Взгляд. Режим доступа: <https://vz.ru/news/2012/8/30/595821.html> (дата обращения: 12.01.2025).
6. В эстонском Тарту начали демонтировать памятник советским солдатам [Электронный ресурс] // РИА новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20220912/pamyatnik-1816136973.html> (дата обращения: 12.01.2025).
7. Вандала, осквернившего «Бронзового солдата» в Таллине, оштрафовали [Электронный ресурс] // РИА новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20220426/pamyatnik-1785583039.html> (дата обращения: 12.01.2025).
8. Вандалы вновь посягнули на «Бронзового солдата» [Электронный ресурс] // РИА новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20090810/180422013.html> (дата обращения: 12.01.2025).
9. Вандалы исписали в Таллине стену у памятника советскому воину-освободителю [Электронный ресурс] // МК.ru. Режим доступа: <https://www.mk.ru/incident/2022/04/29/vandaly-ispisali-v-talline-stenu-u-pamyatnika-sovetskomu-voinuosvoboditelju.html> (дата обращения: 12.01.2025).
10. Вандалы повредили памятник Воину-освободителю в Таллине [Электронный ресурс] // РИА новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20220418/pamyatnik-1784104529.html> (дата обращения: 12.01.2025).

11. Война памяти: в Латвии обеляют нацистского палача [Электронный ресурс] // Аналитический портал RuBaltic.Ru. Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/projector/20200721-voyna-pamyati-v-latvii-obelyayut-natsistskogo-palacha/> (дата обращения: 12.01.2025).
12. *Галинский И.* Молдавия идет по пути «балтизации» исторической памяти [Электронный ресурс] // RuBaltic.Ru. Режим доступа: [tps://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/28052015-moldova/](https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/28052015-moldova/) (дата обращения: 23.01.2025).
13. *Ермолов М.* В Клайпеде 22 июня решили демонтировать мемориальный комплекс бойцам Красной армии [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/06/22/17984006.shtml> (дата обращения: 12.01.2025).
14. *Ермолов М.* Не верь, не празднуй, не смотри: зачем Молдавия запрещает георгиевскую ленту и советские фильмы [Электронный ресурс] // Газета.ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/04/15/14738660.shtml> (дата обращения: 23.01.2025).
15. Закрывается дело об убийстве в Таллине россиянина Ганина [Электронный ресурс] // Интерфакт. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/566610> (дата обращения: 12.01.2025).
16. [Официальная структура Минобороны Латвии восторгается «героями» СС]: Запись от 20.01.2025, 14.00 [Электронный ресурс] // ВКонтakte. Режим доступа: https://vk.com/wall-218033146_16580 (дата обращения: 21.01.2025).
17. *Кармазин И.* Битва за ленту: в Молдавии повторно запрещают символ Победы [Электронный ресурс] // Известия. Режим доступа: <https://iz.ru/1500952/igor-karmazin/bitva-za-lentu-v-moldavii-povtorno-zapreshchaiut-simvol-pobedy> (дата обращения: 23.01.2025).
18. Латвийские антифашисты возмущены выходом в Латвии книги Гитлера «Майн кампф» на латышском [Электронный ресурс] // Калитва.ру. Режим доступа: https://www.kalitva.ru/65891-latvijskie_antifashisty_vozmushheny_vykhodom_v_latvii_knigi_gitlera_majjn_kampf_na_latyshskom.html (дата обращения: 12.01.2025).
19. МИД Латвии сообщил РФ об остановке статьи договора об охране памятников [Электронный ресурс] // Sputnik Литва. Режим доступа: <https://lt.sputniknews.ru/20220516/mid-latvii-soobschil-rf-ob-ostanovke-stati-dogovora-ob-okhranepamyatnikov-voinam-23223972.html> (дата обращения: 12.01.2025).
20. «Мы помним эти преступления»: Санду заявила об опыте советской оккупации [Электронный ресурс] // News.ru. Режим доступа: <https://news.ru/world/my-pomnim-eti-prestupleniya-sandu-zayavila-ob-opyte-sovetskoj-okkupacii/> (дата обращения: 24.01.2025).
21. Нюрнбергский процесс: сборник материалов. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. К.П. Горшенкина (гл. ред.), Р.А. Руденко и И.Т. Никитченко. Т. 2. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. 1156 с.
22. Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ относительно 15-летней годовщины «Бронзовой ночи» [Электронный ресурс] // МИД РФ. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1810544/ (дата обращения: 12.01.2025).
23. *Ласкарь Е.* Почему в молдавском учебнике истории нет ни слова о Великой Отечественной войне [интервью Б. Шаповалова] [Электронный ресурс] // Sputnik Молдова. Режим доступа: <https://md.sputniknews.ru/20210509/pochemu-v-moldavskom-uchebnike-istorii-net-ni-slova-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-34665621.html> (дата обращения: 23.01.2025).
24. *Пашкова Л.* Суд в Молдавии объяснил, когда можно носить георгиевскую ленту [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/11/04/2023/643583879a7947550acb1e8a> (дата обращения: 23.01.2025).
25. Премьер Эстонии призвала снести «красноармейские памятники» [Электронный ресурс] // Взгляд. Режим доступа: <https://vz.ru/news/2022/5/12/1158021.html> (дата обращения: 12.01.2025).
26. Режим Санду готовит снос всех советских памятников в Молдове [Электронный ресурс] // Политнавигатор. Режим доступа: <https://www.politnavigator.net/rezhim-sandu-gotovit-snos-vsekh-sovetskich-pamyatnikov-v-moldove.html> (дата обращения: 24.01.2025).
27. Резолюция E/CN.4/2005/L.14 / Комиссия по правам человека. 61 сессия. Пункт 6 повестки дня. 6 апреля 2005 года [Электронный ресурс] / Система официальной документации Организации Объединенных наций. Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/lt/d/g05/119/98/pdf/g0511998.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.01.2025).
28. Санду: Дети, которые пьют о победе над фашизмом, должны попасть под контроль спецслужб [Электронный ресурс] // Царьград. Режим доступа: https://md.tsargrad.tv/news/sandu-deti-kotorye-pojut-o-pobede-nad-fashizmom-dolzheny-popast-pod-kontrol-speclsuzhb_686108 (дата обращения: 24.01.2025).
29. *Симиндей В.В.* «Данные злодеяния производила группа, выделенная из каждой роты»: Новые свидетельства преступлений военнослужащих 19-й латышской дивизии Ваффен-СС // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. Вып. 1 (6). С. 162–169.
30. Случаи осквернения и сноса советских памятников в 2022 году [Электронный ресурс] // РИА новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20220512/pamyatniki-1788145705.html> (дата обращения: 12.01.2025).
31. Смерть Родины: Что ждет Латвию после уничтожения советских памятников [Электронный ресурс] // РИА новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20220825/politika-1811925989.html> (дата обращения: 12.01.2025).

32. Солодов А. Книга Адольфа Гитлера «Майн кампф» стала в Латвии бестселлером [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26813/3850042/> (дата обращения: 12.01.2025).
33. Трухачев В. Образуют ли Эстонию убытки от сноса «Бронзового солдата»? [Электронный ресурс] // Правда.ру. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/world/265290-estonia/> (дата обращения: 12.01.2025).

Аннотация. В статье рассмотрена политика стран Прибалтики и Молдавии в отношении памяти о Великой Отечественной войне. В Прибалтике издаются книги местных уроженцев, ответственных за Холокост, пишутся книги, оправдывающие нацизм, переиздаются работы нацистских преступников. Также в Прибалтике активно демонтируются памятники советским солдатам. В Молдавии восхваляется румынская оккупация 1940–1944 годов, названная освобождением. Там пытаются запретить георгиевскую ленточку, ставят памятники румынским оккупантам и хотят снести памятники советским солдатам.

Ключевые слова: Прибалтика, Молдавия, историческая политика, демонтаж памятников, борьба с памятью о Великой Отечественной войне.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Alexander D. Gronsky, PhD in History, Associate Professor, Leading Researcher, Section for Byelorussia, Moldavia and Ukraine, Center for Post-Soviet Studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. E-mail: agr1976@yandex.ru

The Struggle against the Memory of the Great Patriotic War in the Baltic States and Moldavia

Abstract. The article examines the politics of the Baltic states and Moldavia regarding the memory of the Great Patriotic War. In the Baltic States, books by local natives responsible for the Holocaust are published, books justifying Nazism are written, and the works of Nazi criminals are republished. Monuments to Soviet soldiers are also being actively dismantled in the Baltic States. In Moldavia, the Romanian occupation of 1940–1944 is termed liberation and praised. In Moldavia, they are trying to ban the Saint George ribbon; they erect monuments to the Romanian occupiers and want to demolish monuments to Soviet soldiers.

Keywords: Baltic States, Moldavia, Historical Policy, Dismantling of Monuments, Struggle against the Memory of the Great Patriotic War.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

История войны – война историй

Если разделить весь корпус фальсификаций связанных со Второй мировой войной по признаку «*время и место эпизода*», значение которого преднамеренно искажается, несколько неожиданным окажется, что количество фальсификаций событий, имевших место на театрах боевых действий (фронтах), значительно – кратно – уступает количеству фальсификаций, связанных с событиями *вне фронта*.

Что подразумевает подобная классификация? События непосредственно *на фронтах* труднее фальсифицировать, сама определенность результатов (победа/поражение, взятие/оставление городов) дает меньше простора идеологическим противникам, оставляя в основном тему подсчетов потерь: «*завалили трупами*» и т.д.

Несравнимо более фальсифицируются события *вне фронта*. Они представлены во всех историях Второй мировой, но имели место *до начала* военных действий. То есть речь идет о подготовке к войне, конкретнее: о вине за войну. Пожалуй, главная тема XX века – ответственность за ее развязывание, это и есть *до фронта* в предложенной классификации. СССР, Россию обвиняют за «Пакт Молотова – Риббентропа» 1939 года. ПАСЕ (Парламентская ассоциация стран Европы) уравнила вину Германии и СССР, Гитлера и Сталина за развязывание Второй мировой, главным «триггером» войны объявив «Пакт Молотова – Риббентропа». Но и ответ: «А ваш “Мюнхенский сговор” с Гитлером был раньше, в 1938-м», – не учитывает нелинейность мировой истории, особенно в предвоенные периоды. Между «Мюнхеном» и «Пактом» – не год, а почти бесконечность, *точка разрыва* на графике функции.

Факты периода «Мюнхена»

Середина 1938 года, дневник заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса: «Люди в городе перестают пользоваться германским приветствием, выбрасывать вперед руку» [цит. по: 1, с. 184]. Историк Жак Бержье: «Летом 38-года берлинские граждане перестали отдавать Хайль!» [цит. по: 1, с. 184]. Командир 3-го берлинского военного округа, будущий казненный фельдмаршал Вицлебен, открыто репетирует захват рейхсканцелярии. Даже СС заняли выжидательную позицию.

Два расследования: немецкое 1944 года (после покушения на Гитлера) и Нюрнбергский процесс 1945–1946 годов зафиксировали: знаменитый заговор генералов 1944 года во главе с фельдмаршалами Бекком, Браухичем, Вицлебеном, Клюге (покушение на Гитлера, захват зданий в Берлине) *был*

Шумейко Игорь Николаевич, писатель, публицист. E-mail: ins2007@list.ru

запланирован на сентябрь 1938 года. Ранее армия и Гитлер свергли штурмовиков Рема («Ночь длинных ножей»), теперь очередь армии свергать Гитлера. За что? Точнее спросить: «Во избежание чего?!» Во избежание неизбежного поражения Германии в 1938 году при попытке захвата Чехословакии! Показание в Нюрнберге начальника штаба Верховного главнокомандования Германии, фельдмаршала Кейтеля:

«Мы были необычайно рады, что дело не дошло до военной операции, поскольку всегда считали, что у нас нет средств для штурма пограничных сооружений Чехословакии. С чисто военной точки зрения наша атака разбилась бы, как волна о волнолом пограничных укреплений в Судетах!» [цит. по: 1, с. 146]. Факт полузабыт, как и то, что Чехословакия – мировой лидер по экспорту вооружений 1938 года.

Необходимы оценки «с той стороны». Сэр Уинстон Черчилль наиболее достойный свидетель: министр в Первую мировую войну, премьер-министр во Вторую. Его труд «Вторая мировая война» (1951, Нобелевская премия 1952) [2, далее цит. по: 3]. Важно время его написания: не в пору союзничества Британии и СССР, тостов «за здоровье господина Сталина» в Москве, Тегеране, Ялте, а в период противостояния, холодной войны, объявленной им же, Черчиллем, в Фултоне (США).

Черчилль: «Из-за падения Чехословакии мы потеряли силы 35 дивизий. Кроме того, в руки противника попали заводы “Шкода” – второй по значению арсенал Европы, который с августа 38-го по сентябрь 39-го выпустил почти столько же продукции, что и все английские заводы за тот период» [3, с. 178].

Поможет представить «Историю войны, превратившуюся в Войну историй» официальная хроника завода «Шкода». После свидетельств уникального качества их танков, лучших на 1938 год, идет следующее: «До 1939 года заводом “Шкода” было выпущено 295 танков. К несчастью, после оккупации Чехословакии ее танки были включены в состав немецко-фашистских частей и участвовали в захвате Польши, Франции, в войне против Советского Союза. Последний танк чешского производства был уничтожен 10 декабря 1941 года при освобождении подмосковного города Клин» [1, с. 135].

10 декабря – корпоративный (в перспективе национальный) *День окончания ответственности за танки*. Подчеркнутые 295 штук – это сделанные еще для чешской армии, доставшиеся «в смазке». Но чехи умалчивают, что с 1939 года «Шкода», называясь “Hermann-Goering-Werke” (Герман Геринг Верке), всю войну выпускала немецкий танк “PzKpfw135” (тут уже счет на тысячи!), внедорожники, газогенераторные грузовики, тяжелые гусеничные тягачи.

Другой гигант, «ЧКД-Прага», стал немецким концерном “ВММ”. Производил лучший среди легких и средних танков вермахта “PzKpfw-38” (это чешский танк “TNHP-S”, мировой лидер продаж) – 1411 штук, самоходное орудие «Мердер», лучшую противотанковую самоходку той войны «Хертцер» – 2584 штуки. Тысячи чешских танков, сделанных в 1939–1945 годах, до сих пор в военных справочниках идут как немецкая продукция. «Семилетка» ударной работы на Гитлера сберегла Чехии производственные мощности и человеческие жизни.

А немецкая техника накануне гипотетического противостояния 1938 года? И это зафиксировано Черчиллем: «Триумфальное вступление в Вену было мечтой “австрийского ефрейтора”. В ночь на 12 марта 1938 года нацисты намеревались устроить факельное шествие в честь героя-победителя. И... Несмотря на отличную погоду, прекрасные условия, большая часть танков, самоходной артиллерии вышла из строя. Дорога до Вены оказалась забита. Гитлер, увидев затор, пришел в бешенство, обрушился на своих генералов. Те не остались в долгу, напомнив: Германия не готова к большому конфликту. На парад в Вену техника была доставлена... по железной дороге!» [3, с. 154–155].

То есть немецкая техника не смогла одолеть 100 км идеального автобана до Вены! Это за полгода до «Мюнхена». Создать за это время новые немецкие модели нового качества, новые серии, фактически новую бронетанковую промышленность? Фальсификаторам Истории обычно помогает популярный образ: грозно рычащие танки «Тигр», фон – музыка Вагнера. Но первые их *подразделения* (не единичные образцы) – лето 1943-го, Курская дуга. *Две трети Войны* лучшие танки вермахта – чешские.

Опыт преподавания истории в вузе, бесед со студентами подсказал мне ввести в книгу «Вторая Мировая. Перезагрузка» [1] (первое издание в 2006 году, до «обамовской» и прочих перезагрузок) экспериментальную главу: «История Второй мировой войны в 50 SMS-ках». Важные тезисы даны в формате краткого лозунга. «Чешский» был: «До советских танков 1968 года в Праге были чешские танки в Минске, Смоленске, Киеве, Сталинграде и под Москвой!».

Между вторым и третьим изданием книги «Вторая Мировая. Перезагрузка», где чешским танкам вермахта было уделено внимание, ко мне обратился известный историк, знаток «окопной правды» Валентин Николаев, задав вопрос: какой самолет был самым проклинаемым в советской пехоте? Оказывается, не «юнкерс» (и вообще бомбардировки с эффектным в кино свистом падающих бомбы гораздо более редки, чем артобстрелы). Оказывается, разведчик-корректировщик «Фокке-Вульф-189» («рама»), чье появление означало неминуемый высокоточный артобстрел, и был самым ненавистным для нашей пехоты. Высотный, чрезвычайно маневренный и практически несбиваемый самолет. А производился «Фокке-Вульф-189» на заводах... «Верк-3» во французском Бордо. (Привет нынешним, неподалеку клепаемым «Аэробусам»! Вот что значит забота о сохранении своей недвижимости и промышленного потенциала!) А еще на заводе «Аэроград» в... Праге (опять этот «Город мастеров»!).

Упомянем и чешские пушки, которые обстреливали блокированный Ленинград. Чехия – ядро гитлеровского ВПК.

Да, «Мюнхен» сентября 1938 года дал Гитлеру эту технику, но главное все же – *запас власти*, которого ему хватило до апреля 1945 года. До последних дней в бункере он перекрывал возражения генералов криком: «А где вы были в 1938-м, когда я в одиночку взял Чехословакию?!». Гитлер лишь чуть преувеличивал, забыв мюнхенских поделщиков: Чемберлена и Даладье.

Но значение этого запаса власти мешает осознать еще один штамп: знаменитый «январь 1933-го»... На одной конференции, я умышленно «подставился», удивленно переспросив: «Что же там случилось... в январе 33-го?!». Усмешки. Камера отъехала на оппонентов, уничижительно бросающих: «Не знать такое?! Да в январе 33-го Гитлер стал канцлером Германии!». И когда я кратко бросил: «Четвертым за год!» – не сразу и поняли, о чем речь. Камера вернулась, я повторил: «Отмотайте пленку назад, и окажется, что Гитлер стал канцлером четвертым за год! Брюнинг, Папен, Шлейхер, Гитлер. Четвертая пара перчаток, меняемых рейхс-президентом Гинденбургом! Эта власть перекроила мир?»

В Мюнхене Гитлер потребовал отдать ему чешские Судеты. После аншлюса Австрии Чехословакия, может, и выглядела на картах как полуокруженная немцами страна. Но, повторяя «*судетский кризис, судетские немцы*», многие забывают: пограничная полоса Судет, закрашенная коричневым, – это не «коричневая чума фашизма», а... горы. Ранее часть Судет назывались «Исполиновые горы». Сочетание горного рельефа и фортификации дает мультиплицирующий эффект (сравните: дот в чистом поле и на горном перевале). Чешская Судетская линия неизмеримо превосходила все брендовые бессмысленные «линии Мажино». А создал ту забытую Судетскую линию бывший русский генерал Сергей Войцеховский. Чешский историк

Иржи Фидлер сказал о нем: «Работал для своей новой родины на границе физических возможностей».

Чешская армия – 2 млн чел., у Гитлера 2,2 млн. По военным канонам, 2–3-кратный перевес нужен для успеха атаки даже в «чистом поле», военную технику мы уже сравнили.

На момент «Мюнхена» действовал Франко-Чешско-Советский союзный договор, но без французской помощи Чехия отказалась и от советской. Причина: *отсутствие общей границы* с СССР и категорический отказ Польши пропустить советские войска на помощь чехам вплоть до угрозы сбивания самолетов, войны (французскую помощь чехи ожидали в оказании давления на Польшу). Но французы, испугавшись Гитлера, предпочли давить на чехов: отдайте Судеты. Британский посол в Праге Ньютон: «Чехословакия – искусственное создание, не имеющее корней в прошлом. Если понадобятся оправдания перед расценивающими это как постыдную капитуляцию перед германскими угрозами, можно объяснить нашей постоянной приверженностью принципу самоопределения наций» [цит. по: 1].

17 сентября 1938 года чешский министр иностранных дел Крофта признал: «СССР делает для Чехословакии больше, чем можно требовать по договору» [1, с. 154]. Советскую решимость противостоять Гитлеру в 1938 году «герои Мюнхена» пытаются затушевать, но... в это самое время СССР уже вел с Гитлером в нынешних терминах «прокси-войну». В гораздо более удаленной Испании танкисты, летчики СССР сражались на стороне республиканцев против немецких, итальянских фашистов.

Сыграла роль другая «решимость»: Польша, отказав в пропуске советского корпуса в Чехословакию, вскоре пригрозила сбивать советские самолеты в случае установки воздушного моста. Польша за ту блокировку СССР и *участие во вторжении* получила от Гитлера из чешского наследия высокоразвитый Тешинский округ, а от Черчилля – знаменитую кличку «гиена Европы».

Англичане кроме «сдачи» Чехословакии в дни Мюнхена заключили с Гитлером свой «Пакт ненападения». Чехам объяснили: упорствуя, а тем более принимая помощь СССР, вы противопоставите себя не только Германии – всему европейскому общественному мнению. Отдайте Судеты и в новых границах получите новые гарантии. В роковую для чехов ночь 30 сентября 1938 года на совещании у президента Бенеша решали: принимать ли условия Мюнхена? По воспоминаниям чешского дипломата Яромира Смутного, против капитуляции был глава канцелярии президента Дртина, но из военных только генерал Войцеховский!

30 сентября чешская армия покидала Судеты, горные цитадели, основу обороны страны. Через пять месяцев Гитлер захватил и остальную территорию Чехословакии. Не помешай поляки в 1938 году Советскому Союзу прислать помощь (хотя бы такую, что доходила аж до Испании!), – чехи бы рискнули, а немецким генералам с их заговором не надо было бы дожидаться 1944 года.

Вышеприведенные факты иллюстрируют роль «Мюнхена» в реальном становлении режима Гитлера и качественном росте мощи вермахта. Маскируя эту роль, Запад обвиняет СССР в заключении Пакта с Германией 1939 года. Главный пункт: «Особенность Пакта – разделение сфер влияния, которое привело к разделу Польши». Да, Россия рассекретила Приложения к Пакту, в котором оговаривались сферы интересов, но...

Обычная справка: «Польша заключила с Германией свой Пакт в 1934 году, за пять лет до СССР» – еще не полный ответ обвинителям. Остается тема «раздела сфер, секретное приложение». Тут вся разница в том, что Россия свои Приложения рассекретила, Британия – нет, а Польша? Как именно

была прочерчена линия их с Гитлером раздела Чехословакии? Поляки и Запад предлагают нам поверить в абсурд: раздел страны без предварительного соглашения между «делителями»? Гуляют две армии, случайно встретились: «О, вы уже здесь? – Вежливо приподняли каски и конфедератки. – Тогда мы повернем сюда, а вы – не возражаете? – туда». Это при работающих танковых моторах, расчехленных орудиях.

Если проследить все приказы командиров (от роты и выше) по занятию городов, конкретных рубежей – несомненно, дойдет и до какого-то Протокола Германии и Польши о разделе, как бы он ни назывался! Иное в принципе невозможно: ведь с немцами поляки не сталкивались. А чешских полицейских они, кстати, убили, ранили более сотни. Цепочка приказов по движению, занятию пунктов приведет нить расследования к решениям правительств...

В статье к 75-летию Победы (2020) Президент В.В. Путин предельно вежливо поставил вопрос: «Мы не знаем, были ли какие-либо секретные “протоколы” и приложения к соглашениям ряда стран с нацистами. Остается лишь “верить на слово”. В частности, до сих пор не рассекречены материалы о тайных англо-германских переговорах. Поэтому призываем все государства активизировать процесс открытия своих архивов, публикацию ранее неизвестных документов предвоенного и военного периодов. Так, как это делает Россия в последние годы» [4].

В условиях нынешнего обострения тот вежливый вопрос 2020 года я бы заострил: «Вы предлагаете поверить, что граница в Тешине прочертилась “рандомно”: кто куда из солдат по своей инициативе добежал и воткнул флажок?» Подозреваю, ответа (на давнее российское рассекречивание своего Протокола) не будет и сейчас, но тот «Польско-Германский сговор 1938 года» необходимо озвучить на всю Европу, мир – это будет достойная новая мера к 80-летию Победы в войне, которую спровоцировали не только «мюнхенцы» Англия, Франция... но и Польша, которая до самого 1939 года набивалась в союзники для нападения на СССР.

Профессор Исторического института Варшавского университета Павел Вечоркевич, ведущий специалист по истории России и СССР, военной истории, новейшей истории Польши, автор книг «Кампания 1939 года» (2001), «Политическая история Польши 1935–1945» (2005), сожалеет: «Гитлер никогда не относился к своим союзникам так, как Сталин к странам, завоеванным после Второй мировой войны. Он уважал их суверенитет и правосубъектность, накладывая лишь определенное ограничение во внешней политике. Наша зависимость от Германии, следовательно, была бы значительно меньшей, чем та зависимость от СССР, в которую мы попали после войны. Мы могли бы найти место на стороне Рейха почти такое же, как Италия, и наверняка лучшее, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск» [6].

Приближаясь к наиболее оклеветанным пропагандистами полутора годам в истории СССР (до заключения Пакта), слово настоящему историку, сэру Черчиллю: «Английское и французское правительства предприняли попытки договориться с Советской Россией. Направили в Москву представителя. Вместо Идена эта важнейшая миссия была возложена на Стрэнга, не имевшего никакого влияния. Назначение столь второстепенного лица было фактически оскорбительным шагом. Переговоры вращались вокруг нежелания Польши и Прибалтийских государств быть спасенными Советами от Германии. Дискуссии продолжались в течение всего июля. СССР предложил, чтоб переговоры продолжили военные делегации. Англия направила адмирала Дрэкса, как оказалось, не имевшего письменных полномочий на переговоры. Военное совещание провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские

войска. Теперь мы знаем, что одновременно советское правительство дало согласие на приезд в Москву германского представителя. Молотов и его подчиненные проявили изумительные образцы двуличия во всех отношениях с обеими сторонами... На следующий день (23 августа) в Москву прибыл Риббентроп. Невозможно сказать, кому он [Пакт, как следует из контекста – *И.Ш.*] внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это лишь временная мера. Антагонизм между двумя империями был смертельным. Советы смотрели со злорадством. Они ненавидели и презирали западные демократии, а мы считали их расчетливыми эгоистами» [3, с. 204].

Так. Но быть *свидетелем* чемберленовского предательства Европы, хоть трижды *злорадным*, – не то же, что быть соучастником! И после дон-кихотских катастроф императоров Павла I, Александра I, Николаев обоих... – «расчетливый эгоизм» России, можно считать, счастливо обретенное качество!

Всю уникальность сегодняшнего идеологического противостояния России западной пропаганде поможет осознать контраст двух книг британских историков с одним и тем же названием. Популярный ныне на Западе историк Энтони Бивор в своей «Второй мировой войне», изданной и в России, о важнейшем повороте в истории мира пишет: «Затем, в октябре, Гитлер решил вторгнуться в Чехословакию. Но, к разочарованию Гитлера, Чемберлен и его французский коллега Эдуар Даладьё во время переговоров, проходивших в сентябре в Мюнхене, сами предложили ему Судетскую область в надежде сохранить мир. Это лишило Гитлера задуманной им войны, но в конечном итоге позволило завладеть всей Чехословакией без единого выстрела. Чемберлен также совершил фундаментальную ошибку, отказавшись провести консультации со Сталиным. Это определенным образом повлияло на решение советского диктатора в августе следующего года заключить с нацистской Германией пакт о ненападении. Чемберлен самоуверенно полагал, что только он сможет убедить Гитлера в том, что хорошие взаимоотношения с западными союзниками были бы в его собственных интересах. Эту же ошибку позднее повторил Франклин Делано Рузвельт в отношении Сталина» [5, с. 8]. Об исторической вине Англии, Франции, давших в Мюнхене Гитлеру запас власти, Германии – оружие, упомянуто всего лишь: «Зря не проконсультировались со Сталиным».

На других «фронтах» противостояния Гитлеру

Война приблизилась к СССР и со стороны Балтики. Мемель (Клайпеда) – важнейший порт, база, в эпоху наполеоновских войн, после падения Берлина в 1806 году (забытый факт), столица Пруссии. По Версальскому миру Мемель с округой передали Литве под международные гарантии, аналогичные данным Польше (во исполнение которых Англия Франция и вступили в войну в сентябре 1939-го). Более того, литовскую Клайпеду гарантировали еще Италия с Японией.

20 марта 1939 года Германия потребовала Мемель вернуть. Чтобы получить помощь Британии, Франции и прочих, Литва должна была хотя бы словесно отвергнуть требования Гитлера, обратиться к странам-гарантам. Литовские историки: «Конечно, больно, когда рубят руку, но глупо подставлять еще и голову». Литва согласилась. «Подставлять голову», а потом возвращать нам Клайпеду и Вильнюс (дважды, в 1940 и 1944 годах) должен кто-то другой? Кому потом счет «за оккупацию».

Благодаря Литве Гитлер *юридически безупречно* вошел в Мемель и получил мощнейшее усиление на Балтике. Но сей международный казус тоже в числе полуспрятанных, ибо имел место за *полтора года до* вхождения/присоединения Прибалтийских республик к СССР.

Еще не Великая Отечественная, но уже Вторая мировая

Советско-германский «Пакт о ненападении» 1939 года был маневром, «затягиванием времени» в борьбе с врагом, рожденным в Мюнхене. «Пакт-1939» означал, что СССР не будет защищать Польшу в случае нападения Германии. Секретным Приложением разграничивались «сферы влияния». В дни переговоров сначала с англо-французской, затем с германской делегациями СССР вели тяжелые бои с 6-й армией Японии (союзником Германии по Антикоминтерновскому пакту) на Халхин-Голе. Перемирие после полного разгрома японцев было заключено 15 сентября 1939 года. Видно, вековая инерция альтруизма/идиотизма России, заданная императорами Павлом и особенно Александром I, влияла настолько, что Европа считала СССР обязанным, имея фронт на Востоке, отказать от Пакта с Германией и защитить Польшу, неудавшегося ее союзника?

1 сентября Германия напала на Польшу. 16 сентября польское правительство бежало из разгромленной страны. 17 сентября советские войска вошли в «сходни кресы», восточные области Польши.

Русофобы, фиксируя «незащищенную!!! польскую границу», невольно выдают суть события. Если бы граница была «защищенная», шли бы советско-польские бои, можно было бы сказать, что СССР как-то повлиял на ту блиц-войну. Но, напирая на бытовую жалостность «беззащитности», лишь подчеркивают непричастность СССР к ходу, исходу Германско-польской войны, закончившейся бегством правительства 16 сентября (брошенная Варшава сопротивлялась еще несколько дней, но это проходит уже по другой графе: партизаны, подполье...). А вот кого СССР реально защитил, введя войска, – это миллионы украинцев, евреев, белорусов.

И Черчилль признаёт: «В пользу Советов нужно сказать, что им было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий. В их сознании еще не угас огненный след тех катастроф, которые потерпели их армии в 1914 году, бросившись в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Их политикой руководил не только холодный расчет, но и суровые реалии создавшейся ситуации» [3, с. 204].

Эти же «реалии» кроме присоединения Прибалтики продиктовали необходимость отодвинуть границу от Ленинграда, проведенную в эпоху Гражданской войны в нескольких километрах от города. СССР предложил Финляндии за участок к северу от Ленинграда значительно большие территории в Карелии, но согласия не получил. На отвоеванных у Швеции землях, фактически даря суверенитет новорожденной Финляндии, Россия могла бы провести границу с учетом собственной безопасности, но в период ожидания Мировой революции Ленину было «не до того». Исправлять ошибку, сопутствовавшую тому «дарению», пришлось в тяжелой войне 1939–1940 годов. Тогда же из «царского наследия» была возвращена (но без выстрела) захваченная Румынией Молдавия.

Те превентивные меры СССР до сих пор обсуждаются странами, не пожелавшими всерьез защищаться от Гитлера, решившими, сберегая свою недвижимость, людей, работать на Германию. Получается интересная логика: подождать освобождения и потом предъявить освободителю счёт за неполиткорректные военные меры. В упомянутой книге «Вторая Мировая. Перезагрузка», в главе «История Второй мировой войны в 50 SMS-ках» об этом сказано так: «Сначала Варшаву, Прагу, Вильнюс надо освободить, чтобы там могли обосноваться умники, которые расскажут, как правильно следовало их освобождать» [1, с. 312].

Логика упреждения

Вопрос: самое крупное морское сражение Второй мировой войны на Европейском театре военных действий и его участники? *Правильный ответ:* сражение 3 июля 1940 года у Мерс-эль-Кебира (побережье Алжира). По объективным параметрам (суммарный тоннаж сражавшихся кораблей, суммарный вес залпа, количество линкоров), Мерс-эль-Кебир – самое крупное морское сражение. Участники той битвы... для многих это на грани шока: англичане и французы.

Вытащен из чуланов истории Мерс-эль-Кебир отнюдь не для выигрышей пари! Для стирания лживой, политкорректной картины всего XX века. Англия не была в состоянии войны со своим вчерашним союзником, Францией. Но в июле 1940 года из-за... *теоретической* угрозы, что французы вдруг сдадут свой флот Гитлеру, решила просто его уничтожить.

Англичане показали миру свою решимость вести борьбу и свою несвязанность политкорректными правилами ведения войны. Напали на союзников, к тому же моряков, менее всего ответственных за то, что месяц назад пал Париж. Но, свидетельствует американский историк Алистер Хорн: «Именно то драматическое нападение на французский флот более всего убедило Рузвельта в намерении Черчилля (и Великобритании) продолжать войну» [цит. по: 1, с. 42].

Вдумаемся. В Европе начиная с Мюнхенского сговора чехарда, страны перебегают к Гитлеру (Румыния) или переходят с покорностью даримых домашних животных, включаются в работу. Президенту США надо для себя и страны разобраться... Что Англия останется воевать, он убедился только благодаря жестокости и коварству удара в Мерс-эль-Кебире!

А еще была Исландия. В 1940-м Гитлер напал на Данию. Та героически сопротивляется... четыре часа, потом датский король поздравил немецкого генерала Каупиша «с хорошо проделанной работой». А Британия «без объявления» войны, ультиматума, вообще без объявления чего-либо захватывает Исландию (в то время часть Дании). Просто чтоб не досталась Гитлеру. И как это оправдалось! Будь и Исландия германской, ни один полярный конвой не то что не дошел бы до Мурманска – даже и не вышел бы из Америки! Исландию – абсолютную командную высоту в Северной Атлантике – миновать было невозможно.

Все отличие превентивных мер СССР от английских фактурное. Им предстояло вести морскую блокаду, нам – держать сухопутный фронт. Потому Англия занималась «сомнительными флотами», а СССР – «сомнительными республиками» вроде Литвы, добровольно «шелушащейся» в руки Гитлеру. Держать тысячекilометровые фронты тяжелее, чем вести морские операции. Но есть еще и «послевоенная тяжесть». Сравните потоки претензий по превентивным мерам Британии: Мерс-эль-Кебир, Исландия – и по советским: в Прибалтике, Польше...

Предлагаемый термин «Большая Война» и Анти-Клаузевиц

Сумма вышеприведенных фактов требует некоторого теоретического обобщения. Именно бывший полковник русской армии, вернувшийся в прусскую в 1814 году и написавший книгу «О войне», Карл Клаузевиц, автор наиболее неприемлемой, вредной для современной России теории. Всемирно известен афоризм, выражающий суть его книги: «Война есть продолжение политики другими средствами». Клаузевица почитал Ленин, в пересказе которого афоризм был известен у нас. Муссолини, называл «О войне» «великой, подлинно фашистской книгой», когда «фашистский» значило, не ругательство, а высшую степень похвалы.

Клаузевиц дословно: «Может возникнуть мысль, что политика может выдвигать перед войной требования, которые она не в состоянии выполнить; но данная гипотеза бросает вызов естественному и неизбежному предположению, что политика знает инструмент, который намерена использовать» [цит. по: 1, с. 53].

Не пытаюсь в десяти абзацах опровергать объемный труд, я лишь процитирую историков сделавших это подробно.

Брюс Кэттон: «Отличительная особенность современной войны в том, что *она сама берет на себя командование*. Единожды начавшись, она настоятельно требует доведения до конца и по ходу действия инициирует события, оказывающиеся неподвластными человеку. Делая, как им кажется, лишь то, что необходимо для победы, люди, не замечая того, меняют саму почву, питающую корни общества» [цит. по: 1, с. 184].

Пафос Кэттона: *война – это конец политики*. В общем, о том же писал и Энгельс, имевший не связанный с Марксом свой международный авторитет военного ученого. Статьи ему заказывала и Американская энциклопедия. Он еще в 1887 году предвидел: «Для Пруссии-Германии уже невозможна никакая война кроме всемирной. <...> это была бы война невиданного ранее масштаба... 8–10 миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом Европу до такой степени... крах старых государств и их рутинной мудрости... короны дюжинами валяются по мостовым, и не находится никого, чтобы поднять их» [цит. по: 1, с. 51].

И даже замечание Троцкого: «*Современные войны* ведутся не тем оружием, которое имеется у воюющих стран накануне войны, а тем, какое они создают в процессе самой войны» [цит. по: 1, с. 51] (узнаёте реалии XXI века, СВО?), – косвенно говорит о том же. Современная война – это новая реальность.

Известно, что за три дня до того, как герои «мюнхенского сговора» собрались, Гитлер получил от Рузвельта письмо с очень интересной фразой, которая, в общем-то, к Мюнхену отношения не имела, но была все-таки очень важна: «*Социальная структура каждой вовлеченной в войну страны может рухнуть*» [цит. по: 1, с. 52]. Это о «*продолжении*» или о конце политики?

Может, истины здесь вообще нет, и прав Мао Цзэдун, выпустивший в обращение знаменитые лозунги: «Винтовка рождает власть» (скорее, за Кэттона), а потом: «Партия управляет винтовкой» (за Клаузевица)?

Еще выводы серьезных историков, разбивающих Клаузевица.

Джон Киган: «Для многих обществ война обеспечивает больше религиозные, культурные функции, нежели чисто политические». Вспомним роль Великой Отечественной в нашем сознании, воспитании поколений! По оценке Кигана, утверждение Клаузевица, «о войне как о продолжении политики» – «неполное, узкое и предельно непоследовательное» [цит. по: 1, с. 53].

Авторитетный Мартин ван Кревельд: «Если война – продолжение политики, то надо признать, что война является рациональным расширением воли государства, то есть мы имеем дело ни с чем иным, как банальным и бессмысленным клише. Более того, если война есть выражение воли государства, это означает, что она не затрагивает другие, иррациональные аспекты и мотивы, влияющие на войну» [цит. по: 1, с. 54].

Гитлер в политическом завещании помянул, может, и не к месту: «Этим я из глубины моего сердца выражаю благодарность всем вам, как единственное свое желание, чтобы вы, несмотря ни на что не захотели отказаться от борьбы, но и дальше продолжали ее против врагов отечества, неважно где, верные убеждению великого Клаузевица» [цит. по: 1, с. 55]. Историческая попка, настоящее «золото дураков», поверхностных пошляков, не представляющих что в XX веке Война не «продолжение», а Конец политики!

Мишель Гендель и целый сонм ученых как бы извиняются: «Изменились не наши интерпретации, а сама природа войны. Наши трудности в понимании Клаузевица связаны с тем, что мы живем в реальности, которая качественно отличается от той, в которой жил и работал он» [цит. по: 1, с. 55].

Рассел Уигли: «Политика имеет тенденцию становиться инструментом войны <...> война, начавшись, всегда имеет тенденцию генерировать *собственную политику* [выделено мной – И.Ш.], создавать свой собственный моментум (инерцию), делать устаревшими политические цели, во имя которых она была начата, выдвигая свои политические цели... динамика военного конфликта, особенно, когда она имеет тенденции перехода к *тотальным формам*, диктует свои ограничения и подчиняет себе политику» [цит. по: 1, с. 53].

«Тотальные формы» – еще один из синонимов, одно из измерений, того, что в книге «Вторая Мировая. Перегрузка» я условно называл Большой Войной... «Современная» (у Энгельса, Троцкого), Народная, Отечественная (у нас), «Мировая» (у всех). А еще: «*Великая мировая*» – так до 1941 года называли Первую мировую. Пока, наконец, не поняли, что и уже идущая Вторая – тоже «Мировая война».

Сегодня правозащитники, апостолы политкорректности от ПАСЕ до Голливуда, формируют стереотипы, оформляют претензии, пестуют поколения. В правильной, клаузевицкой, войне самыми достойными политиками будут: датский король, в 1940 году, *через полтора часа* после вторжения поздравивший немцев «с хорошо проделанной работой», те же чехи, литовцы. А Британия, Югославия, СССР ответственны за многие «неполиткорректные деяния»: выше перечислена лишь толика их. Предлагаемый мною термин «Большая Война» – то, что рождает новую реальность с новыми правами! «Правильно-Клаузевицкая война» для СССР началась бы только 22 июня 1941 года, и тогда польский поход 1939-го, присоединение Прибалтики 1940 года подпадают под «неправильную войну». Но *Большая, не-Клаузевицкая Война* началась в 1938-м, в Мюнхене!

Превентивные удары – неотъемлемая (чаще начальная) часть Большой Войны. Опровергнуть это – надо придумать новый термин для аншлюса Австрии, Чехословакии, Мерс-эль-Кебира, Исландии, Прибалтики – важнейшие геополитические, боевые действия *вне хронологических рамок формально объявленных «клаузевицевых» войн*. Если «война – продолжение политики» (а в сознании ПАСЕ – и продолжение политкорректности), то Россия, всегда будет виноватой, объектом претензий (зачастую и официальных, финансовых претензий). Англия, другой участник Большой Войны, в общем-то, тоже будет виноватой, но на этот случай политкорректировщики сформулировали: «*Это другое*».

С Литвой, подыгравшей Гитлеру в 1939-м, можно было поступить, как с французским флотом в Мерс-эль-Кебуре, но только в «Большой Войне»! «Клаузевицева» правильная война тогда еще не шла, потому Литва и выписывает «счет за оккупацию»!

В целом из предложенных в начале эссе классов фальсификаций условная группа «*фейки вне фронта*», то есть вне рамок правильной клаузевицевской войны (для СССР – до 22 июня 1941-го), – абсолютный рекордсмен по числу и наносимому политическому (и прочему) ущербу: от резолюции ПАСЕ, приравнявшей СССР к Германии, до финансовых претензий. Но есть еще класс фейков, в принятом стиле назовем их...

...фальсификации «за фронтом»

Речь о действиях государств, наций вне линий непосредственных боев, о мере их сотрудничества с Германским блоком или Сопротивлением ему.

В каком смысле мы имеем право назвать все «Движение Сопротивления в Европе» фейком? Не сбиваясь на пропаганду, мы все же может так его

назвать. «Движение Сопротивления в Европе» = фикция в значении оправдания стран, сотрудничавших с Гитлером, потому, что самое мощное по объективным показателям «Движение Сопротивления» было в... Германии! Мешает пониманию инерция восприятия! Даже в советских «Историях Второй мировой войны» в обязательной, дежурной главе «Движения Сопротивления в Европе» перечислялась, например, «забастовка французских шахтеров 1943 года». «Забастовка» – законная, мирная форма диалога с работодателями. «Забастовка» может стать средством, угрозой только в случае хорошо налаженной совместной работы. Только на исправно работающей шахте, заводе «забастовка» может вообще что-то значить! Если французские шахтеры 1943 года – «Сопротивление», то нынешние безработные юноши-арапчата, жгущие парижские машины, – это... ядерная война? Им, не включенным в «хозяйственный механизм», как бастовать?

Но если «Движения Сопротивления» французов, чехов, голландцев и т.д. несопоставимы с государственными потенциалами их стран на службе Гитлера – с чем их тогда корректно сравнивать? С немецким Движением Сопротивления, конечно!

Военный историк Жак Бержье: «“Красная капелла” [немецкое «Сопротивление», точнее, половина его – *И.Ш.*] определенно уничтожила более 200 000 солдат фашистского блока».

Геринг, в Нюрнберге: «“Красная капелла” погубила по меньшей мере 10 наших дивизий». Но в Германии, кроме «Красной капеллы», ориентированной на Москву, была и «Черная...»: дипломаты, высшие чиновники, фельдмаршалы, генералы. *Немецким Сопротивлением* «выбито из строя» четыре генерал-фельдмаршала (арестованы, казнены, покончили с собой): Клюге, Вицлебен, Роммель, Бек. Это больше, чем потери «на поле боя» (три генерал-фельдмаршала). *Немецким Сопротивлением* так же выбиты: шеф разведки адмирал Канарис, начальник Генштаба 1930-х годов, генерал-полковник фон Хаммерштайн-Экворд, командир 4-й танковой группы Гепнер, военный советник Гитлера Вильгельм Шейдт, Эдуард Вагнер (обер-квартирмейстер, начальник отдела снабжения генштаба), посол в Риме Хассель, глава военной администрации Франции Штюльпнагель...

Но если это Сопротивление не оправдывает Германию – тем более не оправдать государства-коллорабационисты «бастовавшими шахтерами» или... Тут история переходит в настоящий водевиль.

Гитлер выделил для захвата Нидерландов 18-ю армию: 11 дивизий. Как оказалось, сильно погорячился. 10 мая 1940 года началось *это* (термин «война» не подходит), и в тот же день практически без боя немцы заняли северо-восточные провинции Нидерландов. В тот же день прорвали укрепленную линию «Пел», а укрепленную линию «Граббе» – 12 мая. 13 мая немецкая танковая дивизия по мосту, захваченному десантом, прошла в «Крепость Голландию» (суперукрепленная центральная часть страны).

Командование деморализовано шквалом сообщений: диверсанты, парашютисты. Почувствовав «*боевой дух противника*», немцы подобрали соответствующий «стратегический маневр»: сбрасывали на парашютах чучела, специальные трещотки, имитировавшие стрельбу. Паника. Вместо попыток отбить мосты, дамбы все силы бросили на обыски кварталов. Ноль задержанных вооруженных лиц.

14 мая голландский главком Винкельман приказал войскам сложить оружие. 15 мая подписана капитуляция. Есть цифра, правда, нуждающаяся в проверке: с немецкой стороны в реальных боестолкновениях успело участвовать 16 тыс. человек, а численность голландской... как бы армии 280 тыс. человек.

Даже при отсутствии немецкого флота о боевых действиях голландского (допустим, стрелнуть по захватываемому побережью) сказать нечего. Верх героического «сопротивления» – пройти 300 миль до берегов Англии – оказался доступен не всем. Голландский крейсер «Гелдерланд» предпочел остаться, став гитлеровским «Ниобе».

«События 10–14 мая 1940 года» голландцы и беспристрастные справочники называют «война», но сопоставление с реальными войнами того периода не позволяет называть это тем же словом. «Сопротивление?», «Клоунада?» Последнее ближе, но кто расплатился за эту клоунаду?

А теперь дадим строки военного отчета: «В первую ударную группу вошли 22 бомбардировщика. Каждый нес по 2 бомбы ФАБ-250...» [7]. Похоже на репортаж 2024-го? Бомбы ФАБ? Но операция имела место в другой войне. Считая все наши атакующие группы, истребители прикрытия, в сражении участвовало более 100 самолетов, четверо пилотов получили тогда звание Героя, командир, подполковник В.И. Раков, – вторую звезду. Битва шла на Балтике. 16 марта 1944 года, потоплен немецкий крейсер ПВО «Ниобе», блокировавший Ленинград, то есть бывшего голландский крейсер «Гелдерланд». Так голландская Клоунада обернулась Геноцидом (блокада Ленинграда признана таковым). Но главный «водевиль» – далее.

Все агенты, связники, руководители голландского Сопротивления были переведены и участвовали в «радиоигре» (знаменитая операция “Das Englandspiel” – «Английская игра»). Все сброшенное Англией голландским сопротивленцам (патроны, шоколад, лекарства) шло на баланс Германии. Англия лишь после войны узнала, почему ни один из тех самолетов не был сбит.

А реальные успехи «голландских подпольщиков», попавшие в справочники, – это «изготовление фальшивых продуктовых карточек, денег, похищение продовольствия и бытовой продукции со складов». Что-то... из сериалов про «Марьину рощу» и «Черную кошку»?

Но вот набор в голландские дивизии СС – уже без водевилей и складского воровства... «*Расово близкие*» голландцы составили 23-ю танково-гренадерскую дивизию СС «Недерланд», 5-ю танковую дивизию СС «Викинг», 11-ю танково-гренадерскую дивизию СС «Нордланд», правда, с примесью швали из скандинавов и прибалтов.

Полный счет голландского вклада, семь страниц:

Национал-социалистический мотомеханизированный корпус: 8 тыс. голландцев. 1-й, 5-й, 6-й транспортные полки люфтваффе (NSKK-Regiment der Luftwaffe), из них 300 погибло в Сталинграде. Отдельно от войск СС были «голландские СС»: 3727 человек. Полиция и отдельный Полицейский добровольческий батальон СС «Нидерланды» (SS-Freiwilligen-Polizeibataillon «Niederlande») – 750 человек, строительные бригады СС (SS-Bau-Brigaden), полки, батальоны. Добровольческий легион с госпиталем: 160 врачей, 1500 голландок-медсестер. Значительная их часть релоцировалась поближе к своему крейсеру, то есть участвовала в блокаде Ленинграда.

Единственный успех «чешского Сопротивления» – убийство рейхспротектора Чехии и Моравии, шефа СД Рейнгарда Гейдриха. Семь парашютистов десантировались с британского самолета «Галифакс» (чехи по национальности, по статусу – британский спецназ) и 27 мая 1942 года обстреляли машину Гейдриха. Рейхспротектор «ехал один с водителем в своем темно-зеленом, всей Чехии известном, *открытом* Мерседесе» (исчерпывающе выразительный штрих, характеристика положения в ядре германского ВПК, Чехии). Собственно, стрелявшие не попали, но Гейдрих приказал остановить машину и пошел с пистолетом – лично перестрелять диверсантов. Один из них бросил гранату... Сегодня не по всем кварталам Парижа, Стокгольма, Берлина...

можно ездить так спокойно, в кабриолете, как Гейдрих по Чехии до инцидента с парашютистами.

Французы ежегодно поставляли Гитлеру 750 тыс. т пшеницы, 140 тыс. т мяса, 650 млн л молока, 220 млн л вина. Французские рабочие заменяли в Германии тысячи немецких, уходивших на фронт, а после своего *насильственного освобождения* отыгралась на ловле и обритии наголо своих женщин, «немецких шлюх».

Государственный потенциал стран, переданных Гитлеру, – из макромира, тамошние «Сопrotивления» – из микромира. В целом «Движение Евро-Сопrotивления» – столь же раздутый пропагандистский миф, как и «Завоевание Гитлером Европы». За тремя недельными исключениями (бои в Польше, Норвегии, Франции) картина ближе к «голландскому дивертисменту» (см. выше) и полуторачасовой «битве за Данию» с 36 погибшими. Предваряющее книги эссе 2005 года я назвал «Адольф Гитлер как трастовый управляющий ЗАО “Европа”», и ввел нумерацию: «Евросоюз-2», Брюссельский – не путать с «Евросоюзом-1», Берлинским.

Накладывание контуров этих «Европ» на картах 1940-х и 1990-х годов поражает совпадениями. Выбор «Евросоюза-2», кого бомбить, кого поддерживать в Югославии, на Украине идентичен с «Евросоюзом-1». За хорватов против сербов, за СС-Галичину против Украины Краснодона. Единственная разница – колеровка: «коричневых» западнцев 1940-х переокрасили в «оранжевых».

А причины ненависти голландцев, французов к сербам, жителям Восточной Украины? Их бомбили в составе войск НАТО или посредством унаследованных от Гитлера бандеровских подручных, изживая собственные комплексы 1940-х годов: «Ах, вы такие бесшабашные, воевали с немцами, пока мы в шахтах и публичных домах работали на них? Живой (пока) укор нам? Получайте».

Кто виноват? (Старый русский вопрос Европе)

Уинстон Черчилль в своей «Второй мировой войне» также уделил много внимания и места именно предпосылкам – тому, что в этом эссе классифицировано *«до фронта»*. О виновниках он пишет: «Немцам навязали то, что было идеалом, к которому стремились либералы Запада. Франция требовала границ по Рейну, но Англия и США полагали, что включение районов с немецким населением противоречит принципу самоопределения наций. Клемансо пришлось на это согласиться в обмен на англо-американские гарантии. А позже сенат США, не посчитавшись с подписью Вильсона, не ратифицировал гарантийный договор... Заявили, что нам нужно было лучше знать конституцию США. На Вашингтонской конференции 21 года внесли далеко идущие предложения по морскому вооружению, и англичане с американцами начали рьяно топить свои линкоры и разрушать военные базы. Это делалось на основе странной логики, согласно которой аморально разоружать побежденных, если победители тоже не лишатся оружия. Вплоть до 1931 года победители концентрировали свои усилия на том, чтобы вымогать у Германии ежегодные репарации. Но платежи могли производиться только благодаря американским займам, так что вся процедура сводилась к абсурду. Результат конференция, (Локарно, 1925) – общий гарантийный договор и арбитражные договоры между Германией и Францией, Германией и Бельгией, Германией и Польшей, Германией и Чехословакией. Остин Чемберлен получил орден Подвязки и Нобелевскую премию мира» [3].

И.В. Сталин (18 декабря 1925 года, политический отчет ЦК на XIV съезде ВКП(б)): «Локарно чревато новой войной в Европе» [8]. То есть союзники

времен войны схоже оценивали и ее предпосылки. Брат мюнхенского героя Невила, Остин Чемберлен, один из проторивших дорогу к Мировой войне получил «Нобелевку мира», получается, именно за то «проторяющее» деяние. Факт, не афишируемый сегодня, наверно, дабы не дискредитировать премию, которую ныне получают «ангелы политкорректности» Горбачев, Обама...

Именно катастрофически быстрый провал либеральной Версальской 1919 года модели послевоенного мироустройства и вынудил победителей в новой Мировой войне строить более надежную модель – Ялтинскую. Опирающуюся не на либеральные ценности (а Версаль-1919 был мировым торжеством либерализма), а на баланс сил, «сферы влияния». И даже несмотря на предательство Горбачева, развал СССР, Ялта-1945 стала надежной гарантией от мировых войн.

Арифметически простой, уровня рекламы бытовой техники, краткий вывод из самого факта празднуемого в этом году 80-летия Победы: 80 лет? – это ровно в четыре раза дольше «срока работы» *их системы*.

Литература

1. Шумейко И.Н. Вторая Мировая. Перезагрузка. М.: Вече, 2007.
2. Churchill W.S. The Second World War. London, 1951.
3. Черчилль У. Вторая мировая война / пер. А.И. Усачевой. Минск: Харвест, 2003.
4. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527>
5. Бивор, Энтони Вторая мировая война М.: Колибри; Азбука-Аттикус, 2014,
6. Rzecz pospolita. 2005. 28 сентября.
7. Шумейко И.Н. Стало понятно, как Франция и Нидерланды воевали на стороне фашистской Германии: От клоунады до геноцида один шаг [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 2024. 11 августа. Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2024/08/11/stalo-ponyatno-kak-franciya-i-niderlandy-voevali-na-storone-fashistskoy-germanii.html>
8. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л., ГИЗ, 1926; [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B4%

Аннотация. В статье анализируются западные фальсификации о войне, крайне слабо представленные как в научных исследованиях, так и в массовой публицистике в России и в мире в целом. Опираясь на соответствующие источники, автор демонстрирует роль мюнхенских соглашений 1938 года в реальном становлении режима Гитлера и качественном росте мощи вермахта. Маскируя эту роль, Запад обвиняет СССР в заключении Пакта с Германией 1939 года. Превентивные меры СССР до сих пор обсуждаются странами, не пожелавшими всерьез защищаться от Гитлера, решившим работать на Германию. Среди малоизвестных фактов роль чешского ВПК в германской военной мощи, юридически безупречная сдача гитлеровской Германии литовских портов; нападение английского флота на французский и проч. Публикация данных фактов делает их широким достоянием общественности и помогает лучше понять суть нынешнего противостояния России и коллективного Запада.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, политика исторической памяти, фальсификация истории.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Igor N. Shumeiko, Writer, Publicist E-mail: ins2007@list.ru

History of War – War of Histories

Abstract. In the article the author analyzes Western falsifications about the war that are thinly represented in scientific research and mass publications in Russia and other countries. On the basis of relevant sources the author demonstrates the role of Munich agreements of 1938 in the real formation of Hitler regime and qualitative growth of Wermacht power. Trying to disguise this role, the West accuses USSR of signing the Pact with Germany in 1939. USSR preventive steps are still discussed in the countries, which didn't want to seriously fight against Hitler and decided to work for Germany. Among little known facts is the role of Czech military-industrial complex in German military power; legally irreproachable surrender of Lithuanian ports to Hitler's Germany; English navy attacks of the French one, etc. Making these facts public allows to understand better the essence of confrontation between Russia and the collective West.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, Historical Memory Policy, History Falsification.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

© Игорь Шумейко, 2025

Не забыть и не простить

{ Раздел третий }

К.В. Шевченко

*Чехи на службе Третьего рейха: зигзаги исторической политики
во Второй Чехо-Словацкой республике и в Протекторате
Богемия и Моравия в 1938–1945 годах*

Н.В. Селюкина

*Проблема наказания нацистских преступников и их пособников
в контексте сохранения исторической памяти о Великой Отечественной
войне. Подходы, примеры, перспективы*

О.Г. Казак

*Коммеморация бойцов Армии Крайовой в Беларуси в 1990-х годах:
акторы, инструменты, результаты*

Н.В. Селюкина

*Исторический анализ судебного преследования нацистских пособников
из литовских полицейских батальонов: на примере Антанаса Гецевичюса*

Чехи на службе Третьего рейха: зигзаги исторической политики во Второй Чехо-Словацкой республике и в Протекторате Богемия и Моравия в 1938–1945 годах

Мюнхенское соглашение, заключенное в ночь с 29 на 30 сентября 1938 года в столице Баварии лидерами нацистской Германии и фашистской Италии Гитлером и Муссолини, а также премьер-министрами Великобритании и Франции Чемберленом и Даладье, предусматривало насильственное отторжение от Чехословакии всех территорий, населенных судетскими немцами, и их последующую передачу нацистскому Третьему рейху в период с 1 по 10 октября 1938 года. Показательно, что во втором пункте Мюнхенского соглашения специально оговаривалось, что не будет произведено «никаких разрушений имеющихся сооружений» и что «чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений» [2, с. 256]. Таким образом, творцы Мюнхена в лице премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена и премьер-министра Франции Э. Даладье проявили трогательную заботу о том, чтобы гитлеровская Германия в целостности и сохранности получила мощные чехословацкие оборонительные сооружения и многочисленные промышленные объекты, расположенные в Судетской области.

Одновременно с мюнхенской экзекуцией чехов со стороны Германии, Италии, Великобритании и Франции Чехословакия стала жертвой соседней Польши, которая, координируя свои действия с Гитлером, предъявила Чехословакии ультиматум в период Мюнхена и с начала октября 1938 года одновременно с Германией начала оккупацию чешской Тешинской Силезии, приняв, таким образом, совместно с Гитлером прямое участие в расчленении чехословацкого государства. Примечательно в этой связи, что польские диверсионные группы начали активно действовать на чехословацкой территории еще до начала конференции в Мюнхене [2, с. 229]. Завершающим аккордом мюнхенской экзекуции Чехословакии стала оккупация Венгрией в ноябре 1938 года территории Южной Словакии и южной части Подкарпатской Руси, где значительную часть населения составляли этнические венгры. В результате Мюнхена страна лишилась населенных судетскими немцами и венграми стратегически важных и экономически развитых обширных приграничных областей, что, по сути, означало превращение Чехословакии в совершенно нежизнеспособное квазигосударственное образование, дни которого были сочтены [15, с. 363].

Очевидец и участник данных драматических событий, будущий генерал и президент социалистической Чехословакии Людвик Свобода, служивший тогда в чехословацкой армии в должности командира пехотного батальона,

Шевченко Кирилл Владимирович, доктор исторических наук, доцент, заведующий Центром евразийских исследований Филиала РГСУ в Минске, профессор кафедры правовых дисциплин Филиала РГСУ в Минске. E-mail: shevchenkok@hotmail.com

в своих мемуарах оценивал Мюнхенское соглашение как «ярчайшее свидетельство того, что европейские парламентские демократии, уже годами пребывавшие в состоянии глубокого кризиса, пали в своей политике на самое дно» [14, с. 144]. По образному и удачному выражению одного чешского публициста, карта послевоенного чехословацкого государства своими очертаниями напоминала «труп, обглоданный гиенами», а подавляющее большинство населения Чехословакии превратилось в «ходячих мертвецов, которые стремились исключить реальность из своей повседневной жизни» [8, с. 161].

Разрушительные последствия Мюнхена вызвали колоссальные внутриполитические потрясения в Чехословакии, оказав серьезное влияние и на традиционно проводившуюся здесь политику исторической памяти. В созданной в результате мюнхенского кризиса так называемой Второй Чехословацкой республике главное место в общественной и политической жизни быстро заняли правые и крайне правые политические силы, представленные прежде всего аграрной и национально-демократической партиями, а также различными фашистскими и полуфашистскими структурами, которые в той или иной степени ориентировались либо на нацистскую Германию, либо на фашистскую Италию. Это проявилось, в частности, в запрете коммунистической и других левых партий, в принятии серии антисемитских законов и в резком ужесточении цензуры. Более того, в начале марта 1939 года еще до образования Протектората Богемия и Моравия по решению правительства Чехословакии были созданы два концлагеря – в г. Лети в Южной Чехии и в г. Годонин в Южной Моравии, где по примеру нацистского рейха происходило физическое уничтожение цыганского населения [4, с. 77].

Полностью ориентировавшееся на нацистский Берлин политическое руководство Второй Чехословацкой республики категорически отвергало либеральное идейное наследие президентов Масарика и Бенеша, а также ориентацию на западные демократии и парламентаризм, которые были официально объявлены «корнями зла» [13, с. 87]. Главным образцом для подражания стал нацистский Третий рейх, в вассальной зависимости от которого оказалась послевоенная Вторая республика. Именно поэтому идейной основой Второй республики сразу же стал ярко выраженный национализм с оттенком расизма, позаимствованный у немецких нацистов принцип вождизма, а также культ «крови и почвы», воинской доблести и дисциплины. Все это было позаимствовано из идейно-политического багажа германского нацизма и весьма умело адаптировано к специфическим чешским условиям.

В политике исторической памяти в период Второй республики самое важное изменение заключалось в полном и категорическом ниспровержении с политико-идеологического пьедестала столь любимой Масариком гуситской и национально-возрожденческой традиции. Вместо нее доминирующее положение занял воинствующий католический фундаментализм авторитарного толка. Главным символом чешского католицизма традиционно являлся святой Вацлав – чешский князь из раннефеодальной династии Пржемысловцев, который активно способствовал христианизации чешских земель в начале X века и после своего поражения от германского короля Генриха Птицелова в 929 году был вынужден признать вассальную зависимость Чехии от соседней Германии. Впоследствии, в 935 году, Вацлав стал жертвой своего младшего брата Болеслава.

Показательно в этой связи, что 30 ноября 1938 года сразу после своего избрания на пост президента Второй Чехословацкой республики (Чехо-Словакии) Э. Гаха, демонстративно стоя на коленях перед пражским архиепископом кардиналом К. Кашпаром, приложился к мощам святого Вацлава, облобызав его череп. Уже на следующий день после этого показательного ритуала новое правительство Второй республики во главе с лидером аграрной партии Бера-

ном после принесения присяги на верность начало свою работу с церковной службы и общей молитвы министров. Подобные демонстративные ритуалы, совершенно невозможные в период подчеркнуто светской и даже антиклерикальной Первой Чехословацкой республики, свидетельствовали об уверенном возвращении фигуры святого Вацлава на государственный пьедестал и убедительно демонстрировали консервативный и ярко выраженный авторитарный характер нового режима [13, с. 87].

Типичными представителями чешского католического лагеря в это время были консервативно настроенные прелаты, воинственные католические интеллектуалы и католические фашисты и полуфашисты разных оттенков, которые стремились как можно быстрее взять реванш за свое маргинальное положение в период Первой республики. Характерно, что сторонники умеренного католичества, выступавшие за диалог с секуляризованной частью общества, сразу оказались на обочине общественно-политической жизни. Более того, фанатично настроенные католические фундаменталисты под лозунгом «Католичество – это закон!» стремились полностью подчинить государство церковной власти, объединив воинствующий католицизм в единое целое с чешской национальной идентичностью.

Под знаменем святовацлавской традиции и культа святого Вацлава во Второй Чехословацкой республике был проведен целый ряд политических и культурных чисток весьма радикального характера. По справедливому и весьма меткому замечанию чешского историка Я. Ратая, «политическая слепота, стремление к мести, ненависть к демократам и любым идейным оппонентам привели чешских интегральных католиков в лагерь открытых сторонников нацизма» [13, с. 88]. Без всякого преувеличения можно констатировать, что трансформация общественно-политической жизни в период существования Второй Чехословацкой республики в полной мере подготовила почву для возникновения Протектората Богемия и Моравия, в значительной степени предопределив его идейное наполнение.

Полная оккупация Чехии и Моравии германским вермахтом в марте 1939 года, ликвидация Второй республики и провозглашение созданного по указу Гитлера Протектората Богемия и Моравия в составе нацистской Германии дали мощный толчок дальнейшему развитию тех тенденций в политике исторической памяти, которые в полной мере проявились еще в период Второй Чехословацкой республики. Определяющим фактором, имевшим решающее влияние на политику исторической памяти в протекторате, стал тотальный массовый коллаборационизм и полное подчинение чешских земель интересам германского Третьего рейха. Примечательно в этой связи, что статья 3 гитлеровского указа об образовании Протектората Богемия и Моравия устанавливала автономию и самоуправление протектората с характерной оговоркой о том, что их объем и реализация определяются исключительно «политическими потребностями Рейха» [5, с. 69].

Весьма символичным было и то обстоятельство, что уже вечером 15 марта 1939 года, то есть сразу же после оккупации Чехии вермахтом, в Прагу счел необходимым лично прибыть вождь нацистского рейха А. Гитлер, который демонстративно и по-хозяйски разместился в резиденции чехословацких президентов на Пражском Граде, не отказав себе в удовольствии продемонстрировать тем самым свой полный триумф в решении «чехословацкого вопроса» [9, с. 21].

В области политики исторической памяти руководство Протектората Богемия и Моравия сразу же сделало ставку на ту форму чешской исторической государственности, которая существовала до начала Первой мировой войны в период пребывания чешских земель в составе империи Габсбургов.

Образование независимой Чехословакии в октябре 1918 года, ставшее возможным только после окончания Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгрии, трактовалось протекторатными идеологами как неестественное, аномальное и искусственное явление, принесшее чехам исключительно пагубные последствия. Так, один из ведущих идеологов и публицистов Второй республики Э. Вайтауэр, рассуждая о специфике чехословацкой государственности в межвоенный период и имея в виду Версальскую систему, афористично заметил, что «кассир в Версале выплатил нам значительно больше, чем был должен. Возвращать полученную нами переплату, которую мы в течение 20 лет тратили как хотели, очень нелегко» [13, с. 88].

Наметившееся еще в период Второй Чехословацкой республики негативно-критическое отношение к полученной в 1918 году независимости в специфических условиях протектората значительно усилилось и стало доминирующим. Однако если в период Второй республики имела место скорее австро-славянская ностальгия и трактовка распавшейся Австро-Венгрии как идеального места для успешного развития чешского народа, то в протекторатных условиях привычный и в целом комфортный для чехов австрославизм, являвшийся важным элементом чешской политики еще с середины XIX века, проделал существенную эволюцию, превратившись в своеобразный германославизм. Это выражалось в том, что протекторатная пропаганда трактовала чехов как самый развитый славянский народ, который не только с цивилизационной, но и с расовой точки зрения являлся наиболее близким к германским народам Европы и традиционно находился «под защитой» нацистского Третьего рейха [13, с. 88]. Акцент при этом предсказуемо делался на «арийскости» и «расовой близости» чехов к немцам; «славянскость» чехов и славянская тематика в целом стали фигурой умолчания. Все это находилось в кричащем противоречии с культурно-национальными традициями чехов в XIX – первой трети XX века, когда Чехия являлась одним из ведущих интеллектуальных центров славянского движения и идеологии славянской взаимности.

Подобная пропагандистская уловка протекторатных идеологов полностью гармонировала с теориями некоторых судето-немецких историков, этнографов и социологов, которые в своих трудах трактовали чехов как народ преимущественно «германского происхождения». Так, например, уроженец Северной Чехии, известный судето-немецкий этнограф и социолог Карл Валентин Мюллер, который с 1941 года занимал должность профессора Пражского немецкого университета, в своих научных работах доказывал, что процесс этногенеза чехов в эпоху раннего Средневековья представлял собой сложный симбиоз «германского и славянского биологического и культурного компонентов при решающей роли германского элемента» [6, с. 30]. Данные откровенно псевдонаучные теории были призваны подготовить идеологическое и академическое обоснование необходимости полной германизации большей части чешского населения, которая трактовалась как некое возвращение к «исторической справедливости» и которая должна была начаться сразу после военной победы гитлеровской Германии. Кроме того, в протекторате в период Второй мировой войны активно издавались и распространялись, в том числе и на украинском языке, «научные труды» немецких историков и этнографов из Германии, где пропагандировалась нацистская расовая теория и доказывалось, что «с расовой точки зрения никаких “славян” не существует вообще...» [1, с. 7].

Принципиально важным тезисом официальной протекторатной пропаганды было утверждение о существовании исторически длительного и взаимовыгодного «чешско-немецкого сотрудничества» и о возможности для чехов получить практическую пользу от германской агрессии; при этом, однако, всячески замалчивался и скрывался тот совершенно очевидный для

подавляющего большинства чехов факт, что окончательной целью нацистской Германии в «чешском вопросе» была полная ликвидация чешского народа путем сочетания трех факторов – ассимиляции, депортаций и физического истребления. Образованный по указу Гитлера Протекторат Богемия и Моравия должен был стать практическим орудием реализации данной цели.

В условиях протектората в период войны главной целью его политического руководства было тщательное выискивание и продвижение любых исторических аргументов, способных убедительно обосновать естественный характер и легитимность вассальной зависимости чешских земель от Германской империи. Целенаправленная и активная работа в этом направлении началась еще в период существования Второй Чехословацкой республики по прямому указанию премьер-министра Берана и президента Гахи. Чрезвычайно удобной для реализации данной цели оказалась именно святовацлавская традиция, в частности то обстоятельство, что чешский князь Вацлав после вторжения в чешские земли саксонских и баварских войск был вынужден подчиниться и признать ленную зависимость Чехии от германского короля из саксонской династии Генриха I Птицелова.

В дальнейшем это обстоятельство стало важной государственно-правовой предпосылкой вхождения чешских земель в состав Священной римской империи германской нации, провозглашенной в 962 году. Умело актуализируя данный аспект святовацлавской традиции, католический публицист Б. Станек пафосно призывал чешское общество «идти путем святого Вацлава», ожидая при этом, что «современная Германия будет относиться к нам с тем же тактом и благородством, с какими относился к Чехии и к нашему святому Вацлаву король Генрих I, предоставивший чешским землям все возможности политического, экономического и культурного развития» [13, с. 90].

Сразу после официального провозглашения Протектората Богемия и Моравия, созданного 16 марта 1939 года по указу Гитлера в качестве автономной единицы в составе Третьего рейха, привычная интерпретация святовацлавской традиции была трансформирована таким образом, что мотивы подчиненности чешских земель Германии, закономерности и естественности данного явления и связанных с этим выгод стали доминирующими. По сути, политика исторической памяти в протекторате стала весьма изобретательно и эффективно обслуживать примечательный лозунг, выдвинутый чешским главой протектората Э. Гахой: «Быть добрым чехом и благонадежным подданным рейха!». Данный лозунг можно считать квинтэссенцией чешского протекторатного коллаборационизма.

Глава протектората Э. Гаха и обслуживавшие его протекторатные идеологи в лице журналистов и публицистов проявляли чудеса креатива, стремясь максимально адаптировать святовацлавскую традицию к текущим политическим потребностям, в первую очередь актуализировав существовавшую в Средние века государственно-правовую связь между Чехией и Священной римской империей германской нации таким образом, чтобы максимально легитимизировать существование Протектората Богемия и Моравия в составе нацистского Третьего рейха.

Как отмечает современный чешский историк Я. Ратай, в конкретном выражении это прежде всего предполагало обязанность чехов как малого народа принять защиту «со стороны великого народа», твердо усвоить, внедрять и применять на практике «национал-социалистические ценности» с их расовой антиславянской теорией, а также добросовестно служить германскому рейху, всячески содействуя его победе в войне со странами антигитлеровской коалиции, и бороться с местным движением Сопротивления [13, с. 91].

Что касается конкретных обязательств со стороны германского сюзерена в отношении своего чешского вассала, то они, как полагали протекторатные идеологи, должны были выражаться в сохранении национально-культурной автономии протектората со стороны германского рейха. Впрочем, вожди нацистского рейха предсказуемо не воспринимали всерьез все эти тщательно выстроенные протекторатно-коллорационистские идеологические конструкции и потуги. В этом отношении принципиально важным является то обстоятельство, что Протекторат Богемия и Моравия с его формально автономным статусом в рамках рейха с самого начала рассматривался руководством нацистской Германии лишь как временная и вынужденная мера, необходимая для осуществления эффективного контроля над чешским населением в ходе войны поскольку протекторат с его развитой военной промышленностью, транспортной инфраструктурой и чешской квалифицированной рабочей силой был исключительно важным экономическим ресурсом для Третьего рейха [3, с. 63].

После предполагаемой победы Германии в войне и успешной германизации большей части чешского населения, которая уже начала постепенно осуществляться на территории Протектората Богемия и Моравия, нацистские власти планировали «разделение протектората с включением его частей в состав соседних административных единиц Третьего рейха» [7, с. 17]. Таким образом, о чехах как о самобытном славянском народе, их автономном статусе и об их былой государственности в новой гитлеровской Европе не должно было остаться даже воспоминания.

Как обоснованно замечает чешский историк Я. Ратай, интерпретация святовацлавской традиции в протекторате в полной мере соответствовала «фальсификациям чешской истории в германском рейхе и среди судето-немецких ученых. Князь Вацлав был использован для обоснования легитимности и естественности включения чешских земель в состав Германской империи и придания активному коллаборационизму статуса нормального и даже желаемого явления, соответствующего всем нормам морали. Показательно, что уже 19 марта 1939 года, то есть всего несколько дней спустя после провозглашения Протектората Богемия и Моравия, политический секретарь главы протектората Э. Гахи Й. Климент в газете “Народни политика” опубликовал статью под характерным названием “Возрождение Священной римской империи”, в которой с вассальной гордостью декларировал, что чехи стали неразрывной частью обновленной германской империи и что они по примеру своих предков должны стремиться к тому, чтобы их считали лучшей частью империи, “золотым ожерельем германского рейха”» [13, с. 91].

Креативные протекторатные идеологи реанимировали святого Вацлава прежде всего как «первого осознанного глашатая и выразителя необходимости соглашения чехов с рейхом и одновременно как национального святого» [13, с. 91]. Образ святого Вацлава был изображен на самой крупной протекторатной банкноте достоинством пять тысяч крон. Более того, с образом святого Вацлава был связан и самый масштабный в протекторате кинематографический проект, призванный запечатлеть святого Вацлава именно в таком идеологическом формате, который был необходим протекторатной пропаганде. Однако в силу различных организационных и технических причин съемки крупномасштабного художественного фильма «Святой Вацлав», призванного стать одним из самых мощных инструментов протекторатной кинопропаганды, так и не были завершены – к вящему облегчению многих чешских актеров и режиссеров, стремившихся избежать участия в этом сомнительном пропагандистском проекте.

Наиболее ярким и одновременно позорным для чехов эпизодом практического использования святовацлавской традиции в интересах Третьего рейха и протекторатной пропаганды стала торжественная церемония

передачи ключей от чешских коронационных драгоценностей главой протектората Э. Гахой исполняющему обязанности рейхспротектора обергруппенфюреру СС Р. Гейдриху 19 ноября 1941 года в храме Святого Вита в Пражском Граде. Данная церемония убедительно символизировала полнейшее господство нацистского рейха над чешским народом и чешскими землями и рабскую покорность чехов нацистской Германии.

Еще одним показательным примером подобного рода была устроенная 3 июля 1942 года у памятника святому Вацлаву на Вацлавской площади в историческом центре Праги массовая проправительственная манифестация чехов, в ходе которой было осуждено покушение на и.о. рейхспротектора Гейдриха, совершенное группой направленных из Великобритании чехословацких десантников. В своем выступлении на этой массовой коллаборационистской манифестации глава протекторатного правительства Й. Крейчи от имени всего чешского народа осудил покушение на Гейдриха, заклеил Э. Бенеша и возглавляемое им эмигрантское правительство как главных врагов чешского народа и заявил о верности всех чехов Великогерманской империи. Показательно, что это яркое проявление массового чешского коллаборационизма, в котором приняли участие десятки тысяч чехов, имело место именно у памятника святому Вацлаву в символическом центре чешской столицы – там, где 28 октября 1918 года, то есть всего двадцать четыре года назад, была торжественно провозглашена независимая Чехословакия.

Впрочем, Гитлер и прочие вожди Третьего рейха воспринимали столь тщательно выстроенную протекторатными идеологами коллаборационистскую идеологическую конструкцию как «смешной формализм» [13, с. 92]. Для руководства нацистской Германии протекторатная автономия и чешская псевдосударственность были лишь временным механизмом эффективного управления чешским населением во время войны до наступления завершающего этапа решения «чешского вопроса», в результате которого чехи как самобытный славянский народ должен был исчезнуть навсегда не только с политической, но и с этноязыковой карты тогдашней Европы. Завершающий этап решения «чешского вопроса» по давно подготовленному нацистскому сценарию не наступил только благодаря победе СССР над нацистской Германией в мае 1945 года.

Использование святовацлавской традиции в интересах Третьего рейха достигло своего апогея и одновременно логического завершения в интерпретации главного пропагандиста Протектората Богемия и Моравия Э. Моравца. Так, в одном из своих выступлений Моравец заявил о том, что «верность святому Вацлаву означает верность рейху, к которому князь Вацлав питал самые теплые чувства. Возглавляемое Моравцем протекторатное управление по воспитанию молодежи использовало образ князя Вацлава как мистического и при этом немилосердного вождя, который вел своих «арийцев-чехов» в бой против евреев, чехословацкого эмиграционного правительства в Лондоне, движения Сопротивления и стран антигитлеровской коалиции» [13, с. 93]. Показательно, что протекторатная пропаганда всячески подчеркивала именно «арийскость» чехов, всячески избегая каких-либо упоминаний об их славянской принадлежности.

В этом же духе работали и протекторатные средства массовой информации. Так, для нейтрализации прославянских и просоветских настроений среди чешской общественности, усилившихся после нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 года, протекторатное радио начало с 15 июля 1941 года цикл пропагандистских передач под названием «Чех не может быть большевиком». В одной из радиопрограмм в рамках данного цикла чешский протекторатный журналист А. Кршиж убеждал чехов в том, что «славянство и патриотизм являются лишь одним из жидо-большевистских обманов» [12, с. 196]. Последним откровенно позорным примером использования

святовацлавской традиции в интересах Третьего рейха можно считать организацию так называемой Святовацлавской добровольческой роты в марте – мае 1945 года в составе 77 чешских солдат, которые должны были вместе с германским вермахтом участвовать в боях с наступающей Красной Армией.

После окончательного освобождения Чехословакии от нацистской оккупации в мае 1945 года вплоть до прихода к власти коммунистов в феврале 1948 года политика исторической памяти в этой стране в основном вернулась к той модели, которая существовала здесь в период Первой Чехословацкой республики в 1918–1938 годах. При этом многие бывшие протекторатные коллаборационисты из числа журналистов сумели стремительно сменить свою идеологическую окраску, буквально за ночь превратившись из активных сторонников Гитлера в пламенных антифашистов и приверженцев СССР и Сталина.

Так, одна из ведущих пражских газет «Народни политика», еще 4 мая 1945 года патетически воспевавшая подвиги нацистских вояк и горько оплакивавшая смерть «Вождя Адольфа Гитлера» [10, с. 1], после нескольких дней красноречивого молчания уже 11 мая 1945 года опубликовала на своей первой странице пространную речь Сталина к советскому народу с подобострастными комментариями и с энтузиазмом приветствовала «великий день победы над Германией» [11, с. 1]. Забавно отметить, что главным редактором этой газеты все это время оставался один и тот же человек – доктор Вацлав Йиржина. Подобные примеры были далеко не единичны.

Протекторатные традиции с их ярко выраженным пронацистским идейным наполнением оказались глубокими и весьма живучими среди значительной части современной чешской политической и интеллектуальной элиты, что периодически дает о себе знать. Примечательно в этой связи, что официальная Прага с самого начала полностью солидаризировалась с необандеровским режимом в Киеве, оказывая ему всемерную поддержку и закрывая глаза на его откровенно неонацистскую сущность и на многочисленные преступления против мирного населения Донбасса и Новороссии.

Наиболее вопиющим человеконенавистническим проявлением современного чешского протекторатного неонацизма стало демонстративно-эпатажное заявление известного чешского политика, сенатора М. Немцовой, сделанное 27 января 2025 года в годовщину снятия блокады Ленинграда о необходимости резко ужесточить антироссийские санкции дабы Россия вновь испытала на себе опыт блокадного Ленинграда времен Второй мировой войны.

Литература

1. *Баєр Г.Й.* Доля поляків: Раса – народна вдача – племінна порода. Прага: Видавництво Ю. Тищенко, 1944.
2. Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой. М.: Кучково поле, 2018.
3. *Шевченко К.В.* Славянский треугольник: Альянс Варшава – Москва и Пражская весна 1968 года. Минск: Колорград, 2022.
4. *Шевченко К.В.* Луицкий вопрос и Чехословакия: 1945–1948. М.: Модест Колеров, 2004.
5. *Beneš E.* *Odsun Němců.* Výbor z paměti a projevů doplněný edičními přílohami. Praha, 1995.
6. *Lozoviuk, Petr.* Etnicita a nacionalismus v diskurzu 20 století. Příspěvek intelektuálů z českých zemí ke studiu kolektivních identit. Brno: MUNI, 2012.
7. *Hořejš M.* *Protectoratní Praha jako německé město.* Praha: Mladá fronta, 2013.
8. *Kuras B.* *Češi na vlásku.* Příručka národního přežívání. Praha: Baronet, 1999.
9. *Liška V.* *Éra hákového kříže.* Protektorát. Praha: Nakladatelství XYZ, 2018.
10. *Národní politika.* 1945. 4 května. Ročník LXIII. Číslo 106. S. 1.
11. *Národní politika.* 1945. 11 května. Ročník LXIII. Číslo 116. S. 1.
12. *Pinard P.R.* *Aloiz Kříž a cyklus rozhlasových relací "Co víte o Židech a zednářích?" // Terezínské studie a dokumenty 2005 / ed. Jaroslava Milotová.* Praha: Institut Terezínské iniciativy, 2005. S. 193–231.

13. *Rataj J.* Politické proměny symboliky svatováclavské tradice a tradice 28. října v moderních československých dějinách // Spory o dějiny II: Sborník kritických textů / ed. Miloslav Bednář. Praha: Masarykův ústav AV ČR, 1999. S. 84–97.
14. *Svoboda L.* Cestami života. I. Praha: OREGO, 1996.
15. *Vykoupil L.* Slovník českých dějin. Brno: Julius Zirkus, 2000.

Аннотация: В статье анализируется процесс трансформации политики исторической памяти во Второй Чехословацкой республике, возникшей после Мюнхенской капитуляции Чехословакии в сентябре 1938 года, и в Протекторате Богемия и Моравия, созданного Гитлером после окончательной оккупации Чехии в марте 1939 года. Приспособленная к интересам Третьего рейха, новая политика была призвана максимально легитимизировать захват и оккупацию чешских земель нацистской Германией. На смену национально-возрожденческой, гуситской и будительской традициям, доминировавшим в период Первой Чехословацкой республики (1918–1938), пришел реанимированный культ традиционного патрона Чешских земель святого князя Вацлава, который трактовался как мудрый и дальновидный политик, сделавший единственно правильный выбор в пользу Германии. Это позволило протекторатным властям проводить ярко выраженную пронацистскую политику коллаборационизма, продолжавшуюся вплоть до начала мая 1945 года.

Ключевые слова: Протекторат Богемия и Моравия, Третий рейх, историческая память, коллаборационизм, нацизм.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Kirill V. Shevchenko, Doctor of History, Associate Professor, Head, Center for Eurasian Studies; Professor, Department of Law, Russian State Social University, Branch in Minsk (Belarus). E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Czechs in the Service of the Third Reich: Zigzags of Historical Politics in the Second Czechoslovak Republic and the Protectorate of Bohemia and Moravia in 1938–1945

Abstract. In the present article the author analyzes the process of transformation of the policy of historical memory in the Second Czechoslovak Republic, which emerged after the Munich capitulation of Czechoslovakia in September 1938, and in the Protectorate of Bohemia and Moravia, created by Hitler after the final occupation of the Czech Republic in March 1939. The main change in the policy of historical memory consisted in its complete adaptation to the interests of the Third Reich and was intended to maximally legitimize the seizure and occupation of the Czech lands by Nazi Germany. As the result, the national revival, Hussite and Awakening traditions that dominated during the period of the First Czechoslovak Republic (1918–1938) were completely discarded. Instead, the cult of the traditional patron of the Czech lands, Saint Prince Wenceslas of the Přemyslid dynasty, was revived and interpreted by protectorate propaganda as a wise and far-sighted politician who immediately made the only correct choice in favor of Germany, and that allowed the protectorate authorities to pursue a clearly pro-Nazi policy of collaborationism, which continued until the beginning of May 1945.

Keywords: Protectorate of Bohemia and Moravia, Third Reich, Historical Memory, Collaborationism, Nazism.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author

Проблема наказания нацистских преступников и их пособников в контексте сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне. Подходы, примеры, перспективы

На прошедшем в декабре 2024 года Пленарном заседании 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» [1]. Инициатором внесения проекта является делегация Российской Федерации, а соавторами документа выступили 40 стран, в числе которых Республика Беларусь. По итогам голосования документ был принят: «за» проголосовали 119 стран, «против» – 53, «воздержались» – 10. В числе голосовавших «против» уже традиционно оказались США, Канада, Украина, Великобритания, Германия, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и другие страны. В очередной раз демонстрация на международном уровне позиции названных стран указывает на несомненную актуальность проблемы героизации нацизма и реализации правовой ответственности в отношении лиц, совершивших преступления, не имеющие сроков давности.

Выступление Ярослава Гунько в парламенте Канады в 2023 году вызвало международный скандал, после того как выяснилось, что в годы войны уроженец села Умани Второй Польской Республики Ярослав Гунько (Хунка) 1925 года рождения служил в 14-й добровольческой пехотной дивизии СС «Галичина». Несмотря на последующую отставку спикера Палаты общин Канады Энтони Рота, проблема укрывательства нацистских пособников приобрела новый импульс. Характерно, что на Украине спустя несколько месяцев Тернопольский областной совет наградил Я. Гунько в честь 99-летия. Нацистский пособник был объявлен в международный розыск Российской Федерацией, которая также направила правовые запросы в Канаду, Польшу и Белоруссию, а Польша заявила, что будет добиваться выдачи. Об успехах всех этих действий пока неизвестно.

Указанная международная проблема всегда находилась в центре внимания общественности. В контексте современных процессов она также является общей для исторической памяти Российской Федерации и Республики Беларусь. Об этом свидетельствует список нацистских пособников, чьи преступления в годы войны являются предметом исследования ученых и расследования следственных органов. Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов неоднократно обозначал, что в стране принимаются меры по установлению обстоятельств и масштабов вновь выявленных преступлений нацистов против мирных жителей и военнопленных, подсчитывается причиненный нацистами ущерб. Так, правоохранительными и следственными органами России более пяти лет расследуется масштабное уголовное дело о геноциде советских граждан в регионах Советского Союза.

Селюкина Наталия Владимировна, исполнительный директор Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память». E-mail: s_nv7@mail.ru

Следует отметить, что к началу 2025 года в Российской Федерации проведено около 30 судебных процессов о признании военными преступлениями и преступлениями против человечности, геноцидом народов Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территориях, находившихся под немецкой оккупацией в годы Великой Отечественной войны.

В связи с расследованием уголовного дела о геноциде белорусского народа, начавшегося в апреле 2021 года, в законодательство Республики Беларусь были внесены изменения, позволяющие проводить посмертные суды над нацистскими пособниками без назначения наказания. На этом основании к началу 2025 года осуждены два карателя из 118-го украинского полицейского батальона – «палачи Хатыни» В.К. Катрюк и К.А. Смовский, а также в Верховном Суде Республики Беларусь приступили к рассмотрению уголовного дела в отношении пособника фашистов С.С. Серафимовича.

Несколькими годами ранее, в мае 2015 года, Следственным комитетом России в отношении нацистского пособника В.К. Катрюка было возбуждено уголовное дело по ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации (геноцид). По данным российского следствия, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов с фашистской Германией Катрюк вступил в ряды 3-й роты 115-го немецкого батальона охранной полиции, которая в 1942 году вошла в состав 118-го немецкого батальона охранной полиции “Schutzmannschaft” под командованием украинских офицеров и под общим руководством немецких офицеров зондер-батальона СС Дирлевангер (“SS-Sonderbataillon Dirlwanger”).

Руководитель Главного следственного управления В.И. Маркин тогда отмечал: «В соответствии со ст. 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 года, никакие сроки давности не применяются к военным преступлениям, как они определяются в ст. 6 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 года, к которым относятся убийства гражданского населения на оккупированной территории. Россия как правопреемник СССР взяла на себя обязательства по уголовному преследованию нацистских преступников и будет добиваться экстрадиции Катрюка, находящегося в Канаде» [2]. Но Канада отказалась выдавать России карателя В.К. Катрюка, и в 2015 году он умер, оставшись безнаказанным. Исходя из этого, следует сделать вывод о политизированном подходе к выполнению международных обязательств.

Значение приговора карателю К.А. Смовскому прокурор управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь С.В. Великий комментировал так: «Этот приговор является еще одним подтверждением непреклонной решимости нашего государства бороться с любыми искажениями исторической правды, любыми попытками обелить нацистских преступников, возвеличить их, героизировать и так далее» [3]. Таким образом, исследование причин, по которым виновные в жестоких расправах над мирным советским населением и военнопленными смогли избежать наказания, а также разработка методов противодействия героизации нацистских пособников и неонацизма, являются актуальными задачами для профессионального сообщества России и Белоруссии.

В современности исторический опыт и ключевая роль Советского Союза в разработке и реализации мер по наказанию нацистских пособников подвергаются сомнению со стороны западных историков и даже бывших сотрудников Отдела специальных расследований Министерства юстиции Соединенных Штатов Америки (далее – ОСП Минюста США) [4, с. 154]. Это приводит к необоснованной дискредитации органов государственной безопасности и прокуратуры СССР, которые внесли значительный вклад в борьбу с нацизмом и предотвращение распространения неонацистских идей.

Подобная ангажированная тенденция, когда критике подвергается работа по анализу исторических фактов и правовой оценке нацистского геноцида, проводимая в настоящее время в Российской Федерации и Республике Беларусь, распространяется также в странах Балтии, Польше и на Украине [5].

В качестве примера намеренного искажения фактов о судебных процессах над нацистскими преступниками и их сообщниками, можно привести деятельность Министерства юстиции США в информационной сфере на современном этапе. Наряду с этим следует охарактеризовать результаты реализации судебного преследования в США.

В конце 2023 года американские СМИ сообщали, что известный так называемый «охотник за нацистами» Э. Розенбаум уходит на пенсию и покидает должность руководителя группы по расследованию военных преступлений на Украине, созданной в июне 2022 года [6]. Важно отметить, что деятельность группы имела антироссийскую направленность, а к работе привлекались украинские историки. Некоторые журналисты прокомментировали его работу следующим образом: «Розенбаум посвятил большую часть 40-летней карьеры в Минюсте США по судебному преследованию нацистов, проживающих в США, и одержал 119 побед в суде – больше, чем прокуроры всех других стран вместе взятых...» [33]. Приведенное утверждение вызывает сомнения и является объектом объективной критики. В 1985 году Прокуратура СССР зафиксировала, что Отделу специальных расследований Министерства юстиции США были переданы более 20 тысяч различных доказательственных материалов на 152 лица, подозреваемых в гитлеровских преступлениях, укрывшихся в этой стране. Отмечалось, что приезжали 106 американских юристов (прокуроры, следователи, адвокаты), которые присутствовали на допросах 212 свидетелей по 32 делам, расследование по которым проводит ОСП Минюста США [7, л. 75]. Но результаты не оправдали этих усилий. Согласно архивным документам, к январю 1987 года из-за недостаточного количества улик, обвинительных документов, свидетельских показаний, либо же в силу смерти подозреваемых 520 дел были прекращены и лишь 55 переданы на рассмотрение американских судов.

Следует пояснить, что в США судебное преследование нацистских преступников и их пособников сводилось к двум задачам: лишение приобретенного незаконным путем американского гражданства (посредством сокрытия службы в нацистских карательных формированиях при въезде в США и сообщения ложных сведений о деятельности в годы войны) и последующей депортации (то есть исключая применение уголовного наказания). По решению американских судов были депортированы только шесть бывших нацистов: В. Трифа в Португалию, Г. Липшис в ФРГ, Б. Козий в Коста-Рику, Ф. Федоренко в СССР, А. Артукович в Югославию и И. Демьянюк в Израиль. Позднее в СССР был выдан Карл Линнас, став всего лишь вторым выданным нацистским пособником, но приговор не был приведен в исполнение, так как он умер в тюремной больнице от болезней.

Лишь в середине 1990-х годов, когда Советский Союз прекратил свое существование, наметился прогресс в высылке из США некоторых нацистских пособников. Это позволяет предположить, что действия американских правоохранительных органов демонстрировали политическую ангажированность и избирательность в применении иммиграционных законов, а также нежелание привлекать к ответственности лиц, виновных в уничтожении мирного населения и военнопленных.

Вышесказанное иллюстрируется примером расследования дела карателя из 2-го (12-го) литовского полицейского батальона Витаутаса Гечаса, который по итогам расследования ОСП Минюста США в конце августа 2003 года

в возрасте 81 года был депортирован в Вильнюс, и умер в конце 2005 года, избежав правовой ответственности. Но, комментируя данное дело, Э. Розенбаум отмечал, что дело против Гечаса – девятое успешное судебное преследование ОСП Минюста США в отношении бывшего члена 2-го (12-го) батальона и оно является результатом продолжающегося расследования в отношении нацистов, незаконно проживающих в США.

Как следует из пресс-релизов Министерства юстиции США, В. Гечас в 1991 году был вызван в суд, в ходе которого должен был ответить на вопросы о своей деятельности во время войны и последующей иммиграции в США. Но он отказался отвечать, сославшись на защиту от самообвинения в соответствии с Пятой поправкой к Конституции США и опасаясь судебного преследования в Литве, в Германии и Израиле. Только в мае 1999 года в возрасте 77 лет американский суд заключил его в тюрьму.

Имя карателя В. Гечаса американской юстиции было известно еще в начале 1980-х годов, о чем свидетельствует нота Посольства США в Москве № 1803 от 17 ноября 1982 года. Его имя также упоминается во множестве других документов и материалов, переданных американцам Министерством иностранных дел СССР. Согласно архивным материалам КГБ и Прокуратуры Литовской ССР, В. Гечас упоминался в нескольких приказах 2-го литовского полицейского батальона. Из них следует, что с началом нацистской оккупации Литвы он вступил в 1-й полицейский батальон, в августе 1941 года был переведен во 2-й батальон и назначен стрелком 2-й роты. Его пребывание в оккупированном Минске зафиксировано в архивных документах.

Американская юстиция располагала копиями приговоров судов, которые также направлялись советской стороной в порядке оказания правовой помощи по делам других литовских карателей, но Министерство юстиции США проигнорировало их преюдицию. Из этого следует сделать вывод о том, что информацию о судах над литовскими коллаборационистами, которые состоялись в сентябре и октябре 1962 года в Каунасе и Вильнюсе, американская сторона не использовала намеренно. Таким образом, длительное и по итогу безрезультатное расследование в отношении литовского пособника нацистов В. Гечаса объясняется политическими причинами и отчасти личными мотивами участников. Этот случай судебного разбирательства может служить наглядным примером того, что утверждение об эффективности американской системы преследования пособников нацистов не оправдано.

В 2011 году Центр Симона Визенталя сделал вывод о том, что наиболее эффективной системой судебного преследования является американская. Организация опубликовала отчет, в котором странам были присвоены категории, отражающие их усилия и результаты. К категории «А» были отнесены страны, в которых, по мнению Центра С. Визенталя, очень успешная программа расследования и судебного преследования и активная позиция по этому вопросу, приняты все разумные меры для выявления потенциальных подозреваемых нацистских военных преступников и в течение рассматриваемого периода достигнуты заметные результаты. Данную оценку заслужили только США.

К категории «F-2» были отнесены страны, в которых нет никаких правовых препятствий для расследования и судебного преследования подозреваемых нацистских военных преступников, но чьи усилия (или их отсутствие) привели к полному провалу в течение рассматриваемого периода, в первую очередь из-за отсутствия политической воли к продолжению работы и/или отсутствия необходимых ресурсов и/или экспертизы. В числе таковых были названы Австрия, Канада, Эстония, Латвия, Литва, Украина. Российской Федерации в списке не оказалось, а Республика Беларусь присваивалась категория «Х» – страна, которая не ответила на вопросник, но явно не предприня-

ла никаких действий по расследованию предполагаемых нацистских военных преступлений в течение рассматриваемого периода [8].

Спустя два года, в 2013 году, Россия и Белоруссия оказались рядом в категории «Х» вместе с Аргентиной, Бельгией, Боливией, Бразилией, Чили, Колумбией, Данией, Люксембургом, Парагваем, Словенией и Уругваем [9, с. 13]. Согласиться с рейтингом стран Центра С. Визенталя крайне сложно по ряду иных причин.

Следует знать, что командир 2-го (12-го) литовского полицейского батальона майор Антанас Импулявичюс, известный как Минский мясник, в 1964 году получил американское гражданство даже вопреки тому, что в октябре 1962 года заочно осужден и приговорен к расстрелу, а неоднократные требования СССР его выдать США проигнорировали. В контексте обозначенной темы о судебном преследовании нацистских пособников это яркий пример игнорирования международных обязательств и безнаказанности нацистского пособника.

Советский Союз демонстрировал последовательность в выполнении международных обязательств о судебном преследовании и наказании лиц, совершивших гитлеровские злодеяния. Понимая общественно-политическую важность таких дел, в ходе подготовки к судам на основании представлений Прокуратуры СССР и КГБ СССР Президиум Верховного Совета принял два постановления о неприменении в виде исключения Статей 6 и 41 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в части замены смертной казни лишением свободы с условием, что «если при рассмотрении дела судом будут установлены активная карательная деятельность Импулявичюса А.Л., Кемзуры З.Б., Усялиса Ю.Б., Станкайтиса И.И., Книримаса Ю.Ю., Давалги И.Ю., Гайжаускаса Б.С., Планчюнаса П.И., Тинтериса П.П. и Кольки Л.И. и их личное участие в истязаниях и убийствах советских людей во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., поскольку за эти преступления в тот период могла быть назначена смертная казнь» [10, л. 156–157]. Также указанное дело, подсудное военному трибуналу, было передано Верховному Суду Литовской ССР, тем самым была обеспечена неотвратимость наказания за совершение особо опасных государственных преступлений.

Однако литовская эмигрантская община, среди членов которой было много националистов и противников советской власти, предпринимала попытки дискредитации судебно-правовой оценки преступлений нацистских пособников, совершенных в годы войны. Так, в газете “*Nepriklausoma Lietuva*” («Независимая Литва»), которая издавалась в Канаде, была опубликована статья под заголовком “*Vyrai, kuriuos bolševikai sušaudė lietuvoje 1962 metais*” («Мужчины, которых большевики расстреляли в 1962 году» [11, р. 2]. В материале приводились краткие биографические данные осужденных литовцев, при этом среди перечисленных отсутствовало упоминание скрывающегося в США их бывшего командира Антанаса Импулявичюса, а также не сообщалось о совершенных ими в годы войны преступлениях, не имеющих срока давности. Информация была представлена таким образом, чтобы у читателя сформировались образы несчастных ссыльных и больных стариков, которых обманула и оболгала советская власть. В статье также сообщалось о том, что в 1965 году исполнилось 25 лет с момента начала «советской оккупации» Литвы.

Можно сделать вывод о том, что целями вышеуказанных информационных манипуляций со стороны литовской эмиграции являлись распространение негативного образа государственного устройства СССР и исторического мифа «о советской оккупации» Литвы, а также попытки повлиять на возможное желание вернуться на Родину. В данном случае сокрытие преступлений нацистских пособников и их обеление в глазах общественности выступили методом борьбы в политическом поле. Важно, что в 1965 году в СССР планировались

празднования 20-летия в честь Дня Победы над фашистской Германией. Аналогичные закономерности по вбросу в информационное пространство провокационных публикаций накануне ключевых событий в истории, имеющих ценностное значение для российского и белорусского обществ, наблюдаются в современности.

В последующие годы причины длительного и безрезультатного изучения и расследования в США дел нацистских пособников заключались в том, что большинство из них являлись представителями прибалтийских национальностей, преступления в годы войны по большей части совершались на территории Советского Союза. Ввиду того, что США не признавали законность вхождения Прибалтики в состав СССР, против расследований выступали эмигрантские организации. В связи с вышеназванным вновь обратимся к примеру выдачи Советскому Союзу нацистского пособника из Эстонии Карла Линнаса, который скрылся в США после войны.

В годы Великой Отечественной войны он перешел на сторону немцев и служил комендантом концлагеря в городе Тарту, был причастен к уничтожению нескольких тысяч человек. К. Линнас был осужден заочно и приговорен к расстрелу в 1962 году, но в Москву из США его доставили только в апреле 1987 года спецрейсом Аэрофлота.

Ранее Советский Союз трижды обращался к правительству США с требованием его выдать, но все обращения остались без ответа. Лишь в начале 1980-х годов К. Линнаса удалось лишить американского гражданства и во многом благодаря материалам, полученным из СССР. Но под нажимом антисоветских организаций американские конгрессмены заблокировали решение о его депортации. Об этом сообщали советской стороне представители Всемирного еврейского конгресса (далее – ВЕК), которые, по их словам, виделись с министром юстиции США и оказывали содействие в том, чтоб американские власти выдали К. Линнаса в Советский Союз.

Изучив содержание беседы представителей ВЕК с первым заместителем Генерального прокурора Н.А. Баженова, можно сделать вывод о том, что все усилия – материальные, организационные и иные – были приложены ради того, чтобы в дальнейшем поднять вопрос о снятии наказания с трех евреев, находившихся в советской тюрьме. Следовательно, причины передачи нацистского приспешника в этой ситуации могут быть рассмотрены как предмет для обсуждения и возможного соглашения между представителями государств.

Позднее Посольство СССР в США информировало о том, что в юридических кругах предпринимались попытки исключить депортации преступников литовской, латышской и эстонской национальности в СССР, поскольку это могло толковаться как «фактическое признание США законности советского контроля» над прибалтийскими республиками [12, л. 7].

Анализ материалов зарубежной прессы в последующие годы также демонстрирует негативную реакцию эмигрантских организаций (прибалтийских, белорусских, украинских) на проходившие в СССР судебные процессы и судебное преследование в США подозреваемых нацистских преступников, так как, по их мнению, действия ОСП Минюста США являлись «следствием заговора евреев и коммунистов». Представители эмигрантских организаций заявляли, что судебные процессы нарушают права обвиняемых из-за сбора доказательств на советской территории. Такой позиции придерживалась глава организации «Американцы за надлежащую правовую процедуру» Раса Разгайтис – падчерица карателя Юргиса Юодиса [13, с. 213].

На протяжении нескольких лет Прокуратура СССР оказывала американским органам юстиции правовую помощь, предоставляя различные доказательства службы Юргиса Юодиса во 2-м (12-м) литовском полицейском батальоне

и его участия в массовых убийствах различных групп советского населения¹. Но судебное преследование прекратилось в 1986 году по причине его смерти, перед этим пролежав более трех лет в американском суде без движения.

В феврале-марте 2023 года Пренайский краеведческий музей проводил выставку работ Юргиса Юодиса под названием «Искусство – зеркало нации», умышленно утаив определенные факты о его деятельности в военные годы и укрепляя в общественном мнении, что Юодис не нацистский пособник, а талантливый художник и патриот, чье имя – повод для гордости в современной Литве [15].

Нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что «охотник за нацистами» Э. Розенбаум накануне получения премии от Музея Холокоста во Флориде в 2016 году рассказывал в интервью о том, что дело Ю. Юодиса было первым, которое он вел для Министерства юстиции США. Он говорил, что в итоге расследования Юодиса «депортировали, но так и не привлекли к ответственности» [15]. Однако факт депортации опровергается биографическими данными нацистского пособника и материалами СМИ [17].

В этой связи возникает ряд вопросов, и появляются основания для сомнения в некоторых профессиональных качествах, в том числе в обоснованности делового имиджа «охотника за нацистами» Э. Розенбаума, обусловленного политической конъюнктурой. Стоит также отметить, что в современной Литве есть еще один пример героизации нацистского пособника – Юозаса Криштапониса, который служил во 2-м (12-м) литовском полицейском батальоне во время пребывания в оккупированной немцами Белорусской ССР. В его честь в Укмерге был установлен памятный камень [18].

Попытки эмигрантских организаций в 1980-х годах повлиять на деятельность ОСП Министерства юстиции США создавали множество проблем советско-американскому сотрудничеству по делам нацистских преступников. Они лоббировали свою позицию в Конгрессе США, создавали фонды и собирали средства для оплаты услуг адвокатов. В июне 2024 года на одном из информационных ресурсов Литвы было опубликовано видеointerview Повиласа Жумбакиса – литовского юриста, который многие годы живет и работает в США [19]. Нужно отметить, что он является активным спикером и участником мероприятий, в ходе которых рассказывает про свои исследования о деятельности КГБ СССР в Америке и влиянии советской пропаганды на литовцев во время «холодной войны», делится мнением о правовых вопросах в отношении военных преступлений. Он утверждал, что в уничтожении евреев во время Второй мировой войны «участвовала лишь небольшая группа литовцев, а многие, наоборот, оказывали помощь нуждающимся».

В интервью с названием «Сотрудничество правительства США с КГБ» П. Жумбакис с гордостью вспоминал, как в 1980-х годах он защищал литовцев, которых, по его мнению, несправедливо обвиняли в военных преступлениях. Он утверждал, что между Комитетом государственной безопасности СССР и Отделом специальных расследований Министерства юстиции США было заключено секретное соглашение, а советские доказательства подделывались с использованием старой бумаги, чернил и марок, взятых из кабинетов довоенных правительств стран Восточной Европы. По иронии судьбы, советские доказательства защищал Э. Розенбаум. В 1980-х годах он публично заявлял об их аутентичности, отмечая, что они использовались в судах на протяжении 40 лет, и не было известно ни об одном случае подделки [20]. Подвергая

¹ В начале февраля 1986 года Прокуратура СССР через МИД СССР направила для передачи ОСП Министерства юстиции США 571 лист заверенных фотокопий документов [14, л. 34–35].

критике советско-американское сотрудничество по делам нацистских преступников, П. Жумбакис также заявлял о том, что оно давало преимущество обвинителям, а советские архивные документы было невозможно использовать для защиты подсудимых [20, л. 76].

Но архивные документы, свидетельствующие об официальной переписке между СССР и США, доказывают несостоятельность его аргументов. Они демонстрируют, что американские следователи были согласны с указанными условиями и не имели претензий ни к переводам, ни к советским документам, подвергавшимся различным экспертизам в американских судах, ни к другим процессуальным требованиям. Можно сделать заключение о том, что П. Жумбакис занимается фальсификацией исторических событий и дезинформацией, тем самым продолжая защищать интересы нацистских пособников.

Признание человека виновным в совершении нацистских преступлений имеет большое значение для предотвращения реабилитации нацизма и героизации нацистских преступников. Однако в современном мире даже наличие судебного решения не всегда является достаточным правовым барьером. В качестве иллюстрации такого явления можно привести случай героизации служившего нацистам Йонаса Семашки.

После того как Литва в октябре 1940 года вошла в состав Советского Союза, Йонас Семашка был принят на службу командиром 8-й роты 234-го стрелкового полка 175-й дивизии Литовского стрелкового корпуса Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) [21, с. 732]. Но после нападения Германии и начала Великой Отечественной войны он перешел на службу в созданные немецкой оккупационной властью литовские вспомогательные полицейские батальоны, которые, как известно, осенью 1941 года стали направляться на временно оккупированные территории СССР.

В 1942 году Йонас Семашка командовал 7-м литовским полицейским батальоном на Украине, где батальон охранял дороги и должен был защищать объекты от советских партизан. В начале 1943 года он вместе с группировкой генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса оказался в Сталинградском котле, но смог вырваться. Историк П. Станкерас утверждает, что за свои действия Й. Семашка, которого он называет «чрезвычайно доблестным командиром», был повышен в звании до майора и награжден Железным крестом II класса [22, с. 169].

После этого Йонас Семашка продолжил службу и стал командиром 13-го литовского полицейского батальона, который до июня 1944 года дислоцировался в Псковской области. Военнослужащие этого батальона участвовали в карательных операциях против мирного населения, сжигали деревни, выслеживали и убивали советских партизан. Даже литовские историки П. Станкерас и А. Бубнис отмечают в своих исследованиях жестокость военнослужащих 13-го литовского полицейского батальона по отношению к мирным жителям [22, с. 162].

Когда Красная Армия стала приближаться, 13-й литовский батальон начал отступление вместе с немецкими войсками. С августа 1944-го по май 1945 года батальон участвовал в боях против Красной Армии в районе Куршской косы, пока Германия не капитулировала.

9 мая 1945 года командир батальона Й. Семашка приказал батальону оставить позиции и сдаться Красной Армии, но сам вместе с адъютантом С. Янушавичюсом и некоторыми солдатами сбежал в Литву. Там он примкнул к «лесным братьям», получил прозвище *Majoras Liepa*, что с литовского языка переводится как «майор Июль» [21, с. 733]. Но 15 апреля 1946 года Й. Семашка был арестован органами государственной безопасности СССР, а в октябре 1946 года за свои преступные деяния на открытом заседании Военного трибунала был приговорен к расстрелу.

Однако несмотря на участие в нацистских преступлениях во время войны и преступную деятельность в послевоенный период, которая была юридически оценена, 19 мая 1998 года президент Литовской Республики В. Адамкус посмертно присвоил Й. Семашке звание полковника армии Литвы. В 2001 году его останки были перезахоронены на Петрашюнском кладбище в Каунасе [23, с. 153].

В литовских исторических трудах и информационных материалах Й. Семашка изображается в героическом ключе. Его сотрудничество с немцами оправдывается и преподносится как основание для борьбы за независимость Литвы от «советской оккупации». В то же время советские партизаны и солдаты представляются в негативном свете, образе врага. Можно сделать вывод, что героизация нацистского преступника в данном случае связана с политическими мотивами и позицией руководства страны в указанный период.

В начале 2000-х годов, когда Литва, как и другие страны Балтии, готовилась к вступлению в НАТО, в исторической политике Литвы наметились определенные тенденции. В период, когда президентом Литвы был Валдас Адамкус, дважды, несмотря на наличие американского гражданства, занимавший высшую государственную должность в республике, историческая память о событиях Великой Отечественной и Второй мировой войн была переосмыслена в контексте европейской истории. Так, в 2004 году Адамкус организовал примирение между бывшими военнослужащими Сборной Плехавичюса и Армией Крайовой (Польша) – военными противниками. До 2004 года ветеранская организация Армии Крайовой была нелегальной, а перемирие стало возможным благодаря тому, что обе стороны стали членами НАТО и ЕС. В одном из интервью В. Адамкус с восхищением вспоминает о том, как в молодости [в 1944 году – *Н.С.*] он хотел присоединиться к Литовскому местному отряду под командованием генерала Повиласа Плехавичюса, а также о встрече с ним, которая произошла в Чикаго.

С 2004 года в Литве стало приоритетным празднование 8 мая – Дня Европы. В 2005-м В. Адамкус отказался от участия в Параде Победы в Москве, о чем он объявил по национальному радио, отметив в речи период «советской оккупации» Литвы. Подобных примеров, подтверждающих усиление дистанцирования в историческом дискурсе, можно привести множество [24]. Кроме того, в 2022 году В. Адамкус отказался давать показания Генеральной прокуратуре Республики Беларусь по уголовному делу о геноциде белорусского народа.

Государственные деятели Литвы разных эпох продолжают использовать вызывающие сомнения образы прошлого для достижения своих политических целей в настоящем. Так, в начале 2024 года бывший председатель Верховного Совета Литовской ССР Витаутас Ландсбергис и бывший президент Литвы Даля Грибаускайте вместе с Валдасом Адамкусом поддержали проведение аукциона в пользу ВСУ и украинских националистических формирований, предоставив организаторам личные памятные вещи.

В 2024 году усилиями профессиональных сообществ историков и архивистов, общественных организаций и иных объединений в научной, культурной, информационной и образовательной среде Литвы наблюдались последовательные попытки по продвижению очередного мифа – о 80-летию начала второй «советской оккупации». Данная интерпретация исторических фактов закрепляется посредством значимых дат и образов в истории Литвы. В числе знаковых исторических личностей следует назвать генерала Повиласа Плехавичюса. Выпускник Оренбургской кавалерийской школы (1914), участник Первой мировой войны. Воевал в рядах Белого движения на Кавказе и в районе Донецка, летом 1918 года вернулся в Литву. Один из участников государственного переворота 17 декабря 1926 года. В 1927–1929 годах – начальник Генерального штаба Литовской армии [26, с. 317].

В 1936 году начал сотрудничать с немецкой разведкой. После того как Литва вошла в состав СССР, покинул страну. Но с началом немецкой оккупации в 1941 году Повилас Плехавичюс вернулся в Литву и стал членом правительства Юозаса Амбразявичюса, созданного немецко-фашистскими захватчиками, занимал должность министра внутренних дел. Неоднократно выступал по радио и публиковался в газетах с призывами борьбы с советской властью.

Достаточно сказать о том, что в созданный П. Плехавичюсом в 1944 году под патронажем немцев так называемый Литовский местный отряд¹ принимали на службу карателей из полицейских батальонов в целях борьбы с наступающей Красной Армией, советскими и польскими партизанами, в том числе отряд отмечен участием в карательных операциях в районе Вильнюса, Лиды и Алитуса.

15 мая 1944 года П. Плехавичюс был арестован немецкими властями за отказ направить подразделение за пределы Литвы и помещен в концлагерь Саласпилс. Когда немцы под натиском Красной Армии начали отступать, П. Плехавичюс был освобожден и вывезен в Германию. После окончания войны он оказался в английской зоне оккупации Германии, активно выступал от Верховного комитета освобождения Литвы (ВЛИК). Затем он разъезжал по лагерям ЮНРПА², где призывал литовцев не возвращаться на Родину и проводил антисоветскую агитацию. Так, например, в конце 1945 года П. Плехавичюс выступил на митинге в Любеке, заверяя присутствующих, что советская власть в Литве в скором времени будет свергнута, а в 1947 году, находясь в Ухте (Нижняя Саксония), проводил работу по установлению связей с националистическим подпольем в Литве через Швецию [27, л. 23]. В 1948 году органами МГБ СССР Плехавичюс был объявлен в розыск, но в СССР выдан не был. После переезда в США он начал работать на Центральное разведывательное управление. Скончался в 1973 году в Чикаго.

В августе 2024 года Центр исследований геноцида и сопротивления Литвы представил премьерный показ фильма «1944 год. Миссия генерала», посвященного П. Плехавичюсу [28]. Основные тезисы фильма заключаются в том, что для Литвы предпочтительнее немецкая оккупация, чем «вторая советская», а П. Плехавичюс был главной целью советских спецслужб. По этой причине литовские историки объясняют его бегство в Германию как способ спастись от ареста и убийства НКВД. Все эти и другие доказательства того, что П. Плехавичюс сотрудничал с немецкими оккупантами во время войны, не помешали ему стать «символом борьбы за свободу», как считает один из инициаторов героизации – бывший министр обороны Литвы Лауринас Касчюнас, занимавший эту должность с марта по декабрь 2024 года.

Важно дополнить то, что в справочнике «Литовцы Соединенных Штатов Америки» П. Плехавичюсу, А. Импулявичюсу и Ю. Юодису посвящены

¹ Lietuvos vietinė rinktinė; нем. Litauische Sonderverbände – немецкое вооруженное формирование, существовавшее с февраля по май 1944 года и состоявшее из литовцев. Отряд, укомплектованный офицерами-литовцами, достигал численности 10 тыс. чел. Часть военнослужащих была репрессирована, часть вошла в немецкие подразделения и вооруженное антисоветское подполье. После нескольких поражений от Армии Крайовой и разногласий с немцами соединение было распущено. Создание Литовского местного отряда стало последней крупной попыткой мобилизации на оккупированных территориях, проведенной Третьим рейхом.

² Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) – организация содействия восстановлению стран, пострадавших в годы Второй мировой войны. Образована 9 ноября 1943 года на конференции представителей 44 государств в Вашингтоне. В середине 1946 года США прекратили финансирование ЮНРПА. В 1947-м 2-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе США и Великобритании приняла решение о ликвидации ЮНРПА. Организация прекратила существование 30 сентября 1948 года [25].

именные разделы [29]. Также в Литве П. Плехавичюсу установлено множество памятников и мемориалов, его имя носят одно из подразделений организации «Союз стрелков Литвы», кадетский лицей и другие организации, которые занимаются патриотическим воспитанием подрастающего поколения. В этих организациях школьники и студенты после начала Специальной военной операции на Украине стали участвовать в изготовлении окопных свечей, маскировочных сетей, сборе помощи для ВСУ и иных украинских националистических формирований.

Также Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы организует образовательные программы для школьников, используя архивные материалы, связанные с расследованием деятельности антисоветских вооруженных формирований – «лесных братьев». Это делается для того, чтобы распространять идеи «десоветизации» и продвигать антироссийские взгляды.

Ранее Центр в сотрудничестве со Специальным архивом Литвы и Институтом национальной памяти Украины организовали международную выставку «Литовские партизаны и украинские повстанцы: 1944–1954 гг.», материалы которой представлены на литовском, украинском и английском языках [30]. Организаторы хотят показать, что украинцы и литовцы едины в борьбе с Россией, как это было, по их мнению, в середине XX века.

Антироссийская направленность искажений исторических фактов находит отражение в законодательстве. В апреле 2022 года в статью 524 Кодекса об административных правонарушениях Литовской Республики были внесены изменения, согласно которым за распространение или демонстрацию нацистской, коммунистической символики, символов тоталитарных или авторитарных режимов («флаг или герб нацистской Германии, СССР или Литовской ССР, флаги, знаки или униформа, составными частями которых являются флаг или герб нацистской Германии, СССР или Литовской ССР, нацистская свастика, нацистский знак СС, советский знак серпа и молота, изображения лидеров немецких национал-социалистов или Коммунистической партии СССР и т.д.) влечет штрафы от 300 до 1500 евро (в зависимости от статуса субъекта и кратности совершенного правонарушения)» [31].

1 мая 2023 года в силу вступил закон «О запрете распространения тоталитарных, авторитарных режимов и их идеологий» [32], нередко именуемый как «закон о десоветизации». Его положениями устанавливается «советская оккупация Литвы в 1940–1941 гг. и 1944–1990 гг. и нацистская оккупация 1939–1944 гг.», тем самым в правовом поле закрепляется ложный тезис о равенстве политического строя СССР и Третьего рейха.

Также на основании закона о десоветизации была создана специальная комиссия, которая занимается удалением из общественных мест различных объектов и наименований, связанных с определенными историческими периодами. Решения комиссии касаются улиц, памятников и других объектов, названных в честь советских государственных и общественных деятелей, ученых и поэтов, героев Великой Отечественной войны и советских партизан, боровшихся с немецко-фашистскими захватчиками.

Подводя итоги, следует отметить, что в ряде стран с антироссийским политическим вектором фиксируется политизированный подход к проблеме наказания нацистских пособников за преступления, не имеющие сроков давности. По своему содержанию деятельность американской юстиции многие годы демонстрировала выборочное применение норм иммиграционного законодательства. Примеры безрезультатных процессов судебного преследования нацистских приспешников позволяют сделать вывод о том, что деятельность Министерства юстиции США по расследованию военных преступлений на разных этапах необъективна. Ретроспективный анализ проблемы показы-

вает, что игнорирование международных обязательств и отсутствие единства в подходах к решению проблемы сформировали условия для героизации военных преступников, что влечет распространение неонацизма.

На современном этапе процесс реабилитации и героизации нацистских пособников в странах Балтии опирается на годы бездействия американской юстиции, а отсутствие правовых решений используется для формирования и закрепления исторических интерпретаций, имеющих антисоветскую и антироссийскую направленность. По итогу формируются нарративы, благодаря которым герои прошлого определяются через призму борьбы против советской власти.

Эти тенденции хорошо просматриваются на примере Литвы, где, как и в ряде других стран бывшего СССР, на государственном уровне наблюдается системность в искажении ключевых событий советского периода. Переписываются и создаются альтернативные версии истории Великой Отечественной войны, которые не соответствуют реальным фактам, происходит переосмысление итогов Второй мировой войны. Эти явления в разных формах распространяются на образование, культуру и другие сферы общества, и что особенно важно – затрагивают патриотическое воспитание молодежи.

После начала Специальной военной операции на Украине противоборство в сфере исторической памяти стало наиболее заметным, что нашло отражение в материальной и иной поддержке ВСУ, которая осуществляется литовскими гражданами на добровольной основе. Российские правоохранительные органы фиксируют участие литовских добровольцев в боевых действиях на Донбассе и осуществляют уголовное преследование.

Исследование примеров героизации коллаборационистов из 1-го (13-го) и 2-го (12-го) литовских полицейских батальонов указывает на важность изучения нацистского геноцида на территориях, расположенных в приграничных районах России и Белоруссии, выявление нацистских пособников и фактов их реабилитации. В связи с этим также очевидна необходимость анализа исторических событий и правовой оценки нацистских преступлений, совершенных в отношении советских мирных граждан и военнопленных на территории Прибалтики в годы войны.

Российской Федерации и Республике Беларусь следует продолжать межведомственную работу по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Изучение установленных и вновь выявленных преступлений, использование результатов советской и российской судебной практик по делам нацистских преступников и их пособников способствуют сохранению исторической правды, не позволяют исказить факты, а правовая оценка должна служить барьером для оправдания нацизма и неонацизма.

Литература

1. О принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 18.12.2024. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1988097/
2. Возбуждено уголовное дело в отношении Владимира Катрюка, принимавшего участие в убийствах жителей деревни Хатынь во время Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Следственный комитет России. Режим доступа: <https://sledcom.ru/news/item/924577/>
3. Прокурор Великий прокомментировал приговор Смовскому [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22803083>
4. Селюкина Н.В. Деятельность органов прокуратуры СССР по выявлению и преследованию нацистских преступников и их пособников в 1980-е гг.: Материалы конференции «Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». Т. 7. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. С. 154–156.
5. Премьер Финляндии заявил о бесосновательности обвинений в геноциде советского наро-

- да [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2024/08/04/premier-finlyandii-zayavil-o-bezosnovatelnosti-obvineniy-v-genotside-sovetskogo-naroda/>
6. Attorney General Merrick B. Garland Visits Ukraine, Reaffirms U.S. Commitment to Help Identify, Apprehend, and Prosecute Individuals Involved in War Crimes and Atrocities [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.justice.gov/opa/pr/attorney-general-merrick-b-garland-visits-ukraine-reaffirms-us-commitment-help-identify>
 7. Письмо Первого заместителя Генерального прокурора СССР Н.А. Баженова в МИД СССР // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 71. Д. 57. П. 443.
 8. Simon Wiesenthal Center's Tenth Annual Report on the Investigation and Prosecution of Nazi War Criminals [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wiesenthal.com/about/news/simon-wiesenthal-centers.html>
 9. Annual report on the status of nazi war criminals. April, 2013. 50 p.
 10. Постановление Президиума Верховного Совета СССР № 435-VI от 28 августа 1962 г. // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 82. Д. 22.
 11. Nepriklausoma Lietuva. 1965. Nr. 17 (941). Montreal. Gegužės – May 5 d.
 12. Справка о ведущихся в США расследованиях дел нацистских военных преступников // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 73. Д. 58. П. 483.
 13. Селюкина Н.В. Судебное преследование нацистских пособников в 1980–2000-е гг.: примеры, проблемы, результаты // Форум Союзного государства: Россия и Беларусь: общая история, общая судьба: Сборник статей. М.: ИКАР, 2024. С. 203–229.
 14. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 72. Д. 54. Д. 461.
 15. Ю. Юодис внесен в список «100 самых выдающихся личностей Пренайского края» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://geraprienuose.lt/naujienos/100-iskiliausiu-prienu-krasto-asmenybiu-jurgis-juodis/>
 16. Interview with the “Nazi Hunter” Eli Rosenbaum [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ilovetheburg.com/interview-with-the-nazi-hunter-eli-rosenbaum/>
 17. Ališauskas A. Kaltinamas dalyvavęs genocide: ar pagrįstai? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.delfi.lt/news/ringas/lit/a-alisauskas-kaltinamas-dalyvaves-genocide-ar-pagristai-70483230>
 18. Lietuvos istorijos instituto pažyma apie J. Krikštaponio (Krištaponio) biografiją ir veiklą [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ukmerge.lt/lietuvos-istorijos-instituto-pazyma-apie-j-krikstaponio-kristaponio-biografija-ir-veikla/>
 19. Kaip JAV vyriausybė bendradarbiavo su KGB. Povilas Žumbakis [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=K98-_m02py0
 20. О роли некоторых эмигрантских группировок в США в усилиях, направленных на срыв американо-советского сотрудничества по делам нацистских военных преступников: Информация Посольства СССР в США в г. Вашингтон // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 72. П. 461. Д. 54.
 21. Stankeras P. Lietuvių Policija Antrajame Pasauliniame Kare. Vilnius: Mintis, 2008. 812 p.
 22. Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941–1945 гг. М.: Вече, 2009. 304 с.: ил.
 23. Semaškaitė J. Priesaika. Jonas Semaška-Liepa ir bendražygiai // Dokumentinis esė. Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras. Vilnius, 2000. 435 p.
 24. Президент Литвы официально отказался праздновать победу над фашизмом в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2005/03/07/president/>
 25. Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций [Электронный ресурс] // БРЭ. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1801125
 26. От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: Документы: в 2 т. Т. 2. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 437 с.
 27. Агентурные донесения на П. Плехавичюса // LYA. К-1. Ар. 45. В. 1786.
 28. 1944-ieji metai. Generolo misija: Dokumentinis filmas [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=rls3VyysXD8>
 29. Jungtinių Amerikos Valstijų lietuviai Biografijų žinynas. T. 1: A–M. Pasaulio lietuviai. 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://knyga.lietuviai.lt/w/index.php?title=Vaizdas%3AJungtini%C5>
 30. Virtuali paroda Lietuvių partizanai ir ukrainiečių sukilėliai: 1944–1954 m. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lya.archyvai.lrv.lt/lt/naujienos/virtuali-paroda-lietuviu-partizanai-ir-ukrainieciu-sukileliai-19441954-m/>
 31. Lietuvos Respublikos administracinių nusižengimų kodekso 524 straipsnio pakeitimo įstatymas Nr. XIV-1022. balandžio 19 d. 2022 m. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/54fff260bfd211ec9f0095b4d96fd400>
 32. Lietuvos Respublikos draudimo propaguoti totalitarinius, autoritarinius režimus ir jų ideologijas įstatymas Nr.XIV-167, gruodžio 13 d. 2022 m. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/b80056227d3211edbdcabd68a7a0df7e?fwid=-rhnontwv>
 33. It started the summer he first hunted Nazis. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hls.harvard.edu/today/it-started-the-summer-he-first-hunted-nazis/>

Аннотация: Итоги голосования на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 2024 года по резолюции о борьбе с героизацией нацизма показали, что «против» традиционно выступают страны, многие годы демонстрировавшие низкие результаты наказания нацистских пособников или их отсутствие. В Канаде, США и странах Запада преследование нацистских преступников характеризуется политизированным подходом. Автор отмечает, что продвижение антисоветских и антироссийских нарративов в постсоветских странах, в первую очередь в Прибалтике и на Украине, опирается на отсутствие правовых решений. Приговоры советских судов используются для изображения коллаборационистов жертвами режима. Россия и Белоруссия как соавторы резолюции продолжают исследовать нацистские преступления и давать им юридическую оценку. Автор делает вывод о необходимости анализа и правовой квалификации действий нацистов в отношении советских граждан, проживавших в Прибалтике в период войны.

Ключевые слова: Прокуратура Советского Союза, Министерство юстиции США, уголовное преследование, судебное преследование, нацистские преступники, судебные процессы, нацистский геноцид, героизация нацизма, Россия, Белоруссия, США, Канада, Украина, Литва.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Natalia V. Selyukina, Executive Director, "Historical Memory" Foundation for Current Historical Research Promoting. E-mail: s_nv7@mail.ru

The Problem of Nazi Criminals and Their Accomplices Punishment in the Context of the Great Patriotic War Memory Preservation. Approaches, Examples and Prospects

Abstract. The results of the vote in the UN General Assembly in December 2024 on the resolution regarding the struggle against Nazism glorification showed that among those traditionally opposing countries were those that for many years demonstrated low or no effectiveness in punishing Nazi collaborators. Examples of Nazi criminals impunity confirm that in Canada, the USA and Western countries their persecution is determined by both the external and internal political situation. The author of the article also shows that the promotion of anti-Soviet and anti-Russian narratives in the Baltic states and the Ukraine is based on the lack of legal solutions. The verdicts of Soviet courts are used to portray collaborators as victims of the state system. Russia and Belarus as architects of the resolution continue to investigate Nazi crimes and give them the legal assessment.

Keywords: Prosecutor's Office of the Soviet Union, US Department of Justice, Criminal Prosecution, Legal Prosecution, Nazi Criminals, Court Trials, Nazi Genocide, Glorification of Nazism, Russia, Belarus, USA, Canada, Ukraine, Lithuania.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Коммеморация бойцов Армии Крайовой в Беларуси в 1990-х годах: акторы, инструменты, результаты

Польская военная организация Армия Крайова (далее – АК) была создана 14 февраля 1942 года. Организация поддерживала польское эмигрантское правительство и ставила своей основной целью восстановление Польши в границах на 1 января 1939 года. Отряды АК в количестве около 20 тыс. человек (по состоянию на июнь 1944 года) действовали и на территории современной Беларуси. С 1942 года участники АК стали сотрудничать с Красной Армией и советскими партизанами, совершать вооруженные нападения на германские подразделения и гарнизоны.

Ситуация изменилась в 1943 году вследствие разрыва дипломатических отношений между СССР и правительством Польши в изгнании после обнаружения информации о «катынском расстреле». С этого времени фиксировались многочисленные факты выступлений бойцов АК против советских партизан и членов их семей. Более того, засвидетельствованы случаи сотрудничества членов АК с германскими оккупантами. Так, Ч. Зайнчковский (псевд. «Рагнер») заключил в Лиде соглашение с германскими оккупационными властями о совместных действиях против советских партизан [1, с. 75]. Подобное соглашение, по свидетельствам историков, заключил и командир столбцовской группы АК Новогрудского округа А. Пильх (псевд. «Гара») [13, с. 170]. Оберштурмбанфюрер СС Э. Штраух в феврале 1944 года отмечал: «Содружество с польскими бандитами продолжается. Отряд в 300 человек в Ивенце и Ракове оказался очень полезным. Переговоры с бандой Рагнера численностью в 1 тыс. человек закончены. Банда Рагнера усмиряет территорию между Неманом и железнодорожной линией Волковыск – Молодечно, между Мостами и Ивье. Установлена связь с другими польскими бандами» [2, с. 71–72].

Жестокости членов АК поражаются даже некоторые представители германской оккупационной администрации. Референт по вопросам пропаганды Барановичского гебитскомиссариата в отчете за апрель 1943 год докладывал: «Установлено, что во главе банд, оперирующих на территории гебита, стоят польские офицеры. Участие поляков в бандах подтверждает и тот факт, что бандиты грабят и убивают только белорусов, не поляков. Ни один ксендз в последнее время не пострадал от бандитов, тогда как за это время много православных священников-белосуров было зверски убито с семьями или искалечено и ограблено» [3, с. 36]. Например, в приходе Турейск близ Щучина бойцами АК был зверски замучен православный священник И. Алехнович [3, с. 36].

АК была официально распущена польским эмигрантским правительством 19 января 1945 года, однако различного рода структуры, возникшие на ее основе, действовали на территории Беларуси до начала 1950-х годов.

Казак Олег Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета. E-mail: kazak_og@bseu.by

Помимо силовых акций против представителей советской власти члены данных организаций осуществляли убийства мирных жителей, включая женщин и детей, что нашло отражение в многочисленных документах (материалы уголовных дел, донесения командиров партизанских отрядов, справки, докладные записки и отчеты органов НКВД БССР по борьбе с бандитизмом, акты комиссий о расследовании преступлений, справки и сообщения партийных органов, дневники и др.) [5, с. 173]. Таким образом, объективных оснований для героизации бойцов АК в Беларуси не было.

Коммеморативные акции, посвященные бойцам АК, стали регулярно проводиться в Беларуси с начала 1990-х годов. Их постоянными участниками являлись активисты «Союза поляков Беларуси» (крупнейшая полонийная организация в Беларуси, образованная в 1990 году, далее – СПБ), католические священнослужители, представители польского дипломатического корпуса в Беларуси, деятели общественных объединений Польши. Наибольшей активностью отличалось общество «Страж польских могил на Востоке», основанное в 1990 году во Вроцлаве историком Н. Ивановым. Организация занималась приведением в порядок могил участников польского восстания 1863–1864 годов, польско-советской войны 1919–1920 годов, «солдат сентября» (так в польских источниках называли солдат польской армии, погибших в сентябре 1939 года в столкновениях с бойцами Красной Армии), солдат и офицеров АК, установлением памятных объектов (памятников, крестов, табличек) на местах захоронений. В августе 1991 года делегация «Стража могил польских на Востоке» в составе Н. Иванова, инженера П. Зворского, историка З.Ю. Винницкого посетила Гродно, где встретилась с руководством СПБ и католическим епископом Гродненской епархии А. Кашкевичем. В деревне Ваверка Лидского района Гродненской области был освящен крест на месте гибели в июне 1944 года майора АК Я. Пивника (псевд. «Понурый») и его бойцов. По сообщению корреспондента печатного органа СПБ «Голос над Неманом», траурное мероприятие, в котором участвовало порядка 2 тыс. жителей близлежащих окрестностей, стало «настоящей религиозно-патриотической манифестацией» [27, с. 8].

Использование в коммеморативных практиках религиозных сюжетов придавало им особый пафос и закрепляло в сознании жителей Беларуси социальный стереотип «католик – значит поляк». В 1993 году по инициативе «Стража польских могил на Востоке» была восстановлена католическая каплица в деревне Волдаги Вороновского района Гродненской области, в которой были освящен крест в честь бойцов АК, действовавших в данной местности [21, с. 5]. Священнослужители римско-католической церкви принимали участие практически во всех памятных мероприятиях, посвященных АК. Председатель Совета по делам религий А. Жильский в аналитической записке «О деятельности религиозных организаций и обеспечении исполнения законодательства о свободе вероисповеданий в республике», направленной в Совет Министров, Верховный Совет Республики Беларусь, областные и Минский городской исполнительные комитеты 7 мая 1993 года, отмечал: «Одна из особенностей этой церкви [католической – О.К.] заключается в том, что ее деятельность тесно связана с польским национализмом, она в большой степени политизирована, ощущает на себе сильное влияние СПБ, польского епископата. Начиная с 1990 года полонийными объединениями при активной поддержке католических священнослужителей, особенно польских, предпринимаются попытки реабилитации АК, придания ее деятельности национально-освободительного характера. В костеле Новогрудка проведено богослужение, в ходе которого были торжественно внесены штандарты этой армии, освящена памятная плита, которая была установлена в костельной каплице» [8, л. 121]. Опасения по

поводу полонизаторской деятельности костела, одним из направлений которой являлась коммеморация АК, содержались в письме председателя Гродненского областного исполнительного комитета А. Дубко Государственному секретарю Совета безопасности Республики Беларусь В. Шейману от 30 июня 1995 года (документ был передан для работы А. Жильскому): «Польские ксендзы и монашествующие занимаются не только религиозной деятельностью, но и всемерно воспитывают у католического населения польский патриотизм, ими подчеркивается, что область дважды была оккупирована в 1939 и 1944 гг., что граница Польши находится в районе города Столбцы. <...> Мы наблюдаем тесное взаимодействие и координацию усилий СПБ и костела. Это особо проявляется при увековечивании памяти солдат и офицеров АК» [9, л. 30].

Председатель «Стража польских могил на Востоке» З.Ю. Винницкий отмечал, что организация не ограничивалась только увековечиванием памяти соотечественников в Беларуси и ставила перед собой более глобальную цель «польского возрождения» на «восточных кресах»: «Оказалось, что памятные церемонии стали во многих случаях локальным праздником местных поляков. Было так начиная с Ваверки около Лиды и Кодевцев возле Сапоцкина [деревня в Гродненском районе – О.К.]. Потом мы начали проводить культурно-просветительские акции. В этом плане мы действуем в тесном контакте с “Вспульнотой польской” во Вроцлаве, ядро которой составляют “стражники”. Такие акции, как “Дни польской культуры” в Волковыске или “Польский университет”, имеют целью распространение среди наших соотечественников знаний о польской культуре и истории, а также о сегодняшнем дне Польши. Замечательно развивается взаимоотношение с отделами СПБ» [34, с. 2]. З.Ю. Винницкий подчеркивал, что местные власти ряда районов Гродненской области (в частности, Волковысского района) положительно относились к деятельности возглавляемой им организации [36, с. 3].

Участие в коммеморативных акциях, посвященных бойцам АК, принимали и иные общественные объединения Польши. Так, монумент в честь погибших в сентябре 1943 года в столкновении с германскими оккупантами бойцов отряда АК З. Чарноцкого (псевд. «Черный») возле д. Стриевка Гродненского района был возведен на средства «Фонда охраны памятников» в Варшаве. Активное содействие в установлении монумента оказывал ксендз Озёрской парафии К. Крод. На церемонии освящения памятника в октябре 1992 года присутствовали посол Польши в Беларуси Э. Смулкова, директор «Фонда защиты памятников» С. Королькевич (возглавлял ряд иных общественных организаций, причастных к коммеморативным практикам на территории Беларуси), активисты СПБ. В заметке о данном событии в газете «Голос над Неманом» содержались следующие пассажи: «Много лет колхозные тракторы пахали тут землю, как будто желая втоптать и развеять вместе с прахом память о тех, кто воевал на ней под бело-красным флагом» [28, с. 6].

Активное содействие в реализации коммеморативных практик, посвященных деятельности АК в Беларуси, оказывал «Всемирный союз солдат АК». В частности, на средства данного фонда была изготовлена памятная табличка в честь бойцов АК, погибших в столкновении с германскими оккупантами возле деревни Василишки Щучинского района Гродненской области 10 января 1944 года. Табличка была освящена в местном костеле и в торжественной обстановке перенесена на кладбище в августе 1994 года. Почетный караул состоял из молодых людей, служивших в тот момент в польской армии [24, с. 2]. В одной из заметок, посвященных мероприятию в Василишках, сообщалось о теплой встрече местными жителями делегации из Польши: «Кто-то целует флаги, плачет при виде польских мундиров». Вице-председатель «Всемирного союза солдат АК» и председатель ветеранской

организации бойцов АК Новогрудского округа С. Королькевич поблагодарил местных жителей «за помощь в годы войны, за их твердость в польскости», а также вручил им гуманитарную помощь [31, с. 6].

В газете «Голос над Неманом» регулярно появлялись материалы об энтузиастах из числа представителей польской диаспоры в Беларуси, которые занимались сохранением «польской версии» памяти о солдатах АК. Например, в статье о деятельности АК в Волковыске (Гродненская область) и окрестностях сообщалось о «женщине-патриотке», которая тайно ухаживала за могилой бойца АК Н. Геникура. Солдаты и офицеры АК автором статьи позиционировались как борцы за «лучшее завтра своей нации», которые «надеялись на восстановление Свободной Польши – без гитлеровского нацизма и сталинского коммунизма» [33, с. 5]. Еще один герой публикаций издания СПб – М. Бумблис – при поддержке посольства Польши в Минске в начале 1990-х годов облагородил могилу бойца АК В. Ловкиса в Поставском районе Витебской области [26, с. 3].

В заметке о деятельности М. Бумблиса также сообщалось, что В. Ловкису советские партизаны нанесли более 40 ударов штыком и похоронили заживо [26, с. 3]. Отметим, что авторы материалов в «Голосе над Неманом» описывали жестокость советских партизан в отношении бойцов АК (большинство этих описаний базировалось на неverified свидетельствах очевидцев событий), умалчивая об имевших место проявлениях неоправданного насилия со стороны самих солдат АК (в том числе в отношении гражданского населения). Свидетельство того, что сотрудники НКВД добивали раненых бойцов АК штыками в ходе столкновения в июле 1944 года под Сурконтами (деревня в Вороновском районе Гродненской области), было озвучено во время церемонии в данном населенном пункте в ноябре 1994 года [30, с. 6]. Ужасающие подробности убийств сотрудниками НКВД бойцов АК и мирных жителей деревни Лавжи Ошмянского района Гродненской области в феврале 1945 года были приведены в заметке о церемонии, посвященной пятидесятилетию данного события (отметим, что на мероприятии присутствовали дети) [23, с. 2]. Примечательно, что многие тезисы из статьи автора «Голоса над Неманом» об эпизоде в деревне Лавжи спустя 25 лет были воспроизведены в ряде белорусских интернет-ресурсов (многие из них в настоящий момент признаны судом экстремистскими). Очевидные противоречия в описании событий февраля 1945 года были детально проанализированы колумнистом издания «СБ. Беларусь сегодня» А. Муковозчиком (26 февраля 2020 года) [6]. Описания столкновений между АК и германскими оккупационными войсками чаще всего не изобиловали подробностями. У читателей издания могло сложиться впечатление о том, что германские оккупанты действовали более «цивилизованно», нежели советские партизаны.

С 1995 года коммеморативные мероприятия, направленные на глорификацию бойцов АК в Беларуси, приняли более системный характер, их наибольшая интенсивность наблюдалась ежегодно в конце октября – начале ноября, когда католики праздновали День всех усопших. В мероприятиях в обязательном порядке принимали участие активисты СПб и сотрудники Генерального консульства Республики Польша в Гродно, их ход активно освещался на страницах издания «Голос над Неманом». Так, с 30 октября по 1 ноября 1999 года места, связанные с увековечиванием памяти солдат и офицеров АК (памятники в деревнях Стриевка (Гродненский район), Сурконты (Вороновский район), Ваверка (Лидский район), городе Щучин, могилы бойцов АК в деревнях Евлаши, Старые Василишки (все – Щучинский район), Жирмуны, Нача (все – Вороновский район), Нетечь (Лидский район), Викшняны, Дындилишки (все – Ивьевский район), Ворзяны (Островецкий район), Солы (Сморгонский район),

городских поселках Острино (Щучинский район), Порозово (Свислочский район), Радунь (Вороновский район), Островец, городе Ошмяны), посетили шесть организованных групп.

Важным инструментом включения темы АК в актуальную общественную повестку являлись научно-практические конференции, организованные СПБ при поддержке иных структур. Так, в январе 1993 года под эгидой СПБ и Польского научного общества (структурное подразделение СПБ) в Минске, Гродно и Лиде были проведены конференции, посвященные деятельности АК в Беларуси. Главными спикерами конференций являлись историки из Польши. Например, профессор Военно-исторического института Польши Г. Пискунович в своем докладе на конференции в Гродно отмечал изначально антифашистский характер деятельности АК, легитимность и легальность ее основной цели – восстановления Польши в границах 1939 года. Столкновения отрядов АК с советскими партизанами и войсками НКВД трактовались как исключительно «ответная реакция на террор против польского населения» [32, s. 1]. Схожие доводы были озвучены польскими историками во время конференции в Гродно в октябре 1994 года (в числе соорганизаторов конференции были СПБ и Институт истории Академии наук Беларуси). Белорусские ученые, освещавшие в своих докладах факты преступлений АК против мирного населения Беларуси, уличались в «использовании терминологии времен Цанавы – Берии». Автор материала о конференции в газете «Голос над Неманом» предлагал «осторожно относиться к архивным документам», так как в них якобы запечатлен исключительно взгляд «представителей диктаторского режима». Заместитель председателя СПБ Т. Малевич, как и другие участники конференции, отстаивавшие польскую оптику оценивания АК, не приводил конкретных опровержений слов белорусских историков, а лишь упрекал их в нежелании отказаться от «советских шаблонов»: «Белорусская историография не может идти вслед за советской, но мы это видим» [20, s. 1–2]. Подобные оценки дает и современный польский историк В. Слешинский, который специализируется на истории польско-белорусских взаимоотношений в XX–XXI веках: «СПБ активно участвовал в защите доброго имени АК, протестовал против клеветнических статей о деятельности польского подполья в Беларуси. Польские институты, однако, не были в состоянии изменить существующее в Беларуси еще с советских времен представление об этом военном формировании» [35, s. 526].

В многочисленных научно-публицистических материалах в газете «Голос над Неманом» подчеркивалась особая важность памяти об АК для укрепления национальной идентичности представителей польской диаспоры в Беларуси. Так, ректор Польского народного института в Беларуси З. Борадын в своей статье «Драма над Неманом» отмечал: «Не подлежит сомнению значительный вклад Новогрудского округа АК в борьбу с гитлеровскими захватчиками. Также следует отметить, что Новогрудский округ имел не только военное, но и огромное моральное значение. Наши родные выступали как вооруженная сила нации, манифестируя польскость этих земель, платили за это своими жизнью и кровью, противостоя практикам тайной дипломатии, “права” сильнейшего и сталинской извращенности. Они не могли изменить свою судьбу, потому что над ними тяготели дела большой политики» [18, s. 3].

СПБ и другие заинтересованные акторы в 1990-х годах неоднократно обращались в органы государственной власти Республики Беларусь с требованиями закрепить за бойцами АК статус участников военных действий (комбатантов). Работу в этом направлении подробно описал заместитель председателя СПБ Т. Малевич в программной статье для «Голоса над Неманом». 22 апреля 1993 года II съезд СПБ утвердил открытое обращение к Верховному Совету и правительству Республики Беларусь, в котором содержалось требование

«признать бойцов АК участниками войны и исправить учебники в соответствии с исторической правдой». Для рассмотрения этого вопроса по распоряжению правительства была создана комиссия, которую возглавил председатель Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь А. Михальченко. В состав комиссии вошли и представители крупнейших полонийных организаций Беларуси – заместитель председателя СПБ Т. Малевич и председатель Польского научного общества Ч. Беньковский.

Т. Малевич сообщал, что основным камнем преткновения стал вопрос о преступлениях АК против мирного населения Беларуси. Допуская возможность таких действий АК, один из лидеров СПБ трактовал их как ответную реакцию на политику советской власти, особо подчеркивая белорусскую этническую принадлежность многих ее представителей: «Мы уже знаем, что это Красная армия, в состав которой входили и белорусы, совершала преступления против польского населения, допускала грабежи, насилия и мародерства. Знаем также о тысячах поляков, вывезенных в Сибирь по доносам белорусских партийных активистов. Знаем также о сотрудничестве белорусских националистов с немцами, жертвами которого часто были поляки. Очевидно, не удивительно, что пришел ответ на те действия. Следует отметить, что даже в отчетах противника АК была обозначена как “банда с очень высокими моральными принципами”. Тут отчетливо видим, что дискриминация бойцов АК по политическим мотивам или приписывание АК криминальных преступлений не являются обоснованными». Т. Малевич предлагал предоставить статус участника военных действий бойцам АК с возможностью лишить его лиц, чьи преступления против человечности были доказаны [17, s. 1]. 16 сентября 1993 года на одном из заседаний комиссии Малевич и вовсе предложил дискуссионные вопросы о взаимодействии АК с советскими партизанами и гражданским населением «не относить к рассмотрению комиссии, оставить эту тему историкам» [25, s. 1]. В итоге комиссия не приняла решения о наделении бойцов АК статусом участников военных действий.

В структуре СПБ создавались организации, объединявшие бывших участников отрядов АК. От имени данных институций также направлялись обращения в органы государственного управления Республики Беларусь с целью добиться для бойцов АК статуса участника военных действий. 25–26 сентября 1993 года в Гродненском областном театре состоялся I съезд польских комбатантов и бойцов АК. На съезде было объявлено о создании «Общества солдат АК в Беларуси» в структуре СПБ, которое возглавил Б. Волосевич [19, s. 5]. Вопросами статуса бойцов АК занималась еще одна аффилированная с СПБ организация – «Общество польских комбатантов» (учреждено в 1991 году) во главе с А. Волинским. Первоначально она позиционировала себя как организация, которая занималась исключительно вопросами поддержки «солдат сентября», но с течением времени проблематика бойцов АК занимала все более заметное место в деятельности институции. Корреспондент «Голоса над Неманом», активный участник польского этнополитического движения в Беларуси Р. Карачун так описывает ситуацию, которая имела место на одном из мероприятий «Общества польских комбатантов» в начале 1990-х годов: «Когда приглашали из Польши бойцов АК, мы не могли открыто говорить о цели съезда, зная отношение властей. Члены общества ветеранов [Гродненская областная организация Белорусского общественного объединения ветеранов – О.К.] выразили возмущение, когда разговор пошел в ином ключе. Но ничего они уже сделать не могли, потому что в зале были представители посольства Республики Польша в Беларуси и гости из Варшавы». Р. Карачун в своей статье отмечал, что материальную помощь бывшим участникам АК, проживавшим в Беларуси, оказывали как правительственные структуры Польши, так и общественные объединения

этой страны (в частности, «Фонд помощи полякам на Востоке»), а также Генеральное консульство Республики Польша в Гродно [22, s. 4].

6 апреля 1997 года состоялась отчетно-выборная конференция «Общества солдат АК в Беларуси». В статье в «Голосе над Неманом», посвященной этому событию, подробно характеризовались основные направления работы организации. «Общество солдат АК в Беларуси» помогало бывшим участникам движения проходить процедуру верификации во «Всемирном совете солдат АК» (к апрелю 1997 года данную процедуру прошли более 170 человек), взаимодействовало с историками, осуществляло уход за могилами солдат АК, сотрудничество с государственными и общественными институтами Польши. Выступавший на конференции Т. Малевич отметил, что СПБ обратилось к премьер-министру Польши В. Цимошевичу, а также к ряду общественных структур этой страны («Всемирный совет солдат АК», «Федерация кресовых организаций», общество «Вспульнота Польска») с просьбой оказать воздействие на официальный Минск по вопросу признания бойцов АК участниками военных действий. Генеральный консул Польши в Гродно Г. Калиновский вручил бывшим бойцам АК, проживавшим в Беларуси, благодарственные письма от президента Польши А. Квасьневского, а также ценные подарки [16, s. 4]. В 1997–1999 годах СПБ и аффилированные с ней структуры предпринимали наиболее активные попытки добиться от властей Беларуси предоставления солдатам и офицерам АК статуса ветеранов войны, но они также завершились неудачей [29, s. 602].

Активные действия СПБ (в том числе в сфере коммеморации АК), направленные на закрепление польского влияния в Беларуси, вызвали обостренную тревогу у властей страны. 23 марта 1993 года начальник Управления по делам социально-культурного комплекса Совета Министров Республики Беларусь П. Кишкурно обратился к заместителю Председателя Совета Министров М. Демчуку с предложением провести совещание «О соблюдении законодательства по защите национальных интересов Республики Беларусь» (инициатором совещания являлось Министерство иностранных дел). Совещание у заместителя состоялось 31 марта 1993 года, на нем присутствовали чиновники Министерства иностранных дел, Министерства информации, Министерства юстиции, Комитета государственной безопасности, областных исполнительных комитетов, сотрудники Академии наук и др. Были даны поручения различным ведомствам. Так, Министерству информации рекомендовалось «обратить внимание работников средств массовой информации на необходимость объективных публикаций и теле-радиопередач о деятельности АК в период Второй мировой войны» [14, л. 54].

В белорусской республиканской прессе периодически появлялись материалы о преступлениях польской подпольной организации в годы Великой Отечественной войны. Так, в номере газеты «Советская Белоруссия» от 13 октября 1994 года сообщалось об упомянутой выше конференции, посвященной АК. Автор статьи отмечал, что польские историки, а также активисты СПБ пытались героизировать бойцов данного формирования, в то время как белорусские ученые делали акцент на их преступных действиях в отношении мирного населения (только в Лидском районе в 1943 году было убито около 1,2 тыс. мирных жителей). Особой критике автор заметки подверг выступление редактора газеты «Голос над Неманом», который обвинялся в отрицании территориальной целостности Беларуси: «Но вот взошел на трибуну Е. Скробоцкий, редактор газеты СПБ “Глос з-над Немна”, на издание которой, кстати, выделяет деньги белорусское правительство, и заголосил: “Поделили нашу крайну! Отошла часть Польши Литве, часть – Беларуси. И если говорить об АК, то не “на Беларуси” надо говорить, а “на Новогрудчине”, “на Виленщине”, “на Полесье”. А Белоруссия – это где-то у Полоцка, так я понимаю» [11, с. 1–2].

В статье М. Ковалева, опубликованной в газете «Советская Белоруссия» 3 декабря 1994 года, СПБ именовался «проаковским лобби» (от аббревиатуры АК – Армия Крайова). Отмечалось, что АК боролась за возрождение Польши в границах 1939 года, то есть рассматривала Западную Беларусь как часть польского государства. Подпольной военной организации давалась крайне негативная оценка: «АК – это кровь белорусских партизан, их замученных и сожженных заживо жен и детей. От рук аковских изуверов пали десятки православных священников. Формирования АК после освобождения Белоруссии от немецких фашистов, разделившись на небольшие хорошо вооруженные группы, вплоть до середины 50-х гг. совершали бандитские налеты на населенные пункты, грабили крестьян, расстреливали, вешали и заживо сжигали руководящих работников и членов их семей» [4, с. 4].

В 2000 году председателем СПБ был избран Т. Кручковский, который декларировал курс на деполитизацию организации, отказ от сотрудничества с оппозиционными движениями и партиями Беларуси, концентрацию исключительно на культурно-просветительской работе. В 2005 году в СПБ произошел раскол: «официальный» СПБ продолжил курс, заложенный Т. Кручковским, «нелегальный» СПБ во главе с А. Борис декларировал открытую оппозиционность и пользовался всемерной поддержкой правительственных и дипломатических кругов Варшавы. При этом коммеморативные практики в честь АК проводились представителями обоих направлений польского этнополитического движения. Руководитель «официального» СПБ Ю. Лучник в интервью на конференции после съезда организации в 2005 году отметил: «Поляки Беларуси находятся в таком же положении, как украинцы, русские и сами белорусы. Но именно из польских СМИ я узнаю, что нас, поляков, здесь притесняют. И ни одного конкретного факта. Мне никто не мешал здесь организовывать “Союз поляков”. Не мешал проводить съезды, митинги. Не препятствовал перезахоронению польских солдат войны 1939 г., солдат Армии Крайовой, участников восстания 1863 г. И надеюсь, дальше мешать не будет» [7].

Ситуация изменилась лишь после событий 2020 года в Беларуси. «Нелегальный» СПБ на протяжении всей своей деятельности с помощью различных инструментов содействовал глорификации бойцов АК в среде лояльных организаций представителей польской диаспоры. Одна из таких акций завершилась крупным дипломатическим скандалом. 9 марта 2021 года Министерство иностранных дел Республики Беларусь потребовало от Генерального консула Республики Польша в Бресте Е. Тимофеюка покинуть страну, обвинив его в грубом нарушении Венской конвенции. Причиной стало участие дипломата в школьном мероприятии 28 февраля, посвященном Дню «проклятых солдат» (так в польской традиции именуют участников АК). Белорусское государственное телевидение показало кадры с мероприятия в школе скаутов в Бресте, на котором присутствовал лично консул Е. Тимофеюк. Школу закрыли, ее директора и активиста «нелегального» СПБ А. Панишеву арестовали. 24 марта 2021 года в Гродно задержали главу непризнанного СПБ А. Борис, которой было предъявлено обвинение в «разжигании расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни» [12]. Вскоре было задержано еще несколько активистов незарегистрированного СПБ (А. Почобут, И. Бернацкая, М. Тишковская), которым также инкриминировалось разжигание национальной вражды. На начало января 2025 года активисты (кроме А. Почобута, который в феврале 2023 года был приговорен судом к восьми годам лишения свободы в условиях колонии усиленного режима) были освобождены, покинули Беларусь и переехали в Польшу. В центральной белорусской прессе появились материалы, свидетельствовавшие о преступном характере действий ряда бойцов АК в отношении гражданского населения в годы Великой Отечественной войны и в послевоен-

ное десятилетие [10, 15]. Начиная с лета 2022 года ряд мемориальных объектов в честь бойцов АК (в городе Волковыске, городском поселке Берестовица, деревнях Микулишки (Ошмянский район), Стриевка (Гродненский район), Качичи (Кореличский район) и др.) был демонтирован.

Таким образом, коммеморация бойцов АК являлась одним из действенных инструментов закрепления польского символического присутствия на территории Беларуси. Заинтересованные акторы (СПБ и аффилированные с ней культурно-просветительские и ветеранские организации, римско-католическая церковь, правительственные и дипломатические круги Варшавы, институты гражданского общества Польши) рассматривали данные мероприятия в оптике втягивания населения Беларуси (прежде всего католического вероисповедания) в орбиту культурного влияния Польши, искусственного разжигания в его среде нелояльного отношения к базовым принципам белорусской государственности. В 1990-х годах в западных регионах Беларуси (прежде всего на Гродненщине) были созданы элементы альтернативного пространства культурно-исторической памяти, которое имело явный конфликтогенный потенциал; оно было в основном ликвидировано только в последние годы.

Литература

1. *Валаханович И.А.* Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1955 гг. Минск: БГУ, 2002. 146 с.
2. *Великий А.Ф.* К вопросу о взаимодействии польских вооруженных формирований Армии Крайовой с немецким оккупационным режимом // Тэзісы чацвёртай навуковай канферэнцыі беларускіх і польскіх гісторыкаў, 6–7 кастрычніка 1994 г. Гродна: БелНІІДААС, 1994. С. 70–72.
3. *Ермолович В.И., Жумарь С.В.* Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии. Минск: БелНИИЦДААД, 1994. 112 с.
4. *Ковалев М.* Не дайте аковцам почивать на лаврах // Советская Белоруссия. 1994. 3 декабря. С. 4.
5. *Марчук В.В., Хомич В.М.* К вопросу о правовой оценке деятельности подпольных польских формирований на территории Беларуси в 40-х – 50-х годах прошлого века // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2022. Вып. 15. С. 169–179.
6. *Муковозчик А.* Совместить на портале фейк-ньюс и искажение истории – это, вообще говоря, надо постараться сделать [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/dva-v-odnom453.html> (дата обращения: 14.01.2025).
7. «Мы хотим восстановить дружественные отношения», – Юзеф Лучник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/my-khotim-vosstanovit-druzhestvennye-otnosheniya-yuzef-luchnik.html> (дата обращения: 23.12.2022).
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 136. Оп. 3. Д. 9.
9. НАРБ. Ф. 136. Оп. 3. Д. 22.
10. «Они же нас физически уничтожали». Марзалюк – о требованиях поляков увековечить память Армии Крайовой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/oni-zhe-nas-fizicheski-unichtozhali-marzalyuk-o-trebovaniyakh-polyakov-uvekovechit-pamyat-armii-kray.html> (дата обращения: 17.01.2025).
11. *Саласюк В.* Конференция, которой могло и не быть, но которая все-таки оказалась необходимой // Советская Белоруссия. 1994. 13 октября. С. 1–2.
12. *Сарджвеладзе С.* «Откровенный цинизм»: Как Польша и Белоруссия снова поссорились из-за массового убийства времен Второй мировой войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2021/05/08/sosedi/> (дата обращения: 23.12.2022).
13. *Туронак Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск: Беларусь, 1993. 236 с.
14. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3251.
15. *Шестак В.* Армия Крайова: перехваченная эстафета геноцида [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/armiya-krayova-perekhvachennaya-estafeta-genotsida-chast-1-ya.html> (дата обращения: 17.01.2025).
16. *A.K.* Nie szczędzili siebe dla naszego dobra // Glos znad Niemna. 1997. 28 kwietnia –1 maja. S. 4.
17. *Artisz I.* Rozmowa z wiceprezesem ZPB Tadeuszem Malewiczem // Glos znad Niemna. 1993. 9–15 sierpnia. S. 1.
18. *Boradyn Z.* Dramat nad Niemnem // Glos znad Niemna. 1994. 17–23 stycznia. S. 3.

19. *Dziurbek J., Artisz I.* W obronie honoru żołnierskiego // *Głos znad Niemna*. 1993. 11–17 października. S. 1, 5.
20. *Dziurbek J.* Kolejny krok na drodze wyświetlania prawdy // *Głos znad Niemna*. 1994. 24–30 października. S. 1–2.
21. *Januszewski J.* Odbudowano kapliczkę // *Głos znad Niemna*. 1993. 6–12 września. S. 5.
22. *Karaczun R.* Wojna była jedna, a weteranów podzielono na "swoich" i "cudzych" // *Głos znad Niemna*. 1995. 4–10 września. S. 4.
23. *Karpowicz T.* Pamięć i ból pokoleń // *Głos znad Niemna*. 1995. 3–9 kwietnia. S. 2.
24. *Kirwiel J.* Poświęcenie tablicy pamiątkowej // *Głos znad Niemna*. 1994. 19–25 września. S. 5.
25. *Malewicz T.* 16 września // *Głos znad Niemna*. 1993. 4–10 października. S. 1.
26. *Malewicz T.* Wrażenia z podróży // *Głos znad Niemna*. 1996. 29 kwietnia – 31 maja. S. 3.
27. *Mich M.* Straż Mogił Polskich // *Głos znad Niemna*. 1992. Styczeń. S. 8.
28. *Michaljik L.* Honor I Ojczyzna // *Głos znad Niemna*. 1992. 16–31 października. S. 6.
29. *Mironowicz E.* Polska mniejszość narodowa w warunkach zmieniających się koncepcji polityki wewnętrznej Republiki Białoruś // *Polacy na Białorusi od Powstania Styczniowego do XXI wieku*. T. V. Traktat ryski i jego konsekwencje dla Polaków i Białorusinów / red. T. Gawin. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. S. 589–609.
30. *Nowicki W.* Na rodzime ścieżki krwi i chwały // *Głos znad Niemna*. 1996. 19–25 listopada. S. 6.
31. *Nowicki W.* Na rodzime ścieżki krwi i chwały // *Głos znad Niemna*. 1994. 12–18 listopada. S. 6.
32. *Poszukiwanie prawdy* // *Głos znad Niemna*. 1993. 11–17 stycznia. S. 1.
33. *Roztworowski F.* Wzniesmy tu krzyż // *Głos znad Niemna*. 1993. 29 marca – 4 kwietnia. S. 5.
34. *Skrobocki E.* Tak daleko, tak blisko... // *Głos znad Niemna*. 1995. 5–11 czerwca. S. 2.
35. *Ślęczyński W.* Polityka historyczna a mniejszość polska na Białorusi w latach 1991–2017 // *Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku*. T. I. Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich / red. T. Gawin. Warszawa: Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. S. 521–536.
36. *Winnicki Z.J.* Wśród rodaków w Wołkowysku i Kodziowcach // *Głos znad Niemna*. 1994. 10–16 września. S. 3.

Аннотация. В статье представлена характеристика коммеморативных практик, направленных на глорификацию бойцов Армии Крайовой в Беларуси в 1990-х годах. Основными акторами данного процесса являлись «Союз поляков Беларуси» и аффилированные с ней институты («Общество польских комбатантов», «Общество солдат Армии Крайовой в Беларуси»), правительственные и дипломатические структуры, общественные организации («Страж польских могил на Востоке», «Фонд защиты памятников», «Вспульнота Польска» и др.) Республики Польша, католическая церковь в Беларуси. Основными направлениями деятельности по коммеморации бойцов Армии Крайовой являлись массовые траурные церемонии на местах захоронений, открытие мемориальных знаков, проведение научно-практических конференций, публикации в прессе, лоббирование признания бойцов Армии Крайовой ветеранами войны. Основу источниковой базы статьи составили материалы печатного органа «Союза поляков Беларуси» – газеты «Голос над Неманом».

Ключевые слова: Армия Крайова, «Союз поляков Беларуси», католическая церковь, коммеморативные мероприятия, историческая память.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Oleg G. Kazak, PhD in History, Associate Professor, Head, Department of Political Science, Belarusian State Economic University. E-mail: kazak_og@bseu.by

Commemoration of Armia Krajowa Combatants in Belarus in the 1990s: Actors, Instruments, Results

Abstract. The article presents the characteristics of commemorative practices aimed at glorifying Armia Krajowa combatants in Belarus in the 1990s. The main actors in this process were «Union of Poles in Belarus» and its affiliated institutions (“Society of Polish Combatants”, “Society of Soldiers of the Armia Krajowa in Belarus”), government and diplomatic structures, public organizations (“Guardian of Polish Graves in the East”, “Foundation for the Protection of Monuments”, “Wspólnota Polska”, etc.) of the Republic of Poland, and the Catholic Church in Belarus. The main areas of activity for commemorating Armia Krajowa combatants were mass mourning ceremonies at burial sites, unveiling memorial signs, holding scientific and practical conferences, publications in the press, lobbying for the recognition of Armia Krajowa combatants as war veterans. The article is based on the materials from the printed organ of the “Union of Poles in Belarus” – the “Voice over the Neman” newspaper.

Keywords: Armia Krajowa, “Union of Poles in Belarus”, Catholic Church, Commemorative Events, Historical Memory.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

© Олег Казак, 2025

Исторический анализ судебного преследования нацистских пособников из литовских полицейских батальонов: на примере Антанаса Гецевичюса

Изучение фактов преступлений в отношении советских мирных граждан и военнопленных, а также определение роли и участия в их совершении коллаборационистов, по-прежнему остается важной научной проблемой, имеет актуальность в общественно-политической и правовой сферах. В послевоенный период Генеральная Ассамблея ООН настоятельно призывала государства помогать друг другу в обнаружении, аресте и предании суду лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечества, и, если они будут признаны виновными, в их наказании.

Так, 26 ноября 1968 года сессия Генеральной Ассамблеи ООН большинством голосов одобрила «Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества». В декабре 1983 года Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 38/99 вновь подтвердила, что привлечение к ответственности и наказание за военные преступления и преступления против мира и человечества, предусмотренные в резолюции 3/1 от 13 февраля 1946 года и 95/1 от 11 декабря 1946 года, представляет собой всеобщее обязательство для всех государств.

Однако в 1987 году Первый заместитель Генерального прокурора СССР Н.А. Баженов отмечал: «И если говорить о реальности этого вопроса, сложившегося в мире после окончания Второй мировой войны, то от <...> реального решения этого вопроса страны антигитлеровской коалиции, такие как США, Англия и Франция, практически отошли. Сошлемся, чтобы быть точными, на международно-правовую основу, не просто, скажем, отошли от чего-то, а скажем конкретно, от чего отошли. Была Сент-Джемская декларация стран антигитлеровской коалиции от 13 января 1942 г. о наказании за преступления, совершенные во время войны, была Московская декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства от 30 октября 1943 г. При встрече в Потсдаме все это было подтверждено, и мы не можем забыть слова президента Рузвельта, когда он заявил, что все страны антигитлеровской коалиции найдут даже на краю света военного преступника и предадут его суду. Так заявил президент США. Нельзя не напомнить о Лондонском соглашении четырех держав, к которому присоединились еще 19 государств, от 8 августа 1945 г., где тоже поклялись наказать военных преступников. Начиная с 1946 г. ООН неоднократно призывала осуществлять судебное преследование нацистских военных преступников независимо от сроков давности, ибо в международных соглашениях никаких сроков давности не предусматривалось» [1, л. 27].

Несмотря на то, что это дело напрямую связано с расследованиями в отношении других литовских карателей, пример судебного преследования

Селюкина Наталия Владимировна, исполнительный директор Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память». E-mail: s_nv7@mail.ru

в отношении бывшего военнослужащего 2-го (12-го) литовского полицейского батальона Антанаса Гецевичюса характеризуется рядом особенностей. Прежде всего следует подчеркнуть то, что правоохранные органы нескольких стран пытались привлечь его к правовой ответственности на протяжении не менее 15 лет. Розыскные мероприятия в отношении Гецевичюса инициировались в СССР. Основанием для следствия в отношении него являлась военная служба в составе формирований, созданных немецко-фашистскими оккупационными властями в годы войны, а также участие в массовых убийствах гражданского населения и военнопленных на территории Советского Союза, в частности в Литве и Белоруссии.

Его служба в карательных формированиях прослеживается по архивным документам и иным источникам. Принимая во внимание тот факт, что в октябре 1941 года 2-й (12-й) литовский полицейский батальон был направлен из Литвы в Белоруссию, службу Гецевичюса следует разделить на два периода. Кроме того, изначально он поступал на службу в другой батальон. В § 9 приказа № 32 «Батальону охраны национального труда» от 30 июля 1941 года сообщается следующее:

«Для регистрации и проверки находящегося в батальоне спасенного от большевиков имущества печати и просвещения, для заприходования назначаю комиссию:

Председатель: Швипла

Члены: лейтенант Юодис и младший лейтенант Гецевичюс.

В комиссию пригласить представителя Военной комендатуры г. Каунас. Работу начать 5 августа сего года (1941 года) и, окончив ее, акты в трех экземплярах представить мне до 30 августа сего года для утверждения» [2, л. 3]. Далее младший лейтенант А. Гецевичюс вновь упоминается в § 14 в связи с тем, что с 21 июля назначается командиром взвода 1-й роты [2, л. 3].

В июле 1941 года на Каунасских фортах проводились массовые расстрелы. В числе участников этих преступлений бывшие сослуживцы по батальону неоднократно называли имя А. Гецевичюса. На допросе в марте 1979 года в Комитете государственной безопасности Литовской ССР о расстреле советских граждан в VII форте города Каунаса, Йонас Плунге¹ показал: «Пригнанных евреев вокруг охраняли солдаты нашего батальона, однако из какой роты, я сейчас не помню. Из офицеров нашего батальона был капитан Киркила Бронюс, лейтенант Ралис, имени не помню, командиры взводов младший лейтенант Гецевичюс Антанас, младший лейтенант Буйнаускас, имени не помню, и другие, фамилий которых я сейчас уже не помню» [3]. Также он уточнял, что команды «Приготовиться! Огонь!» давали командиры взводов Гецевичюс Антанас, Буйнаускас и другие.

Как известно, в начале августа 1941 года из нескольких рот «Батальона охраны национального труда» были созданы два батальона вспомогательной полицейской службы – шуцманшафты [4, с. 157]. В их числе был сформирован 2-й (12-й) литовский полицейский батальон под командованием майора Антанаса Импулявичюса. В рапорте, направленном в Каунасскую комендатуру 22 августа 1941 года, Импулявичюс изложил просьбу перевести из 1-го батальона во 2-й батальон 14 офицеров, в числе которых был А. Гецевичюс. Далее факт добровольной военной службы Гецевичюса во 2-м (позднее – в 12-м) литовском полицейском батальоне подтверждается приказом № 1

¹ Нацистский пособник, арестован 19 января 1979 года Комитетом государственной безопасности при СМ Литовской ССР. 23 июля 1979 года Верховным судом Литовской ССР Плунге приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 28 сентября 1979 года в г. Минске Белорусской ССР.

от 26 августа 1941 года, где он числится под порядковым номером «6». Следует заметить, что ряд вышеуказанных фактов отмечен в литовских информационных ресурсах. Так, например, в электронной энциклопедии “Lietuvos Aviacijos Istorija 1919–1940 m.” есть именной раздел, посвященный Антанасу Гецевичюсу [5].

Период службы А. Гецевичюса на оккупированной территории Белоруссии следует отсчитывать с 6 октября 1941 года, когда был издан приказ № 42, которым весь личный состав батальона был направлен в командировку на участке Минск – Борисов – Слуцк. В вышеназванном приказе Гецевичюс указан под порядковым номером «12». В этом документе также указана цель командировки – для «борьбы с большевистскими [то есть советскими – Н.С.] партизанами». Но известно, что фактически это превращалось в уничтожение различных групп советских граждан, а также военнопленных.

Имя А. Гецевичюса неоднократно упоминается в числе активных участников расправ над советским населением в брошюре “Do you know this man?”, изданной на основе материалов уголовного дела и суда 1962 года [6, с. 24, 27]. Так, на странице 12 размещена вырезка из приказа № 1 II-му батальону вспомогательной службы полиции, где в разделе о строевой части согласно § 1 дежурным батальона назначается младший лейтенант А. Гецевичюс [6, с. 12]. Он упоминается в числе организаторов публичной казни советских подпольщиков 26 октября 1941 года в Минске [6, с. 24].

Его сослуживец – бывший командир отделения 1-й роты 2-го (12-го) карательного батальона Юозас Книримас в ходе суда показал: «Осенью 1941 года мне довелось участвовать в повешении советских партизан в Минске. Импульвичюс, командир батальона, повел солдат в минский острог. Солдаты, окружив выведенных из острога партизан, погнали их в сторону Городского сада, недалеко от театра. По пути лейтенант Гецевичюс назначил солдат, которые должны были выполнять роль палачей. Он выбрал Варнаса, Шимониса и меня» [6, с. 24].

В приговоре по уголовному делу № 2-15-s указано следующее: «Показаниями подсудимых Книримаса, Давалги, Кемзуры, Усялиса, свидетелей Узаса, Варнаса, Адомайтиса, Левицкаса, установлено, что 12 участников Минского партийного подполья повесили солдаты батальона, а вешанием руководил мл. лейтенант этого батальона Гецевичюс. Само исполнение экзекуции установлено в деле имеющимися копиями фотоснимков (т. 6 л.д. 20–25)» [7, с. 42].

Позднее показания об этом преступлении Ю. Книримаса¹ будут заслушаны в программе на шотландском телевидении: «Мы нашли виселицу, установленную в городском парке. Лейтенант Гекас назначил солдат, которые должны были выступить в роли палачей. Мы должны были накинуть петлю на шею осужденным» [8].

В разделе «Братские могилы в Белоруссии» вышеупомянутой брошюры приведены показания З. Кемзуры – бывшего сослуживца Гецевичюса по батальону. Он сообщал, что осенью 1941 года личный состав батальона ездил расстреливать евреев в Койданово и Слуцк. На суде он вспоминал: «Перед расстрелом людей раздевали до нижнего белья, после этого солдаты 1-й роты загоняли их группами по двадцать человек в рвы и приказывали стоять там на коленях. Солдаты расстреляли их из винтовок. У одного из рвов команду стрелять дал Гецевичюс, а у другого Квецинкас, офицер роты» [6, с. 27].

¹ В текстовом сопровождении программы относительно показаний отмечено: «Голос Ю. Книримаса». Учитывая то обстоятельство, что Ю. Книримас был приговорен судом к расстрелу в 1962 году, логично полагать, что в эфире демонстрировались записи, сделанные советскими органами следствия в 1960-х годах.

Изучая архивные уголовные дела и протоколы допросов карателей в целях определения мотивов службы и роли в преступлениях, историк А. Рукшенас обнаружил, что среди военнослужащих 2-го (12-го) литовского полицейского батальона А. Гецевичюс проявлял особую активность. Так было, например, при проведении уничтожения евреев в Койданово 21 октября 1941 года [9, р. 43]. Аналогичную характеристику А. Гецевичюсу на допросах в июле 1963 года давал один из его бывших сослуживцев М. Дуденас [9, р. 51].

В протоколах других полицаев отмечается, что при осуществлении расправ над населением оккупированных территорий употребление алкоголя происходило постоянно. Отмечается, что на расстрелах в Слуцке в конце октября 1941 года А. Гецевичюс участвовал в раздаче алкогольных напитков [9, р. 52].

В начале октября 1942 года 2-й (12-й) литовский батальон полиции был переброшен из Минска в Копыль, где обосновался в одноэтажном каменном доме в центре города. 28 октября 1942 года военнослужащие батальона под руководством майора А. Импулявичюса вместе с немцами отправились в хозяйство «Рим» в 5–6 км от Копыля. Литовские полицейские должны были охранять немцев, которые отправлялись в села отбирать у жителей продукты питания и скот, от возможных нападений партизан [10, р. 53].

Партизаны хотели помешать этому, напав на литовский батальон и немцев. Солдаты батальона, которые окружили хозяйство, отстреливаясь, отступили, а немцы успели угнать с собой животных. Во время перестрелки партизаны убили старшину 1-й роты Петраускаса, два солдата батальона были ранены, один из которых по фамилии Красинскас позже скончался. Эти события в виде некрологов отражены на страницах журнала батальона “*Ritu Savanoris*”, издаваемого литовскими полицаями [11, р. 83].

В борьбе с партизанами немецкие оккупационные власти использовали «ягдкоманды», одной из которых руководил А. Гецевичюс [12, р. 662]. Осенью 1942 года в Копыле были пойманы три советских партизана, которых по одним данным – у церкви, по другим данным – за городом, расстреляли члены ягдкоманды [10, р. 53].

В 1942 – зимой 1943 года была получена информация, что примерно в 20–30 км от Копыля (в Пинских болотах) собрались большие силы партизан. 2-й (12-й) и 15-й литовские батальоны полиции, латвийская рота и немецкие солдаты осуществляли их поиск. В лесах начался бой с партизанами, во время которого было ранено около 12 военнослужащих батальона. 2-й (12-й) литовский полицейский батальон пробыл в Копыле до января 1943 года.

В январе 1943 года партизаны Шацка убили около 15 немецких полицейских. После этого 1-я и 2-я роты были переведены в Шацк, где пробыли до апреля, а 3-я рота осталась в Копыле. В начале 1943 года в Шацк привезли двух раненых партизан, которых допрашивал немецкий офицер вместе с А. Гецевичюсом. После допроса пришли два военнослужащих с носилками, унесли раненых в поле, где свалили на землю. Вскоре пришли вооруженные пистолетами военнослужащие 1-й роты Пятрас Янкунас и Леонас Шимонис и застрелили партизан [10, р. 53].

Историк А. Рукшенас также утверждает, что 23 января 1943 года военнослужащие 2-го (12-го) литовского полицейского батальона уничтожили более 10 домов и убили от 25 до 30 жителей села Рудково (вероятно, Узденский район Минской области), которые подозревались в связях с партизанами. В расправах над мирным населением принимала участие ягдкоманда под руководством А. Гецевичюса [10, р. 53].

Активная карательная деятельность А. Гецевичюса против советских граждан и борьба с партизанами не остались незамеченными немецким командованием. В документальных материалах фонда «Барановичское управ-

ление полиции и жандармерии», который хранится в Национальном архиве Республики Беларусь, есть дело с приказами начальника полиции порядка при начальнике СС и полиции Белоруссии о награждении личного состава 12-го литовского полицейского батальона медалями «за проявленную храбрость в боях с партизанами», отмечены «павшие в боях с большевизмом». Согласно архивной справке, в которой под номером «18» числится А. Гецевичюс, он в звании лейтенанта полиции был награжден немецким «Железным крестом» 2 класса на основании приказа № 19 от 15.IX.1943 года. Его фотография с наградой публиковалась в коллаборационистской газете “Karys” в 1943 году, а позднее была использована в фильме “Dialogas su sąžine” (1980).

Важно подчеркнуть, что ряд вышеуказанных эпизодов преступной деятельности литовского батальона в обвинительном приговоре по уголовному делу А. Импулявичюса от 20.10.1962 года не указан. Иные, более полные данные, сведения и исследования этого вопроса в российской и белорусской историографии отсутствуют. Вместе с тем, П. Станкерас считает, что в 1962 году А. Гецевичюс был заочно приговорен к расстрелу [12, p. 663]

В 1944 году А. Гецевичюс оказался в Италии и перешел на сторону антигитлеровских сил. Во второй половине 1944 года – первой половине 1945 года он являлся командиром 2-го взвода батальона 2-го Польского армейского корпуса, был награжден польским военным крестом «За храбрость» [5]. Демобилизовался в ноябре 1945 года, поселился в шотландском Эдинбурге, нашел работу в Национальном угольном совете. Несколько раз сменив имя, он на долгие годы сумел скрыться от следственных органов.

Но проблема привлечения А. Гецевичюса к уголовной ответственности не теряла актуальности, однако одной из сложностей, как и в ряде аналогичных случаев, был вопрос установления измененных персональных данных и местонахождения нацистского пособника. В начале 1980-х годов в связи с расследованиями преступлений его бывших сослуживцев – Йонаса Плунге и Юргиса Юодиса имя Антанаса Гецевичюса вновь стало появляться на страницах следственных документов.

Советские дипломаты в Вашингтоне сообщали в Москву о том, что в январе 1987 года Центром Симона Визенталя был подготовлен список выявленных нацистских пособников, проживавших в США [15, л. 8]. В нем насчитывалось 52 имени служивших Третьему рейху в составе различных полицейских формирований нацистских военных преступников, которые подозревались в преступлениях на территории Эстонии, в Латвии – в Даугавпилсе и Мадоне, в Литве – в Шауляе, Паневежисе, Вильнюсе, Мариамполе и Алитусе, польских населенных пунктах, а также в белорусских городах Кобрине и Пинске.

Под порядковым номером № 19 в указанном списке Центра Симона Визенталя значился Антанас Гецевичюс. Сообщалось о его участии в убийстве тысяч мирных жителей в качестве командира подразделения литовских батальонов – карательных отрядов, участвовавших в уничтожении евреев и других лиц в Литве и Великороссии¹. Судебное преследование Антанаса Гецевичюса на всех стадиях процесса сопровождалось информационной кампанией в СМИ и на телевидении. Некоторые исследователи рассматривают разоблачение нацистского прошлого А. Гецевичюса в контексте реализации плана КГБ СССР по дискредитации литовской диаспоры за рубежом [16, p. 248].

Например, П. Станкерас упоминает в своем исследовании о том, что в июле 1992 года А. Гецевичюс подавал иск о клевете на шотландское теле-

¹ В оригинале: “Gecevicus, Antanas aka Gecas. Participated in murder of thousands of civilians in his capacity as commander of a unit of Lithuanian battalions – murder squads involved in annihilation of thousands of Jews and others in Lithuania and Eyclorussia” [15, л. 10].

видение, но считает, что оно «тенденциозно осветило деятельность 12-го литовского батальона» [4, с. 181].

Также газета “Europos Lietuvis” опубликовала информацию о том, что в редакцию передана запись судебного заседания, в ходе которого было объявлено, что Антанас Гечас (Гецевичюс) был несправедливо обвинен и оклеветан [17, р. 4].

В начале февраля 1987 года газета «Известия» опубликовала статью «Палача укрывают в Эдинбурге», автор которой сообщал о том, что международные организации, занимающиеся розыском нацистских военных преступников, направили правительству Англии список с 17 именами [18, с. 5]. При этом британские газеты упомянули лишь одну фамилию – Гечас, он же Гецевичюс, который на тот момент проживал в шотландском Эдинбурге. В целом за это время различные шотландские газеты опубликовали не менее семи различных материалов, посвященных А. Гецевичюсу.

Наряду с этим в сентябре 1988 года Прокуратура СССР зафиксировала, что в ведомство обращался американский адвокат Мартин Мендельсон, ранее работавший в Отделе специальных расследований Министерства юстиции США, с вопросом о предоставлении ему информации про А. Гецевичюса. На тот момент Мендельсон представлял интересы английской газеты “London Times”, опубликовавшей про нацистского пособника обличительный материал о его службе в составе полицейских батальонов. В ответ на действия английских журналистов А. Гецевичюс инициировал против газеты дело по обвинению в диффамации и подал иск в суд¹.

В ноябре 1988 года на имя Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева поступило почтовое отправление из США: «Уважаемый господин Сухарев!.. Я надеюсь, что Вы поддержите лондонскую “Таймс” в ее защите против лица, которое Ваше правительство обвиняет как нацистского убийцу. Я готов вылететь в Москву, чтобы обсудить, какими путями мы можем сотрудничать; при этом я полностью понимаю, что между Вашим правительством и правительством Соединенного Королевства существует соглашение о соблюдении секретности. Полагаю, что такое соглашение никак не должно быть использовано в качестве щита для защиты лица, которое Ваше правительство стремится привлечь к ответственности за военные преступления. Надеюсь в скором времени получить от Вас ответ и затем без промедления встретиться с Вами. Искренне, Мартин Мендельсон» [19, л. 65].

В конце декабря 1988 года Прокуратура СССР сообщила в МИД СССР о письме Мендельсона с просьбой о предоставлении материалов, разоблачающих преступную деятельность нацистского военного преступника Гецевичюса [14, л. 64]. В этом же письме сообщалось, что Прокуратура Союза ССР в целом не возражает против ознакомления с материалами.

В 1987 году шотландское телевидение показало документальный фильм о том, что Гечас был военным преступником. В 1992 году он проиграл иск о клевете против шотландского телевидения, от которого потребовал денежную компенсацию. А. Гецевичюс заявлял, что не совершал никаких военных преступлений и никого не убивал [20].

В этом контексте следует отметить, что на момент его разоблачения в Великобритании не была сформирована нормативно-правовая база, позволяющая наказывать за участие в нацистских преступлениях в годы войны.

¹ Диффамация – распространение порочащих сведений. Отличием диффамации от клеветы является то, что при диффамации незаконным считается само разглашение, хотя бы разглашающий был убежден в истинности разглашаемого, иногда даже если он может представить доказательства такой истинности.

Важно обратить внимание на тот факт, что только в мае 1991 года Парламент Великобритании принял закон о военных преступлениях, который позволял преследовать натурализованных британских граждан, подозреваемых в преступлениях, совершенных под их предыдущим гражданством в годы Второй мировой войны [21]. На данный момент известно, что по этому закону был привлечен к ответственности только бывший белорусский коллаборационист А. Савонюк.

В июне 1994 года имя нацистского пособника Антанаса Гецевичюса вновь появилось в шотландских СМИ. Содержание материалов позволяет сделать вывод о том, что некоторые журналисты бывали в Советском Союзе и приезжали в Литву на встречу с прокурорами и следователями, а также некоторыми свидетелями.

В апреле 1998 года в одном из интервью бывший военнослужащий 2-го (12-го) литовского полицейского батальона Юозас Алексинас, отвечая на вопрос о том, почему он сбежал из батальона, также сообщал, что из всех офицеров, только Гецевичюс хорошо знал немецкий, так он все время общался с немцами.

Анализ зарубежных публикаций в Интернете начала 2000-х годов показывает интенсивность общественно-политической кампании по разоблачению нацистского пособника А. Гецевичюса. В феврале 2001 года в списке наиболее разыскиваемых подозреваемых военных преступников, составленном Центром Симона Визенталя, 84-летний А. Гецевичюс занимал второе место [22].

Наряду с этим Генеральная прокуратура Литвы потребовала от Великобритании его экстрадиции, а суд в Вильнюсе выдал ордер на арест. Согласно материалам СМИ рассматриваемого периода, поводом служили некие новые доказательства, собранные при содействии Министерства юстиции США. Представители органов юстиции Литвы заявляли о 13 преступлениях, связанных с истреблением евреев и массовыми убийствами других мирных жителей в Литве и на территории Белоруссии. В свою очередь, адвокат Найджел Дункан заявлял о невинности А. Гецевичюса и намерениях бороться против экстрадиции.

Вместе с тем очевидно, что пресса игнорировала факты его участия в убийствах советского населения и военнопленных. Внимание в его преступной деятельности было акцентировано на Холокосте. Количество преступлений, в которых обвинялся А. Гецевичюс, варьировалось, а свою роль и участие нацистский пособник отрицал.

В начале апреля 2001 года в телепрограмме “Frontline Scotland” обсуждался вопрос о предъявленных Гецевичюсу обвинениях. Текстовая запись передачи демонстрирует, что в эфире выступал Эли Розенбаум – бывший сотрудник Отдела специальных расследований Министерства юстиции США [8]. Он заявлял о неопровержимости доказательств преступлений Гецевичюса, упоминая показания многих людей, – некоторые из них еще были живы.

По его словам, Гецевичюс признавался в том, что служил в 12-м литовском полицейском батальоне, и в том, что в его составе был отправлен в Белоруссию для проведения карательных акций, присутствовал, когда батальон убил около 150 евреев в Дукоре. Но одновременно с этим настаивал, что лично не имеет к этому никакого отношения. Также сообщалось, что официальный запрос Литвы об экстрадиции Антанаса Гецевичюса находился в Управлении юстиции исполнительной власти Шотландии.

Прокурор Генеральной прокуратуры Литовской Республики Римвидас Валентукавичюс заявлял, что после анализа указанных выше доказательств не оставалось никаких сомнений относительно этого дела, потому что они достаточно весомые, чтобы по ним можно было действовать и вынести вердикт согласно уголовному закону.

В марте 2001 года британские власти приняли решение о экстрадиции Гецевичюса в Литву как военного преступника, но в августе того же года от этой процедуры отказались из-за состояния его здоровья. Он перенес два сердечных приступа и помимо диабета имел другие заболевания. Спустя месяц, в сентябре 2001 года, А. Гецевичюс умер в шотландской больнице в возрасте 85 лет.

Церемония захоронения прошла в одном из крематориев города при участии около 40 человек. Опасаясь протестов со стороны евреев и антинацистских организаций, А. Гецевичюса похоронили под вымышленной фамилией – публично было объявлено, что состоится похороны безымянного «Сми-та» [20]. Правовой ответственности за преступления он не понес.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Пример судебного преследования Антанаса Гецевичюса иллюстрирует широкую проблему реализации уголовного наказания нацистских пособников, укрывшихся на территории иностранных государств после окончания Великой Отечественной войны. История его службы во 2-м (12-м) литовском полицейском батальоне во многом схожа с опытом других военнослужащих этого формирования. Однако политико-правовые условия привлечения его к ответственности изначально не позволяли прогнозировать положительный результат. Вместе с тем представленный в этой статье пример судебного преследования пособника нацистов отличается от ряда иных тем, что Генеральная прокуратура Литовской Республики предприняла попытки добиться его экстрадиции. Однозначно ответить на вопрос о том, какие причины в одном случае способствуют юридической квалификации службы в батальоне, а в других игнорируются, затруднительно.

Архивные документы и ряд исследований позволяют проследить пребывание А. Гецевичюса в составе литовского батальона на территории Белорусской ССР до начала 1943 года. Отсутствие протоколов допросов и иных архивных следственных материалов затрудняет установление всех преступлений и определение его роли в их реализации.

Вместе с тем видна взаимосвязь в хронологии выявления военнослужащих 2-го (12-го) литовского полицейского батальона и преемственность доказательств по установлению их преступлений, совершенных в годы войны. В связи с этим очевидна необходимость активизации поиска, рассекречивания и публикации архивных документов российских архивных учреждений. Но учитывая тот факт, что Й. Плунге был расстрелян в Минске, следует обратить внимание на необходимость работы исследователей с фондами архива КГБ Республики Беларусь. Введение в научный оборот рассекреченных следственных материалов позволит расширить базу исследования и создаст большие возможности установления обстоятельств пребывания литовских батальонов в годы войны за пределами Литвы.

Несомненно, А. Гецевичюс отличался от бывших сослуживцев личными качествами, на что указывают обращения в суд по защите своего имени. Вероятность героизации и реабилитации А. Гецевичюса представляется малозначительной по причине отсутствия целесообразности подобных действий и наличия определенных рисков. В подобных случаях масштабная информационная кампания может рассматриваться как способ противодействия. Однако следует обращать внимание на исторические исследования и доступные материалы в целях выявления наличия тенденции оправдывать коллаборационистов по иным мотивам.

В связи с тем, что законодательство Республики Беларусь претерпело изменения, которые позволяют проводить судебные процессы в отношении

умерших нацистских преступников, можно предположить, что в будущем такая практика может быть дополнена посредством расследования уголовных дел в отношении названных литовских карателей.

Литература

1. Запись беседы первого заместителя Генерального прокурора СССР Н.В. Баженова с делегацией Всемирного еврейского конгресса (Моррис Абрам, Израэль Зингер, Элан Стейнберг). 26 марта 1987 года // Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 129. Оп. 73. П. 483. Д. 58.
2. АВПРФ. Ф. 0129. Оп. 47. Пор. 48. Д. 358.
3. Kaltinamojo apklausos protokolas Joną Mečislovą Plunge. LYA. F.K-40. Ap. 2. B. 141. P. 84–87.
4. Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941–1945 гг. М.: Вече, 2009. 304 с.: ил.
5. Gecevičius Antanas [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.plienosparnai.lt/page.php?277> (дата обращения: 17.03.2025).
6. Do you know this man? Vilnius, 1963 // АВПРФ. Ф. 0129. Оп. 47. П. 358. Д. 48.
7. Селюкина Н.В. Батальон Импульвичюса: Обвинительный приговор. М.: Фонд «Историческая память», 2022. 56 с.: ил.
8. Frontline Scotland: The Forgotten Nazi [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/scotland/1270797.stm (дата обращения: 28.07.2023).
9. Rukšenas A. Kauno savisaugos batalionų karių dalyvavimo žudų ir kitų asmenų grupių žudynėse vokiečių okupacijos laikotarpiu (1941–1944 m.) motyvai. // Genocidas ir rezistencija. 2011. № 2 (20). P. 40–61.
10. Rukšenas A. Kauno 2-asis pagalbinės policijos tarnybos batalionas ir gyventojų žudines Baltarusijoje 1941–1943 m. // Genocidas ir rezistencija. 2007. № 2 (22).
11. Ritu Savanoris. 1942. № 1. P. 81–83.
12. Stankeras P. Lietuvių Policija Antrajame Pasauliniame Kare. Mintis, Vilnius, 2008. 812 p.
13. Британии нравится думать, что она «в одиночку противостояла нацистам» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://evreimir.com/211818/britanii-nravitsya-dumat-chto-ona-v-odinochkuprotivostoyala-natsistam/> (дата обращения: 10.07.2024).
14. Письмо Прокуратуры СССР от В.И. Андреева заместителю заведующего отделом США и Канады В.М. Суходреву // АВПРФ. Ф. 129. Оп. 74. Д. 33. П. 493.
15. О ведущихся в США расследованиях дел нацистских военных преступников: Справка Посольства СССР в США в г. Вашингтоне // АВПРФ. Ф. 129. Оп. 73. Д. 58. П. 483.
16. Juodis D. Šiapus ir anapus kordono: sovietų saugumo veikla prieš lietuvių išveiviją 1945–1991 m. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2016. 472 p.
17. Europos Lietuvis. Londonas, 1987 m. gruodžio 2 d.
18. Известия. 1987. № 34. 2 февраля.
19. Письмо американского юриста М. Мендельсона Генеральному прокурору СССР А.Я. Сухареву // АВПРФ. Ф. 129. Оп. 74. Д. 33. П. 493.
20. Praeitį nuslėpę tautiečiai vejami iš Amerikos [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kauno.diena.lt/dienrastis/kita/praeiti-nuslepe-tautieciai-vejami-is-amerikos-17507> (дата обращения: 22.06.2024).
21. War Crimes Act 1991 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/en/national-practice/war-crimes-act-1991-0> (дата обращения: 31.07.2023).
22. Anton Gecas lives quietly in Scotland. But within days, Lithuania will ask Britain to deport him on charges of genocide and mass murder. Special report: Nazi war criminals in Britain [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk/2001/feb/28/warcrimes.germany> (дата обращения: 11.05.2023).

Аннотация. Изучение отдельных примеров судебного преследования способствует определению условий героизации или реабилитации нацистских пособников, а также обнаружению ранее неизвестных преступлений, совершенных в отношении советских граждан и военнопленных в годы войны. Уголовное преследование нацистских пособников из 2-го (12-го) литовского полицейского батальона нельзя назвать результативным с точки зрения реализации принципа неотвратимости наказания. Наличие весомых доказательств и широкое информационное освещение в определенных историко-политических условиях не гарантируют привлечения виновного к ответственности. Автор делает вывод о необходимости расширения источниковой базы исследований преступлений литовских коллаборационистов, а также обращает внимание на возможность их юридической квалификации в настоящее время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, шуцманшафт, уголовное преследование, нацистские преступники, судебные процессы, военные преступления, Россия, Белоруссия, США, Великобритания, Литва.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Natalia V. Selyukina, Executive Director, "Historical Memory" Foundation for Current Historical Research Promoting. E-mail: s_nv7@mail.ru

Historical Analysis of Nazi Collaborators from Lithuanian Police Battalions Prosecution: by the Example of Antanas Gecevicus

Abstract. The study of individual examples of legal prosecution helps to determine the terms of glorification and justification of Nazi collaborators, as well as to establish previously unknown crimes committed against Soviet citizens and prisoners of war during the war. Legal prosecution of Nazi collaborators from the 2nd (12th) Lithuanian police battalion can't be called effective from the point of view of inevitable punishment principle realization. The example of A. Gecevicus shows that the presence of compelling evidence and wide media coverage in certain historical and political conditions do not guarantee that the perpetrator will be held accountable. The author concludes that it is necessary to expand the source base for research into the crimes of Lithuanian collaborators and draws attention to the resources of their current legal qualifications.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, Schutzmannschaft, Criminal Prosecution, Nazi Criminals, Trials, War Crimes, Russia, Belarus, USA, Great Britain, Lithuania.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

А если подумать?

{ Раздел четвертый }

*Ю.С. Павловец
«Пакт Молотова – Риббентропа» и его историческая значимость
для Белоруссии*

*Н.С. Ищенко
Тарас Шевченко в Луганске: места памяти и традиции
интерпретации*

«Пакт Молотова – Риббентропа» и его историческая значимость для Белоруссии

Тема исторической значимости Договора о ненападении между СССР и Германией, известного также как «Пакт Молотова – Риббентропа», на протяжении многих десятилетий является одной из самых политизируемых в мировой истории. Споры ведутся не только по содержанию основного документа и его секретного протокола, но и последствиям, к которым они привели. Для Белоруссии, как и многих стран Восточной Европы, события 1939 года стали определяющими в ее дальнейшей судьбе, что в последние десятилетия стало одной из причин перевода дискурса о значимости Пакта и последовавших за этим событиями из области истории в политическую плоскость, а в ряде случаев и для манипуляции общественным мнением. Вместе с тем современный подход белорусского государства к данной теме в настоящее время является очевидным и разительно отличается от того, как на события того времени смотрят на Западе.

Необходимо напомнить, что накануне подписания Договора о ненападении между СССР и Германией ситуация на европейском континенте была крайне напряженной. Советское руководство на фоне проводимой Берлином агрессивной политики стремилось создать необходимую для страны систему международной безопасности, предлагая совместную работу в этом направлении Великобритании и Франции. Однако нежелание Парижа и Лондона сотрудничать с Москвой в 1939 году фактически вынудило Советский Союз искать альтернативный путь обеспечения своей безопасности. Итогом этого стало принятие Иосифом Сталиным решения прекратить переговоры с Великобританией и Францией и обратить внимание на Германию, где после оккупации Чехии в 1938 году уже строили новые планы по дальнейшей экспансии на восток. Многие исследователи считают, что на тот момент интересы Берлина и Москвы в подписании Договора о ненападении совпадали, так как Гитлеру требовалась уверенность, что в ходе вторжения в Польшу он не получит второй фронт, а Сталину было необходимо время, чтобы подготовить страну к неминуемой войне [7, с. 132].

Договор о ненападении между двумя странами был подписан 23 августа 1939 года в результате переговоров прибывшего в Москву министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа и наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова. В советской исторической школе документ получил название «Пакт Молотова – Риббентропа», хотя на Западе он больше известен как «Пакт Гитлера – Сталина (Hitler – Stalin Pakt)». Согласно договору, Москва и Берлин обязывались не только воздерживаться от нападения друг на друга, но

и соблюдать нейтралитет в случае, если одна из стран становилась объектом военных действий третьей. Одновременно СССР и Германия отказывались от участия в любых союзах государств, «прямо или косвенно направленных против другой стороны», а также договаривались осуществлять взаимный обмен информацией о вопросах, затрагивающих интересы двух стран [21].

Несмотря на различные инсинуации, которые можно встретить в западной литературе, Пакт не противоречил нормам международного права, о чем в том числе свидетельствует его открытый характер и официальная публикация 24 августа 1939 года в газете «Правда». В то же время долгие годы было неизвестно, что к документу прилагался дополнительный секретный протокол, предусматривавший разграничение сфер обоюдных интересов СССР и Германии в Восточной Европе. Согласно его второму пункту, в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, предполагалось, что граница сфер интересов Германии и России (Советского Союза) будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сана [9]. При этом в Берлине намеренно пошли на это, так как понимали интерес СССР в данном регионе, о чем свидетельствует подготовленный в германском МИДе еще в начале мая 1939 года аналитический доклад о советской внешней политике. В нем отмечалось, что участие Советского Союза в антигерманской коалиции невыгодно для Москвы, так как может усилить его западных партнеров и в первую очередь Варшаву. Одновременно указывалось, что выступление Советского Союза вместе с Германией против Польши позволит СССР «вернуть старые белорусские и украинские земли, утраченные в пользу Польши» [15, с. 24].

В начале августа 1939 года во время встречи с Молотовым немецкий посол Вернер фон Шуленбург заявил о том, что позиция Берлина относительно Польши заключается в том, что «Германия не намерена предпринимать что-либо противоречащее интересам СССР». Позже временный поверенный Советского Союза в Берлине Георгий Астахов сообщал, что «отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря уже об Украине) – это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей» [15, с. 24].

Для Белоруссии Договор и его секретный протокол стали одними из важнейших документов в истории XX века, так как оказали решающее значение на процесс развития белорусской государственности. Это связано с тем фактом, что Пакт позволил в 1939 году включить в состав БССР западные белорусские земли, которые находились под польской оккупацией. К сожалению, данный вопрос и сегодня вызывает фантомные боли у Варшавы, где отказываются признавать потерю своих «Кресов Восточных», которые на протяжении двух десятилетий постепенно превращались в сырьевой придаток Второй Речи Посполитой, где не могло быть и речи о сохранении белорусской идентичности. И именно издевательство польских властей над местным населением стало одной из важных причин того, что начавшийся 17 сентября 1939 года поход Красной армии в Западную Белоруссию стал освободительным для большинства населения этих земель.

В данном случае следует помнить, что после заключения Рижского мирного договора между Польшей и советской Россией в 1921 году Варшава получила около 113 тыс. кв. км белорусских земель с населением порядка 4 млн человек. За последовавшие после этого годы регион практически полностью превратился в сельскохозяйственный придаток Польши: к 1931 году 85% населения края жило в деревне и только 15% – в городе, а 79% жителей были заняты в сельском хозяйстве [2, с. 187]. Одновременно земли Западной Белоруссии массово заселялись бывшими офицерами польской армии – осадника-

ми, а сами белорусы массово мигрировали в Канаду, США и страны Латинской Америки. По имеющимся на сегодня данным, с 1921 по 1939 год регион покинули около 130 тыс. человек [9].

Варшава делала все, чтобы полностью искоренить в регионе белорусскую идентичность. В частности, в государственных учреждениях не разрешалось пользоваться белорусским языком, ликвидировались белорусские театры, библиотеки и избы-читальни. Это привело к тому, что уже к 1931 году около 43% жителей Западной Белоруссии старше 10 лет были неграмотными. К концу 1930-х годов здесь не осталось ни одной белорусской школы, а по всей Польше насчитывалось только 218 студентов-белорусов [2, с. 195]. В 1937 году Варшавой и вовсе был разработан план «Перспективы внутреннего осадничества», согласно которому для достижения «стабильного преимущества польского населения» планировалось выселить все непольское население или обменять его на поляков. Как отмечал тогда министр внутренних дел Польши Бронислав Перацкий, «дайте нам еще десять лет, и вы с фонарем среди бела дня не найдете ни одного украинца и ни одного белоруса» [22].

Вместе с тем, заключение Договора с Германией и подписание секретного протокола не могло означать однозначного начала военных действий со стороны СССР на польском направлении. Более того, в первые дни сентября, отвечая на претензии Берлина, Москва считала, что «время еще не наступило», а «чрезмерная поспешность может принести нам вред и способствовать сплочению наших врагов». Как отмечал Молотов во время встречи с Шуленбургом 9 сентября, советские войска ждут развязки ситуации с Польшей, для того чтобы убедиться, что она распалась. Это даже привело к обмену жесткими нотами между Берлином и Москвой, где немецкая сторона грозила остановить наступление и создать буферные белорусское, украинское и польское государства, на что советская сторона обещала в таком случае не начинать военные действия вовсе [19, с. 115]. Только после окружения немецкой армией 14 сентября Бреста и захвата 15 сентября Белостока, когда под угрозой оккупации оказался Львов, стало очевидно, что медлить нельзя, так как немецкие части перешли определенный ранее рубеж разграничения сфер влияния в Восточной Европе по «линии Керзона». Поэтому в ночь на 17 сентября Шуленбурга пригласили в Кремль, где Сталин в присутствии Молотова сообщил о том, что в 6 часов утра части Красной Армии пересекут советско-польскую границу, а Берлин должен был проследить за тем, чтобы немецкие самолеты не пересекали линию «Белосток – Брест-Литовск – Львов» [1, с. 313].

В частях Красной Армии Белорусского фронта 16 сентября был зачитан приказ о выступлении на следующий день в поход на запад, где подчеркивалась освободительная миссия советских солдат, которые должны были оказать срочную помощь украинским и белорусским рабочим, чтобы спасти их и взять под защиту от врага. При этом официально заявлялось, что «польско-германская война выявила полную внутреннюю несостоятельность польского государства», в связи с чем «советское правительство не может безразлично наблюдать, как однокровные белорусы и украинцы, которые проживают на территории Польши, брошены на волю случая и остались беззащитными» [25]. Одновременно было запрещено бомбить и обстреливать населенные пункты, а также требовалось проявлять лояльное отношение к польским военным, если они не будут оказывать вооруженного сопротивления [9].

Освободительный поход Красной Армии в земли Западной Белоруссии и Украины начался 17 сентября. При этом официально между Польшей и СССР никто войны не объявлял. Как подчеркивал в своем приказе Войску Польскому маршал Эдвард Рыдз-Смиглы, «с Советами не воевать, в бой не вступать, за исключением если они будут атаковать или попыток разоружения наших ча-

стей...». При этом войскам, к которым подошли части Красной Армии, предписывалось «вступать с ними в переговоры в целях выхода гарнизона в Румынию или Венгрию». Это стало одной из главных причин того, что серьезных военных действий между польскими и советскими войсками фактически не произошло: было зафиксировано около 40 случаев сопротивления пограничных патрулей, а также бои под Кобрином, Гродно, Вильно и Белостоком [25]. Необходимо отметить, что большинство белорусского населения края встречало Красную Армию как избавительницу от польского гнета. В населенных пунктах не только проходили многоярусные митинги и собрания, но и создавались военно-революционные комитеты, которые собирали отряды, разоружавшие польских полицейских и осадников и бравшие власть в свои руки [9].

Продвигаясь на Запад, части Красной Армии к 22 сентября взяли в плен 120 тыс. человек и заняли Белосток, а 29-я танковая бригада 4-й армии вошла в Брест, где тогда еще оставались германские войска Гейнца Гудериана. Здесь даже был организован импровизированный парад военных двух стран, который сегодня некоторые историки и политики называют «доказательством» совместных планов Германии и СССР по началу Второй мировой войны. Однако на самом деле это было лишь одним из событий того времени и с точки зрения Москвы являлось не более чем демонстрацией существовавших на тот момент мирных намерений двух стран в отношении друг друга.

23 сентября Красная Армия начала движение к демаркационной линии, установленной СССР и Германией, заняла города Стрый и Городок и вышла к рубежам западнее Белостока и Брест-Литовска. После того, как на следующий день на юго-востоке от Брестской крепости были обезоружены и взяты в плен более 10 тыс. польских солдат и офицеров, освободительный поход в Западную Белоруссию можно было считать завершенным. При этом согласование демаркационной линии между СССР и Германией, которая была утверждена 22 сентября, впоследствии продолжалось, и она была перенесена восточнее по заключенному 28 сентября договору «О дружбе и границе». Согласно секретным протоколам, восточная часть Варшавского и Люблинского воеводств отходили к Германии, а к СССР – западные поветы Белостокского воеводства с преимущественно польским населением, а также Ломжинский повет, восточные части Остроленского и Остров-Мазовецкого поветов Варшавского воеводства [25]. В целом же новая граница между двумя странами прошла практически по «линии Керзона», которая была разработана еще в 1920 году. Как отмечал в своей речи о международной обстановке 1 октября 1939 года Уинстон Черчилль, «русские армии должны были встать на этой линии, это было совершенно необходимо для обеспечения безопасности России от нацистской угрозы» [20]. При этом он же в своих мемуарах отмечал, что «если у них (у русских) политика и была холодной и расчетливой, то она была в тот момент в высокой степени реалистичной» [22]. Таким образом, даже в политических кругах стран, которые после Второй мировой войны, по сути, превратились во врагов СССР, на тот момент не было никаких сомнений в правильности действий Москвы.

В результате событий сентября 1939 года Советский Союз получил территорию площадью почти 200 тыс. кв. км с населением порядка 13 млн человек. Уже 28–30 октября Народное собрание Западной Белоруссии приняло Декларацию об установлении советской власти на всей ее территории. После этого внеочередная сессия Верховного Совета СССР 2 ноября и внеочередная сессия Верховного Совета БССР 14 ноября приняли законы о включении Западной Белоруссии в состав СССР и объединении ее с БССР [16]. В итоге территория советской Белоруссии увеличилась до 225,7 тыс. кв. км, а население – в 2 раза, составив более 10 млн человек. Уже в конце Второй мировой

войны в ходе Ялтинской конференции большая часть Западной Белоруссии была закреплена за СССР на международном уровне, а в состав появившейся Польской Народной Республики была возвращена лишь небольшая часть Белостокского района. Таким образом, были оформлены современные границы Белоруссии, которые на протяжении последующих десятилетий никем и никогда не оспаривались. Однако в последние годы из Варшавы все чаще стали звучать намеки на возможность пересмотра границ в Восточной Европе, называя главной причиной этого именно «Пакт Молотова – Риббентропа» и действия СССР после 1 сентября 1939 года.

Необходимо заметить, что о секретном протоколе Пакта впервые официально стало известно только на Нюрнбергском процессе (1945–1946), хотя немецкий оригинал документа оказался уничтоженным, а сохранилась лишь его копия на микрофильме. Вместе с тем в СССР на протяжении последующих десятилетий отрицали факт подписания данного протокола, и лишь в 1989 году II Съезд народных депутатов официально осудил данный факт, как и подписание ряда других секретных договоренностей с Германией, которые были признаны «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания» [4]. Уже после распада СССР МИД России в 1992 году опубликовал данный документ, после чего началось его широкое обсуждение.

В последующем Договор о ненападении и прилагавшийся к нему секретный протокол на долгие годы стали одними из самых дискутируемых вопросов при изучении событий, предшествовавших началу Второй мировой войны. Кроме того, данная тема постепенно перетекла из области истории в сферу политики с совершенно разной коннотацией в соответствии с идеологией стран Восточной Европы, принятой ими после распада советской системы. Так, в республиках Прибалтики Пакт и секретный протокол были названы основной причиной начала Второй мировой войны, а также «раздела» Польского государства и последующей «оккупации» Литвы, Латвии и Эстонии. В Польше стали утверждать, что подписанные Москвой и Берлином документы привели к началу войны и потере страной независимости. Аналогичные утверждения в последние десятилетия стали основой и для общеевропейской идеологии, что вылилось в постепенный пересмотр истории XX века и объявление Европарламентом 23 августа Днем памяти жертв нацизма и сталинизма [17].

Вместе с тем, в России и Белоруссии отношение к данному вопросу коренным образом отличается от того, что можно сегодня наблюдать в странах бывшего социалистического лагеря и Запада. Однако при общем подходе, в центре которого лежит понимание необходимости действий советского руководства для подготовки к войне, у каждой из стран есть свои отличительные черты [7]. В частности, в России преобладает точка зрения, что Пакт «имел смысл для обеспечения безопасности СССР», а также был «колоссальным успехом сталинской дипломатии» [18]. По словам президента России Владимира Путина, усилия СССР противостоять фашизму в Европе успехом не увенчались, именно это вынудило Советский Союз принять меры для недопущения прямого столкновения с Германией [10]. Кроме того, в официальной российской историографии всегда подчеркивается, что «Пакт Молотова – Риббентропа» не был причиной Второй мировой войны, а наоборот – сумел ее отсрочить.

В белорусской исторической и политической мысли подход к советско-германскому Договору и секретному протоколу имеет свои особенности. Это проявляется в упоре не на вопросы международной повестки дня, а на развитие белорусской государственности. При этом долгие годы в республике существовали две основные точки на события тех лет: прозападная и официальная.

В частности, для представителей прозападного течения была и остается характерной направленность на осуждение Пакта. При этом вина за начало

Второй мировой войны возлагается не только на Германию, но и на СССР, а с ним и на современную Россию с последующим переходом к русофобскому дискурсу [7]. Подтверждением этому могут служить многочисленные исследования и материалы, которые ранее массово публиковались в прозападных и оппозиционных СМИ Белоруссии к дате подписания пакта или 17 сентября [11]. В них, как правило, признавалась важная роль Пакта в последующем объединении Белоруссии, но утверждалось, что это стало «парадоксальным событием», так как «совершилось благодаря действиям тоталитарной страны» [14]. Например, отмечалось, что «факт советской агрессии действительно имел место, но зато появилась Белоруссия в своих этнических границах» [6]. Также подчеркивалось, что события 1939 года были «оккупацией Польши Германией и СССР», а жители западных областей после воссоединения Белоруссии узнали, «что такое сталинские репрессии» [12].

Кроме того, прозападные исследователи долгие годы пытались провести в республике ревизию исторического прошлого Белоруссии и СССР, постоянно подвергая официальную историографию критике. Ярким примером этому является проведение еще в 2009 году в Минском международном образовательном центре научной конференции под названием «Оккупация Польши в 1939 году. Пути примирения». На ней представители Белоруссии, Польши и Германии формально «искали пути движения навстречу», но в реальности была осуществлена одна из самых значимых попыток создать условия для изменения подходов официальной белорусской историографии к событиям того времени [24]. В целом же основной позицией прозападно настроенных исследователей всегда было то, что, не отрицая исторической значимости событий августа-сентября 1939 года, они всегда стремились придать им негативный оттенок в угоду политической конъюнктуре.

С другой стороны, официальная точка зрения белорусского государства на «Пакт Молотова – Риббентропа» и действия советского руководства накануне начала Второй мировой войны берет начало в советской исторической школе и остается последовательной на протяжении всего периода существования независимой Белоруссии. В школьных учебниках Пакт трактуется в качестве документа, который позволил СССР отсрочить начало войны [5, с. 85]. Например, в учебнике по «Всемирной истории новейшего времени. 1918–1945 гг.» отмечается, что «Пакт Молотова – Риббентропа» был вынужденной мерой, которая была вызвана неопределенной позицией Англии и Франции в заключении Тройственного пакта взаимопомощи. Одновременно указывается на то, что документ стал определенной «передышкой» для СССР в подготовке к предстоящей войне [3, с. 187]. Главным же в официальной точке зрения белорусского государства является то, что последовавшее после подписания Пакта «объединение с Западной Белоруссией в 1939 году стало наиважнейшим событием» в истории страны [16]. Как заявлял представитель Национальной академии наук Белоруссии Вячеслав Данилович, «Договор о ненападении давал этническим украинцам и белорусам исторический шанс решения проблемы воссоединения в единых национальных государствах» [8].

Для окончательного понимания того, как в Белоруссии на официальном уровне относятся к событиям 1939 года, необходимо напомнить о позиции по данному вопросу президента республики Александра Лукашенко. Еще в 2019 году он заявлял, что «Сталину надо поставить памятник в Белоруссии... за «Пакт Молотова – Риббентропа», потому что мы были воссозданы в реальных границах, нынешних границах нашей Белоруссии» [13]. То есть как сам Пакт, так и Освободительный поход Красной Армии определены в Белоруссии как проявление исторической справедливости, что было закреплено

на официальном уровне в июне 2021 года, когда 17 сентября было объявлено Днем народного единства.

Таким образом, дискуссионность вопроса о последствиях подписания Договора о ненападении между Германией и СССР и его секретного протокола, как и значимости Освободительного похода Красной Армии в Западные Белоруссию и Украину сегодня по большей части носит искусственный характер, придаваемый ему в первую очередь исследователями и политиками Польши и прибалтийских республик. Именно в этих странах, пытающихся закрепить за собой образ «жертв двух тоталитарных систем», существует убеждение, что события августа-сентября 1939 года стали причиной как начала, так и последующего развития Второй мировой войны, виновником чего называется не только Германия, но и Советский Союз. В то же время в Белоруссии официальное отношение к Пакту остается положительным, а поход Красной Армии определяется как событие, которое предотвратило окончательную полонизацию и ассимиляцию западных областей современной республики.

Литература

1. *Аранович А.В., Решетов А.В.* Польский поход РККА 1939 г. в зеркале советской прессы // Военная история России XIX–XX веков: Материалы международной военно-исторической конференции. СПб., 2012. С. 311–325.
2. *Вабішчэвіч А.М.* Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст: БрДУ; 2008. 319 с.
3. Всемирная история новейшего времени, 1918–1945 гг.: учебное пособие для 10-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / Г.А. Космач, В.С. Кошелев, М.А. Краснова. Минск: Народная асвета, 2012. 213 с.
4. *Галова Е.* Пограничное состояние: белорусские постколониальные дискуссии после пакта Молотова – Риббентропа [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22955/
5. *Герасимчик В.В.* Освещение Великой Отечественной и Второй мировой войн в учебниках «Всемирная история» и «История Беларуси» в 10-м классе учреждений общего среднего образования // Белорусский исторический обзор. 2019. № 2 (2). С. 83–111.
6. Гісторык: 17 верасня – напэўна не свята, але напэўна і не акупацыя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://belsat.eu/programs/gistoryk-17-verasnya-napeunanesvyata-ale-napeuna-i-ne-akupatsyya/>
7. *Грибан И.В.* Пакт Молотова – Риббентропа в современном медиаполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 131–138.
8. *Данилович В.* 17 сентября 1939 года – Воссоединение западных земель Беларуси и БССР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/17-sentyabrya-1939-goda-vossoedinenie-zemel-belarusi>
9. *Егорычев В.* 7 сентября 1939 года – акт исторической справедливости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.voran.by/news/obshchestvo/den-narodnogo-edinstva/17-sentyabrya-1939-goda-akt-istoricheskoy-spravedlivosti.html>
10. Как 80 лет назад решались судьбы Европы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sputnik.by/20190823/pakt-molotova-ribbentropa-1016834069.html>
11. Кто развязал руки Гитлеру? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://naviny.belsat.eu/ru/news/kto-razvyazal-ruki-gitleru/>
12. *Кузнецов И.В.* В Восточной Европе помнят о последствиях пакта Молотова – Риббентропа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.golosameriki.com/a/pakt-molotov-ribbentrop/5052839.html>
13. Лукашенко предложил поставить памятник Сталину [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eurasia.expert/prezident-belarusi-predlozhit-postavit-v-respublike-pamyatnik-stalinu/>
14. *Мартиневич Д.* 80 лет назад. Как СССР, напад на Польшу, объединил Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/653029.html>
15. *Мезга Н.Н.* Западная Беларусь в советско-польских отношениях: от Рижского договора до воссоединения с БССР // Журнал Белорусского государственного университета. Минск, 2019. № 4. С. 17–26.
16. *Орлова Е.* Как Западная Беларусь вернулась домой: Эксперты рассказали, чем важна для нас дата 17 сентября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gp.by/novosti/obshchestvo/news238893.html>

17. Павловец Ю.С. «Пакт Молотова – Риббентропа»: взгляд из Белоруссии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://naukaverakultjura.com/пакт-молотова-риббентропа-взгляд/>
18. Пакт Молотова – Риббентропа в истории Белоруссии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2024/08/24/rakt-molotova-ribbentropa-v-istorii-belorussii>
19. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. Кн. 2 / Коваленя А.А. [и др.]. Минск: Белорусская наука, 2014. 336 с.
20. Сергей Иванов: СССР не нашел поддержки у Европы по созданию антигитлеровской коалиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/sierghiei-ivanov-sssr-nie-nashiel-poddierzki-u-ievropy-po-sozdaniiu-antighitlerovskoi-koalitsii>
21. Советско-германский договор о ненападении 1939 г., 23 августа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doc20vek.ru/node/3211>
22. Соколова Е. Глобальная значимость освободительного похода 17 сентября 1939 года для белорусского и украинского народов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/osvoboditelnyy-pokhod-1939-goda-logika-sobytyi-part-2.html>
23. Трофимычев Д. Почему Западная Беларусь встретила Красную Армию цветами [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vayar.mil.by/spec_proect/163328/
24. Ученые из Беларуси, Германии и Польши ищут пути к примирению народов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://learnrgerman.dw.com/ru/ученые-из-беларуси-германии-и-польши-ищут-пути-к-примирению-народов/a-4698551>
25. Шлак В. Сентябрь 1939 года. Освободительный поход РККА [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://osipovich-region.by/istoriya/sentyabr-1939-goda-osvoboditelnyj-pohod-rkka/>

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки и итоги подписания Договора о ненападении между СССР и Германией, а также его секретного протокола в исторической судьбе Белоруссии. Проводится анализ сложившейся к моменту заключения Договора военно-политической обстановки в Европе с учетом интересов ключевых игроков на международной арене, а также ситуации на территории Западной Белоруссии накануне и в период Освободительного похода Красной Армии в сентябре 1939 года. Кроме того, на основании имеющихся документов и свидетельств анализируется отношение к «Пакту Молотова – Риббентропа» в современной исторической школе и государственной идеологии Белоруссии, а также в России и странах Восточной Европы.

Ключевые слова: Белоруссия, «Пакт Молотова – Риббентропа», Вторая мировая война, русофобия, СССР, Германия, Польша.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Yury S. Paulavets, PhD in History, Associate Professor. Email: pavlovetsyura79@gmail.com

Molotov-Ribbentrop Pact and Its Historical Significance for Belarus

Abstract. The article considers the preconditions and results of the signing of the Non-Aggression Treaty between the USSR and Germany, as well as its secret protocol, and its significance for the historical fate of Belarus. The author analyzes the military and political situation in Europe at the time of the Treaty, taking into account the interests of key players in the international arena, as well as the situation in the territory of Western Belarus on the eve and during the Liberation Campaign of the Red Army in September 1939. In addition, on the basis of available documents and evidence, he considers the attitude to the “Molotov – Ribbentrop Pact” in modern historical school and state ideology of Belarus, as well as in Russia and Eastern European countries.

Keywords: Belarus, “Molotov – Ribbentrop Pact”, World War II, Russophobia, USSR, Germany, Poland.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Тарас Шевченко в Луганске: места памяти и традиции интерпретации

В Луганске, столице ЛНР, на главной площади стоит памятник Тарасу Шевченко. Именем Шевченко названа улица и до недавнего времени назывался университет. Хотя Луганск с 2014 года подвергается ударам украинской армии, символ украинской государственности украшает главную площадь города. Цель исследования – показать, как Шевченко занял такое место в культурной памяти города и как сложились практики его коммеморации в Луганске. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Луганск – не единственный российский город, в котором сохраняют память о Тарасе Шевченко. В период конфликта с Украиной, для которой Шевченко является национальным героем, такая ситуация дезориентирует граждан, поскольку решаются задачи СВО по денацификации и демилитаризации украинского государства и одновременно прославляется национальный украинский герой. Проанализируем места памяти Тараса Шевченко в Луганске в контексте символической политики. Покажем место Шевченко в культурной памяти независимой Украины и в российской (имперской и советской) культурной памяти, а также рассмотрим, как представлен Шевченко в Луганске, затем уточним место Шевченко в современной российской символической политике.

Символическую политику О.Ю. Малинова предлагает понимать как «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [19, с. 31]. Разные способы интерпретации реальности могут сложиться в миф, символически разъясняющий членам сообщества их прошлое и будущее, то есть дающий в образах ответ на вопросы, почему общество стало таким, каково оно сейчас и к какому будущему оно стремится. Миф социально сконструирован для объяснения реальности, поэтому неважно, каковы его эмпирические основания, важно то, что общество в него верит [19, с. 38]. Создание и сохранение сообщества, разделяющего один и тот же обосновывающий миф, является задачей политики памяти. Для формирования нации современного государства используется национальная мифология.

С.В. Шиндель показывает, что национальная мифология формируется путем селекции исторических фактов и их реинтерпретации, отражающей представление сообщества о своей идентичности, самосознании, национальном характере, историческом предназначении. Эти понятия не поддаются научной проверке, но позволяют обосновать превосходство одной нации над другой, если являются убедительными для членов сообщества [29]. Как показывает А.В. Ставицкий, современные украинские историки видят свою задачу в трансляции национального украинского мифа, что создает ситуацию

Ищенко Нина Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики Луганского государственного аграрного университета имени К.Е. Ворошилова. E-mail: niofterna@gmail.com

использования проверенных исторических фактов для укрепления обосновывающего мифа украинской нации [25].

Основные тезисы украинской национальной мифологии сформулировали луганские авторы А.И. Левченко, В.А. Глазков, О.И. Помников. Украинская мифология включает следующие элементы: Украина – не Россия; это настоящая Русь, современные русские – самозванцы; украинцы – более культурный и цивилизованный народ, чем русские; украинская история – перманентная борьба за многовековую украинскую государственность против разных империй, первое место среди которых занимает Россия. Видное место в пантеоне борцов занимают И. Мазепа, Т. Шевченко, Л. Украинка, с. Петлюра, с. Бандера, Р. Шухевич и другие. Современные бойцы ВСУ делают то же дело и являются наследниками древней украинской воинской славы и военных подвигов Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), сражавшихся против СССР в 1941–1951 годах [16, с. 388–389]. Как видим, в украинской национальной мифологии Тарас Шевченко является не изолированным символом, а частью общей картины. Его биография вписывается в интерпретацию украинской истории, обосновывающую нынешнее состояние украинской нации и ее войну против России. Для носителей украинской идентичности в биографии Шевченко важнейшим элементом является его антирусская позиция и борьба за независимую Украину, что и сделало Шевченко символом украинской государственности.

При жизни Шевченко был членом Кирилло-Мефодиевского братства. Историю братства и его роль в формировании как украинского, так и русского национализма анализирует А.И. Миллер в монографии «Украинский вопрос в Российской империи». Братство существовало в Киеве в 1845–1846 годах, выражало националистические идеи и требовало не только обеспечения культурной самобытности украинцев, но и политической независимости от империи. Цели братства в перспективе являлись сепаратистскими. Как показывает А.И. Миллер, «члены общества – Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и Н.М. Белозерский – стали, наряду с Т.Г. Шевченко, тем поколением, которое превратило украинофильство в националистическую идеологию» [20, с. 66].

Понимая политическую опасность братства, российские власти не понимали, как с ней бороться, поскольку мыслить в национальных категориях российское общество не умело. Украинский национализм стал ответом на национализм польский, с которым жители южнорусских территорий столкнулись еще в XVIII веке. Польский национализм – один из самых старых в Европе, он формировался даже раньше французского. Его апологетически описал основатель национализма Жан-Жак Руссо [9, с. 351 и сл.]. В XIX веке стратегии польской элиты в составе Российской империи тоже были националистическими. Как показывает О.А. Остапчук, присоединенные к Российской империи после разделов Польши территории подвергались не русификации, а полонизации всю первую половину XIX века вплоть до польского восстания 1863 года [22, с. 190 и сл.]. Украинский национализм, формировавшийся в это же время, был направлен и против польской культуры, и против российского государства.

К таким вызовам элиты Российской империи не были готовы. Деятельность Кирилло-Мефодиевского братства, его цели и методы правительством не афишировались, в обществе не обсуждались и были практически неизвестны российской просвещенной публике, интересовавшейся такими вопросами. Император Николай Первый просто запретил об этом писать [20, с. 68]. В результате возникла возможность альтернативных интерпретаций. Деятели российской культуры, являющиеся лидерами общественного мнения того времени, не будучи осведомлены о подлинных целях Кирилло-Мефодиевского братства, транслировали миф о том, что Шевченко и других деятелей брат-

ства преследовали за желание развивать культурную самобытность региона. Политический сепаратизм для столичных российских писателей и мыслителей был неприемлем и немыслим, но поскольку информации в открытом доступе не было, они поддержали Шевченко как пострадавшего радетеля за народ и народную культуру, просветителя и поэта, выступившего против притеснений имперской власти. Эта трактовка была подхвачена и усилена в советский период и живет до сих пор. В тот же период в украинских националистических кругах формируется образ Шевченко как борца именно за политическую независимость и создание национального государства украинцев.

После падения империи, в 1917–1920 годах, на территории современной Центральной Украины сменилось несколько форм государственности. И во всех случаях Тарас Шевченко оставался символом национального украинского государства. По итогам Гражданской войны на некоторой части современной Украины утвердилась советская государственность. В советский период были предприняты беспрецедентные усилия для институционализации украинской нации и создания украинского национального государства. Как показал Роджерс Брубейкер, хотя советская власть была антинационалистической, она не была антинациональной. В СССР были созданы несколько десятков территориальных образований по этническому принципу, в каждом из которых существовала своя титульная нация. Самым ярким примером такой политики является УССР. Институты государства модерна, такие как школа, армия, экономика, политика, в СССР использовались для формирования украинской нации и создания украинской государственности [3, с. 109–110].

Южнорусские территории современного государства Украина в XX веке пережили три волны украинизации, проанализированные А.С. Ципко: в 1917–1919, 1920–1930-х, 2014–2019 годах. Автор приходит к выводу, что «такова уж природа украинскости, что ее идентичность связана с этничностью» [28, с. 439]. Украинский национализм – органический и исключаящий, а не гражданский, титульная нация строит свое государство, исключая все другие этносы или ассимилируя их, навязывая украинский язык и культуру. Насильственное навязывание украинского языка происходило в XX веке не только на территории современного государства Украина. Такая же политика украинизации проводилась советской властью в южнорусских регионах РСФСР – Ставрополье, Поволжье, Центральном Черноземье, – где компактно проживали носители южнорусских диалектов, опознанных тогдашней властью как украинский язык. Введение украинского языка как обязательного в тех районах, где разговорная речь была ближе к литературному русскому, чем к литературному украинскому, сформированному гораздо западнее, привела к требованиям использовать не литературный украинский, который население не понимало, а особый кубанский язык, который равно отличается от русского и украинского [11, с. 428–433]. Отличия же от украинской литературной нормы на территориях УССР не воспринимались как требующие учета и институционализации.

Хотя после активного этапа в 1920–1930-х годах коренизация была свернута и русский язык фактически стал развиваться как язык межнационального общения, гарантирующий существование единого культурного пространства СССР, национальные преференции в СССР не отменялись до его разрушения. В УССР, сформированной как этнонациональное квазигосударственное образование в рамках Советского Союза, этническая принадлежность к украинцам гарантировала карьерный рост в трех важных сферах: политике, культуре и гуманитарных науках. Ведущую роль украинцев советского времени в производстве знания об Украине на всесоюзном уровне отмечает А.И. Миллер [12].

В советский период существовало две интерпретации места Шевченко в культурной памяти – как революционера, боровшегося с царизмом, и как отца

нации, важной фигуры украинского национального пантеона, каковой мобилизационный потенциал советская власть использовала во время войны против гитлеровской Германии [5, с. 185]. В послевоенный период Шевченко продолжал оставаться символом отдельной украинской нации. Риторика о братских народах, русском и украинском, обеспечивала единство при условии фактического разделения. Таким образом, интернационализм и дружба народов оказываются возможны, только если разные народы существуют. Для сохранения интернационализма нужно сохранение разных наций. Нации в СССР формировались с помощью институтов государства модерна, а их дружба обеспечивалась коммунистической идеологией, снимавшей национальную борьбу в ходе борьбы классов. Выхолащивание этой идеологии в послевоенный период приводило к росту национального самосознания и национализмов в СССР. Украинский национализм был в этом отношении показательным: националистические настроения стали проблемой уже в 1960-х годах. Так, Союз писателей Украины стал точкой роста украинского национального самосознания. Член редколлегии комсомольского литературного журнала «Дніпро» Лина Костенко «открыто кричала с трибуны: «Я была и буду националисткой!»» под аплодисменты молодежи [2, с. 453]. Поэзия снова, как во времена Шевченко, становится выразителем и носителем украинского национального самосознания.

В постсоветский период Шевченко становится самым значимым символом независимой Украины. Так, в 1996 году вводится постоянная валюта, само название которой, «гривна», указывало на давность украинской государственной традиции, связь с домосковской Русью и украинской государственностью 1918–1920 годов. Тарас Шевченко украшает купюру достоинством 100 гривен [14, с. 153].

Преподавание истории в средней и высшей школе в этот период полностью определяется схемами историографии XIX века, исходящей из концепции органической нации. Переиздаются своды украинской истории дореволюционной и эмигрантской/диаспоральной историографии (М. Грушевского, Н. Полонской-Василенко, А. Ефименко, Д. Дорошенко и других), оказавшие решающее влияние на авторов учебных программ и составителей учебников, воспроизводивших этнонациональный нарратив конца XIX века как «историческую правду» [14, с. 154–155]. Шевченко занимает центральное место в пантеоне национальных героев новой национальной истории, как это было и в XIX веке.

В это время советские значимые фигуры частично включаются в украинский национальный пантеон, но со сменой акцентов: революционная их деятельность отходит на второй план при всемерном подчеркивании их этнонациональной принадлежности и борьбы за независимость. В случае Тараса Шевченко борьба с русским царизмом подается теперь не столько как борьба с царизмом, сколько как борьба с русскими, Россией и русской культурой [14, с. 174]. Тем не менее присутствие Шевченко и в советской традиции позволяет в той или иной степени сохранить общую культурную память Украины, что дает исследователям основание называть Шевченко в этот период местом согласия – символом, признаваемым двумя традициями, и советской, и украинской национальной [14, с. 175].

Попытки русских Украины проводить свою историческую политику провалились. Президент Виктор Янукович, получивший голоса русскоязычных регионов благодаря обещаниям сделать русский язык вторым государственным и наладить связи с Россией, после инаугурации в 2010 году объявил, что единственным государственным языком на Украине может быть только украинский. Это было сказано во время традиционных памятных ритуалов в Каневе на могиле Тараса Шевченко 9 марта 2010 года [13, с. 237]. Таким образом,

Шевченко однозначно выступает как герой украинского национального пантеона и символический гарант антирусского курса правительства.

На Украине в период независимости активно используют советские памятники Тарасу Шевченко. Их количество уже в УССР было на втором месте после памятников Ленину [14, с. 177]. В то же время переосмысление роли Шевченко в идентичности жителей государства Украина не прекращается. Г. Касьянов говорит о ренационализации советских пространств памяти, включающих Шевченко [14, с. 180]. После государственного переворота на Украине в 2014 году и принятия законов о декоммунизации памятники Ленину массово уничтожались и очень часто заменялись на памятники Шевченко [14, с. 176–177]. В настоящее время на Украине нет ни одного памятника Ленину. Символизм этих перемен носит явный антирусский характер.

Итак, можно сказать, что Шевченко на Украине в течение более ста лет почитается как национальный герой и символ независимой Украины. Советская версия Кобзаря как борца с царизмом и революционера в постсоветское время полностью уступила националистической трактовке. Ипостаси поэта и художника важны не сами по себе, а для подчеркивания национального величия героя и сакральности его борьбы за национальную независимость. В украинском национальном мифе революционная деятельность Шевченко, какова бы она ни была эмпирически, полностью вписывается в историю национальной борьбы с Россией. Таким образом, Шевченко символизирует современную украинскую идентичность, неразрывно связанную с современным украинским государством.

Какова эта идентичность в украинской диаспоре, еще до госпереворота на Украине в 2014 году описал Джон-Пол Химка, канадский историк, этнический украинец, подвергающийся цензуре и гонениям за свою позицию по ряду вопросов украинской национальной памяти, таких как участие УПА в уничтожении евреев, причины голода на Украине в 1932–1933 годах и других. Позволим себе значимую цитату: «29 апреля 2010 года я писал своему близкому другу Алану Рутковскому: “Я полагаю, мне пора прекратить свой крестовый поход. Но он ведь был не против ОУН-УПА как таковой, а против того, чтобы ОУН-УПА становилась главным пунктом идентификации украинцев. Я думаю, что проиграл эту битву. Сегодня быть «украинцем» означает принять их наследие”» [27, с. 437].

Именно этот вариант поддержан в украинском государстве. После начала СВО рассмотренная версия национальной памяти стала на Украине безальтернативной. После 2014 года украинская политика памяти направлена на маргинализацию научных исторических концепций и версий истории, противоречащих официальной националистической [8]. С 2022 года в стране запрещены и преследуются по закону политические партии, выражающие интересы других групп украинского общества помимо украинской политической нации [6]. Таким образом, после начала СВО на Украине Тарас Шевченко стал однозначным символом украинской идентичности, включающей Голодомор как геноцид, героизацию УПА и Бандеры и современную украинскую государственность с ее антирусской политикой.

Советская интерпретация биографии Шевченко строится на героизации борьбы угнетенных классов Российской империи с русским царизмом. Двойственность, заложенная в самом предмете, позволяет давать националистическую трактовку этому символу, что и произошло на Украине. В Российской Федерации сосуществуют две интерпретации – проукраинская националистическая и интернационалистская советская. Рассмотрим, какая из них формирует практики коммеморации Шевченко в Луганске.

Тарас Шевченко при жизни никогда в Луганске не бывал и не упоминал Луганск в своих произведениях. Таким образом, память о Шевченко не име-

ет регионального компонента и не относится к локальной культурной памяти. В период существования украинской государственности на Луганщине памятные мероприятия, посвященные Тарасу Шевченко, проводились в Луганске с целью вписать регион в более широкое культурное пространство – Украину, а у его жителей сформировать украинскую национальную идентичность.

Для наших целей ограничимся исследованием Луганска и важнейших топов в городе, связанных с Шевченко. В настоящее время (2025) самым заметным местом памяти Тараса Шевченко в Луганске является памятник на главной площади города, в парке Героев Великой Отечественной войны. Один из старейших университетов Луганска, педагогический, до 2020 года носил имя Шевченко. Именем Тараса Шевченко названа одна из центральных улиц города.

Памятник Шевченко в Луганске появился в независимой Украине в период роста национального самосознания и постсоветской украинизации. Как сообщает луганское краеведческое издание, «ведущую роль в истории возведения монумента Кобзарю в Луганске сыграло созданное здесь в 1995 году Луганское областное Братство почитателей творчества Тараса Шевченко. Памятник установлен в парке Героев Великой Отечественной войны 22 мая 1998 года в рамках Международного литературно-художественного праздника им. Т.Г. Шевченко “В сім’ї вольній, новій...”. Личность Кобзаря стала символом величия духа, глубочайшей мудрости, негибаемой воли. Скульптурное изваяние Кобзаря называют народным, ведь средства на его создание собирала вся страна, Всемирный фонд Т.Г. Шевченко, Всемирный конгресс украинцев» [10, с. 100].

В 2001 году вышла книга Луганского областного Братства почитателей творчества Тараса Шевченко под названием «Утверждение украинской правды». Аннотацию этого издания приведем полностью, перевод на русский наш: «Появление этой книги обусловлено необходимостью опровергнуть умышленные фальсификации, бытующие еще и сегодня, о том, что памятник украинскому Пророку Тарасу Шевченко в городе Луганск установлен якобы на средства пенсионеров.

На самом же деле, как убедится читатель, луганчане должны благодарить за этот чудесный монумент-подарок не только сознательное украинство города, области, Украины, а в первую очередь украинство мира.

И это убедительно подтверждается документами, лежащими в основе этой документально-публицистической работы» [26, с. 2].

В книге действительно приводится история сбора денег на памятник. На нескольких страницах публикуются списки сознательных украинцев Канады и США, внесших свой вклад [26, с. 58–71, 72–77]. Далее приводятся списки организаций, принявших участие в сборе денег. Среди них Братство бывших воинов 1-й УД УНА, Украинское стрелецкое сообщество, Украинский кредитный союз, Royal Canadian Legion, украинское отделение № 360 [26, с. 72]. Тут же дается анализ жертвователей: 2 почетных основателя (размер пожертвований более 1000\$), 3 мецената (1000\$), 12 основателей (500\$), 27 благодетелей (250\$), 129 сторонников (100\$) [26, с. 72].

Итак, памятник Шевченко ставится в Луганске транснациональными организациями украинцев как символ украинской нации и украинской государственности. Шевченко выступает как носитель украинской национальной идеи, и ни в каком другом качестве он не интересен. Военные организации Канады и США, состоящие из бывших украинских военных, сражавшихся с русскими во Второй мировой войне, собирают деньги на памятник не просто поэту и художнику, а идейному вдохновителю их собственной борьбы.

В книге также приводятся статьи из луганских газет того времени, отражающие реакцию общественности на сбор денег, проект установки

памятника Шевченко и переименования площади Героев Великой Отечественной войны в площадь Шевченко. Характерным является опубликованное в «Луганской правде» 12 июня 1997 года письмо Луганского областного совета ветеранов, Луганской областной редколлегии Книги памяти Украины, Луганской областной и городской организации Украинского общества охраны памятников [26, с. 44–45]. Внятных аргументов против установки памятника у этих организаций нет. Протест их вызывает проект переименования площади в площадь Шевченко. Здесь намечен конфликт советской коллективной памяти и украинской национальной. Завершился он частичной победой советской интерпретации – площадь не поменяла своего названия, но ее композиционным центром стал памятник Шевченко, транслирующий украинскую национальную идентичность и символизирующий украинскую национальную государственность.

Эта ситуация сохраняется до наших дней. Инициативы городских властей перенести памятник в другое место ни к чему не привели. Одними из первых проблему несоответствия памятника общей концепции сквера и тематике проводимых мероприятий ветеранские организации Луганска поднимали еще в 2015 году [21]. Луганский писатель Глеб Бобров в 2024 году писал о том, что памятник Шевченко в центре города – символ украинской оккупации [17]. Администрация Луганска несколько раз проводила опросы о том, нужно ли оставлять памятник в центре города, однако побеждает мнение, что не нужно уподобляться Украине и сносить памятник поэту [21].

Обратимся к еще одному месту памяти Шевченко – Луганскому педагогическому университету. Учебное заведение, готовящее педагогов, существует уже более ста лет. В 1921 году «в селе Мало-Николаевка Луганского округа были организованы педагогические курсы. Первоначально учебное заведение называлось Донецким институтом народного образования, но в 1934 году его преобразовали в Луганский государственный педагогический институт Народного комиссариата просвещения Украинской Советской Социалистической Республики (УССР). В 1939 году президиум Верховного совета УССР присвоил педагогическому институту имя украинского поэта, художника Тараса Григорьевича Шевченко» [18]. Заметим советскую трактовку фигуры Шевченко – он подается как украинский поэт и художник, однако его национальная идентичность стоит на первом месте даже в антинационалистической идеологии советского периода.

Правительство ЛНР своим распоряжением переименовало университет и лишило его имени Шевченко 17 июля 2020 года, через шесть лет после нападения Украины на Донбасс [23]. Идея дать университету имя основательницы города Екатерины Великой не была реализована, хотя и высказывалась в Луганске общественными деятелями, писателями и философами, включая Виталия Даренского, Константина Деревянко и других [4].

Улица Шевченко – одна из центральных в городе – до 1921 года называлась Демократической. На ней был расположен первый многоэтажный дом в Луганске. Улицы Шевченко есть также в луганских пригородах – Александровске и Счастье. А в самом городе есть еще и квартал Шевченко [15, с. 103].

Итак, в Луганске существует несколько мест памяти, связанных с Тарасом Шевченко. Они созданы в советский период и во время независимой Украины. Для многих россиян, включая жителей Луганска, традиция делает эту символику приемлемой. Кроме того, важную роль играет репутация Шевченко как гениального поэта и художника из народа, страдавшего за простых людей. Для русской аудитории подчеркивается художественная ценность творчества Шевченко.

Какую же идентичность символизирует Шевченко в центре Луганска? Республики Донбасса создавались как противовес украинской этнократии,

победившей в Киеве в 2014 году. Интернационализм республик активно подчеркивается в риторике донбасских политиков с 2014 года, как показал А.А. Воронович [8]. Интернационализм опирается на советское наследие и берет за образец антинационалистическую политику СССР, которую пытается повторить. Так, в 2016 году, на второй год войны Украины против Донбасса, руководители ЛНР возлагали цветы к памятнику Шевченко в день его рождения [24]. Таким образом, в ЛНР сохранилось пространство советской памяти, еще не национализированное Украиной. Прямо сейчас в Луганске происходит борьба символов и конфликт интерпретаций. Может ли Российская Федерация сделать Шевченко символом чего-то еще, кроме украинской национальной государственности?

Если опираться на советское наследие, Шевченко можно представить как революционера, работавшего против государственной власти ради коммунистического интернационала. В условиях военного конфликта, восемь лет происходившего на территории Республики, а также СВО, идущей четвертый год, ставить памятник с таким символическим смыслом представляется не лучшим решением. То же самое касается и других регионов России, но поскольку Шевченко интегрирован в коммунистическую традицию, а коммунизм является довольно популярной идеологией, Шевченко может выступать и как символ советского прошлого, когда коммунистическая идеология была господствующей в стране. Достаточно ли этого, чтобы уничтожить символический потенциал Шевченко как отца украинской нации?

Нам представляется, что этого недостаточно из-за внутренней противоречивости самой советской интерпретации истории. Будучи господствующей в определенный период истории России, эта интерпретация на теоретическом и идеологическом уровне является антирусской и антихристианской. Использовать ее для укрепления российской государственности можно только в условиях жесткого идеологического контроля, который сейчас у государства отсутствует. Информация о деятельности Шевченко, его взглядах и идеях, легко доступна. Националистическая идеология, создателем и носителем которой он был, противоречит государственным интересам современной России. Украинская националистическая интерпретация Шевченко транслируется не только государством Украина, но и мировым украинством, если воспользоваться самопрезентацией этого сообщества. Для реинтерпретации Шевченко как символа пророссийской, а тем более региональной российской идентичности требуется контроль над этими центрами силы в символической политике, которого Россия не может добиться даже путем СВО.

Именно в Луганске, русском регионе, столкнувшись в XX веке с украинизацией, были осознаны эти вызовы. Еще в 2005 году, до Евромайдана 2013–2014 годов в Луганске опубликована книга «Тарас Шевченко – крестный отец украинского национализма» местных авторов Г.Л. Боброва, Н.А. Грекова, К.В. Деревянко [1]. В этой книге исследуются мировоззрение Шевченко, взаимоотношения с видными деятелями культуры его времени, включенными позднее в пантеон национальной украинской литературы, Е. Гребинкой, Г. Квиткой-Основьяненко, И. Котляревским, Г. Сковородой, Н. Гоголем и другими. Большое внимание уделяется критике мировоззрения Шевченко с христианских позиций. В заключительной главе анализируется его роль в актуальной украинской культурной и политической повестке 1990–2000-х годов. Выводы авторов однозначны: мировоззрение Шевченко – националистическое, с христианством оно не совмещается ни имплицитно, ни явно, поскольку автор не раз позволяет себе антихристианские заявления и нацию ставит выше Бога. Национализм Шевченко направлен против русских, и именно этот аспект востребован в современной украинской культуре.

Подведем итоги. В Луганске Тарас Шевченко занимает важное место в символическом пространстве. Такие места памяти, как улица, городской квартал, университет созданы в советский период, а самое яркое из них, памятник Шевченко, – в период независимой Украины. Символическая политика памяти включает конфликт трех интерпретаций Шевченко: украинской национальной, советской и пророссийской христианской. Последняя интерпретация наиболее соответствует интересам российской государственности, но наиболее слабо представлена в городе, это хотя и концептуально важная, но всего лишь одна книга. Ей противостоят советская и украинская национальная интерпретации Шевченко, которые на данный момент побеждают. В республиках после десяти лет войны с Украиной превалирует не украинская национальная, а советская традиция, которая под лозунгом интернационализма включила две насильственные украинизации в течение XX века, что и приносит результаты: Шевченко воспринимается как часть традиционного наследия города, а его националистический символизм мало кем осознается не только в Луганске, но и в других городах России.

В постсоветский период, когда образовалось суверенное государство Украина, в России можно было думать, что проблема украинского национализма вынесена за государственную границу и будет решаться без нас. Опыт показал, что это не так. Украинский национализм является не врожденным, а культурно сконструированным с помощью символической политики, включающей места памяти и их интерпретации. После трех лет СВО все больше людей в России вовлекаются в новейшую украинскую историю, знакомятся с украинской национальной идеологией и осознают, что Тарас Шевченко – это не просто поэт, художник и борец за угнетенные классы, но в первую очередь создатель украинской националистической идеологии, отец украинской нации и человек с антирусским и антихристианским мировоззрением. Реинтерпретация мест его памяти внутри российских границ становится насущной проблемой российской символической политики, и для решения этой проблемы может быть использован луганский опыт.

Литература

1. *Бобров Г.Л., Греков Н.А., Деревянко К.В.* Тарас Шевченко – крестный отец украинского национализма. Луганск: Виртуальная реальность, 2005. 268 с.
2. *Борисенок Е.Ю.* Проблемы взаимоотношений между УССР и союзным центром: от Н.С. Хрущева к Л.И. Брежневу (1953–1972 гг.) // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР: Очерки: Колл. монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 437–480.
3. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
4. В Луганске отказываются от Шевченко и хотят Екатерину Великую [Электронный ресурс] // EurAsiaDaily. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2020/07/09/v-luganske-otkazyvayutsya-ot-shevchenko-i-hotyat-ekaterinu-velikuyu> (дата обращения: 15.02.2025).
5. *Веденеев Д.В.* Патриотический поворот в годы Великой Отечественной войны и образ Тараса Шевченко / Д.В. Веденеев, Д.В. Будков // Stephanos. 2015. № 2 (10). С. 181–189.
6. Верховная рада приняла законопроект о запрете «пророссийских» партий [Электронный ресурс] // RBC.ru. Режим доступа <https://www.rbc.ru/politics/03/05/2022/62712f189a7947b9948df4a9> (дата обращения: 25.02.2025).
7. *Воронович А.А.* Историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса в постсоветском контексте // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: Акторы, институты, нарративы: Колл. монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 610–627.
8. *Воронович А.* Политика памяти по-киевски / А. Воронович, Д.В. Ефременко // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 5. С. 209–223.
9. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. сангл. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с., ил.

10. Выдающиеся люди и памятные места Луганщины: Аннотированный рекомендательный список литературы / сост. Н.А. Риблова, А.И. Коваленко, С.П. Крыця. Луганск, 2018. 105 с.
11. Дроздов К.С. Украинское население на территории России / РСФСР в 1917–1933 гг.: политика украинизации, родной язык, национальная идентичность // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР: Очерки. Колл. монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 389–434.
12. Историческая политика в контексте современного конфликта вокруг Украины [аудио] // ИНИОН РАН. Rutube. Режим доступа: <https://rutube.ru/video/c2f65ac49d01f4750c707e1f070bac3a/> (дата обращения: 15.02.2025).
13. Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в 21 веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 217–255.
14. Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 282 с.
15. Костин В.И. Ворошиловград: Архитектурно-исторический очерк. Киев: Будівельник, 1987. 223 с.
16. Левченко А.И., Глазков В.А., Помников О.И. Украина и ее мифы // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР): Материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск, 20–22 октября 2022 года. Омск: Омский гос. ун-т имени Ф.М. Достоевского, 2022. С. 387–395.
17. Луганск: Шевченко остается [Электронный ресурс] // Русская народная линия. Режим доступа: https://ruskline.ru/opp/2024/03/10/lugansk_shevchenko_ostaetsya (дата обращения: 15.02.2025).
18. Луганский университет им. Шевченко решили переименовать [Электронный ресурс] // EurAsia.Daily. Известия. Режим доступа: <https://iz.ru/1032013/2020-07-06/luganskii-universitet-im-shevchenko-reshili-pereimenovat> (дата обращения: 25.02.2025).
19. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.
20. Миллер А.И. Украинский вопрос в Российской империи. Киев: Laugus, 2013. 416 с.
21. Мнение луганчан будет учтено при определении места расположения памятника Т.Г. Шевченко [Электронный ресурс] // Официальный сайт Муниципального образования городской округ город Луганск Луганской Народной Республики. Режим доступа: <https://gorod-lugansk.com/2025/01/15/mnenie-luganchan-budet-uchteno-pri-opredelenii-mesta-raspolozhenija-pamjatnika-tgshevchenko.html> (дата обращения: 25.02.2025).
22. Остапчук О.А. «Земля, текущая медом и молоком»: украинские земли Правобережья в представлениях региональных элит и в политике имперских властей в первой половине XIX в. // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР: Очерки. Колл. монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 157–202.
23. Правительство ЛНР переименовало два вуза Республики [Электронный ресурс] // ЛуганскИнформЦентр. Режим доступа: <https://lug-info.ru/news/pravitelstvo-lnr-pereimenovalo-dva-vuza-respubliki-58162/> (дата обращения: 25.02.2025).
24. Руководители ЛНР почтили память украинского поэта Тараса Шевченко [Электронный ресурс] // ЛуганскИнформЦентр. Режим доступа: <https://lug-info.ru/news/rukovoditeli-lnr-pochtili-pamyat-ukrainskogo-poeta-tarasa-shevchenko-foto-11402/> (дата обращения: 15.02.2025).
25. Ставицкий А.В. «Историческая политика» на Украине: мифологический аспект // Миф в истории, политике, культуре: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции, Севастополь, 22–25 июня 2021 года / под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал Мос. гос. ун-та имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 352–358. DOI 10.35103/SMSU.2021.11.31.050.
26. Утвердження української правди. Луганськ: Знання, 2001. 116 с.
27. Химка Дж.-П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в 21 веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 421–454.
28. Ципко А.С. Драма украинской идеи: Уроки трех насильственных украинизаций Малороссии (1917–1919, 1920-е – начало 1930-х, 2014–2019) // Тетради по консерватизму. 2020. № 2. С. 400–448. DOI 10.24030/24092517-2020-0-2-400-448.
29. Шиндель С.В. Основы формирования национальной идентичности в XXI веке: история или мифология? // Миссия конфессий. 2023. Т. 12, № 1 (66). С. 41–49.

Аннотация. В статье анализируются украинская национальная, российская имперская и советская интернациональная традиции интерпретации места Тараса Шевченко в современной российской культуре в парадигме символической политики. Шевченко как тоpos присутствует во всех трех традициях, придающих разное значение его личности: в украинской национальной традиции это Пророк и отец нации, вдохновляющий на вооруженную борьбу за украинскую государственность, в российской имперской – носитель региональной российской идентичности и культурной самобытности региона, в советской интернационалистической – революционер, противник русского царизма. В независимой Украине интерпретация Шевченко как героя национального пантеона стала безальтернативной основой государственной политики страны. Но в силу советской традиции места его памяти воспринимаются жителями Луганска и России в целом как места согласия, а националистическая реинтерпретация фигуры Кобзаря полностью игнорируется. Непоследовательная символическая политика по отношению к символам украинской государственности опасна, особенно в период СВО. Помещение Шевченко в контекст христианской традиции как антихристианского борца за украинский национализм может быть одним из вариантов решения этой проблемы.

Ключевые слова: культурная память, места памяти, украинская государственная политика, украинский национальный миф, украинский национализм, советская традиция, Тарас Шевченко, Луганск.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов

Nina S. Ishchenko, PhD in Philosophy; Assistant Professor, Philosophy, History and Pedagogics Department, Lugansk Voroshilov State Agrarian University. E-mail: ninaofter@yandex.ru

Taras Shevchenko in Lugansk: Places of Memory and Traditions of Interpretation

Abstract. The paper analyzes the traditions of interpreting Taras Shevchenko's place in modern Russian culture in the paradigm of symbolic politics. The article examines the Ukrainian national tradition and Russian imperial and Soviet international traditions. The author shows that Shevchenko as topos is present in all three traditions that give different meanings to his personality: in the Ukrainian national tradition he is a Prophet and father of the nation, inspiring the armed struggle for Ukrainian statehood; in the Russian imperial tradition he is the bearer of regional Russian identity and cultural identity of the region; in the Soviet internationalist tradition he is a revolutionary, an opponent of Russian tsarism. In the independent Ukraine the interpretation of Shevchenko as a hero of the national pantheon has become the uncontested basis of the country's state policy. Since Shevchenko is also present in the Soviet tradition, the places of his memory are perceived by the residents of Lugansk and Russia as places of harmony, and the nationalist reinterpretation of his figure is completely ignored. Inconsistent symbolic policy towards the symbols of Ukrainian statehood is especially dangerous during the war with the nation-state of Ukraine. The experience of Luhansk can be used to solve this problem, including placing Shevchenko in the context of the Christian tradition as an anti-Christian fighter for Ukrainian nationalism.

Keywords: Cultural Memory, Places of Memory, Ukrainian State Policy, Ukrainian National Myth, Ukrainian Nationalism, Soviet Tradition, Tara Shevchenko, Lugansk.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Альманах
Тетради по консерватизму
№ 1 2025

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

<http://www.essaysonconservatism.ru/>
tetradipokonservatizmu@gmail.com

Подписано в печать 28.03.2025. Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 22.75
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282 Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1.
Тел. 8 (495) 685-93-18